

СТАНИСЛАВ ДЕМЕНТЬЕВ

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ
АРХИДЕМОН
6

Станислав Дементьев

Четырнадцатый архидемон 6

<https://litres.ru/74619043>

SelfPub; 2026

Аннотация

Путь от полуживого беглеца до главы собственной секты занял совсем немного времени. Чуть больше потребовалось, чтобы уничтожить окружавших твою секту врагов. И встретиться со старыми друзьями. Но половина мира считает тебя коварным архидемоном, о твоей секте уже знают настоящие архидемоны, опасность грозит не только тебе, но и твоим близким...

Добиться успеха – полдела. Теперь нужно его пережить.

Содержание

Глава 1. Возвращение старейшины.	5
Глава 2. После долгой разлуки.	18
Глава 3. Марионетка и завоеватель.	27
Глава 4. Завоеватель в деле.	34
Глава 5. Мудрый учитель Вален.	43
Глава 6. О культивации и женщинах.	53
Глава 7. Взглянуть тигрице в глаза.	66
Глава 8. Досточтимая Тысяча Уловок.	74
Глава 9. Условия сделки.	85
Глава 10. «Твой путь – тебе и идти».	97
Глава 11. Интерлюдия: Секта Грозового Пика.	109
Глава 12. Интерлюдия: Секта Шести Печатей.	122
Глава 13. Листок на ветру.	136
Глава 14. Принципы праведного пути.	148
Глава 15. Туман и страх.	172
Глава 16. Страх и красивые слова.	183
Глава 17. Искусства обмана.	193
Глава 18. Шаги вперёд и планы на будущее.	204
Глава 19. «Твои открытия потрясут весь мир культивации».	216
Глава 20. Потенциал Громового Клинка.	226
Глава 21. Четвёртый цвет духовного ядра.	239
Глава 22. Пути культивации и наследие древних.	251

Станислав Дементьев

Четырнадцатый

архидемон 6

Глава 1. Возвращение старейшины.

Старейшины четырёх сект были мертвы. Чудовище, стоявшее за ними, было мертво. Древняя твердыня Секты Преобразования Пяти Элементов, с её секретами и её благословенной землёй стала наградой выжившему. Вален Вен, он же Старейшина Добродетельный Демон, возвращался домой с победой. Летел на мече над бескрайним морем – способ перемещения, достойный практика.

И в который уже раз его настроение после победы было тяжёлым и мрачным, как пригнанная муссоном туча над головой. Не только потому, что он не был уверен, есть ли у него ещё дом. А просто так уж вышло, что вкус у победы опять оказался какой-то странный. Это, кажется, уже стало для него тенденцией. Похоже, что он лучше умеет сражаться, чем выбирать свои сражения. Учитывая то немногое, что он знал о своей прошлой жизни – неудивительно. Но его прошлая жизнь закончилась самым печальным образом.

Возможно, не только потому, что у него просто не было того шанса, той удачи, которые выпала ему сейчас. Возможно... нет, даже вероятно, что ему и в прошлой жизни не хватало умения просчитывать ситуацию дальше, чем на один шаг вперёд. Глядеть на неё с разных сторон – не сидя спокойно в своей спальне, а в разгар событий, под давлением.

Обладая он такой способностью, он бы, пожалуй, мог вернуться домой на несколько часов раньше. Не истратив значительную часть своего волшебного оружия. Учитывая, что его дом, Секта Добродетельного Демона, вполне могла сейчас находиться в осаде. Вряд ли старейшины Сект Перерождённых Элементов устроят нападение так, чтобы оно произошло до их собственного столкновения с Валеном... Тогда ведь он может быть предупреждён. Нельзя исключать, что если сражение вообще началось, то оно продолжается до сих пор. Всё-таки, защита, которой теперь обзавелась его секта, довольно надёжна. Атаки практиков ниже трёх цветов не проломают её грубой силой. Тем более, что в тёмных сектах объединять учеников в формацию, для мощного удара, вряд ли может кто-то, кроме старейшин. Прodelать брешь искусством помешают быстрые вылазки Сурэнохи. Скорее всего врагу придётся ждать, пока земная энергия не истощится и защитный купол не падёт сам собой. Такие рассуждения одновременно утешали и заставляли торопиться.

Чтобы с пользой провести время долгого полёта над тёмным океаном, Вален взялся обдумывать способы, которыми

он мог бы избавиться от мучившей его сейчас неизвестности. Техники дальней связи, Ветер над Морем и его вариации? Они требовали стадии внешнего единства, их использование было заметно для всякого, кто окажется поблизости, передаваемые через них сообщения при определённых условиях можно было перехватить. И через купола-барьеры либо иные порождения защитных формаций они проходили плохо. Особые сокровища, вроде оставленной им в секте таблички, которая должна была расколоться в случае его смерти, не страдали от этих недостатков. Зато были крайне ограничены в своих функциях, в информации, которую могли передать. В мире культивации ничто не даётся даром, кроме врождённого таланта. Достоинства покупаются за счёт ограничений и недостатков. Вот только кто сказал, что баланс достоинств и недостатков в определённой области уже оптимален? Вален уже убедился на практике, что Наставники и Досточтимые былых времён могут не только упускать из виду то, что не соответствовало их жизненному опыту, но и прямо ошибаться.

Жаль, что всё это пустые теоретические рассуждения. Будь рядом с ним Люме, всё могло бы быть иначе. Да, даже и представить сложно, сколько всего могло бы быть иначе, если б он не разлучился с Люме и Наттаром. Но в суровой реальности, единственная зачаровательница у него под рукой – это Хунбиш. А ей Вален не доверял. Точнее говоря, доверял не настолько, чтобы поручать ей создание того, что всякий

практик будет держать в строгой тайне – способов связи. Да и цветов с талантом у неё недостаточно.

Хм. А возможно ли использовать для связи алхимические средства? Если существуют пилюли, реагирующие на изменения в духовной энергии того, кто их проглотил... Нельзя ли с помощью алхимии создать сокровище, реагирующее на изменения в духовной энергии практика, находящегося на большом расстоянии? Или парные пилюли, из которых одна будет реагировать на то, что вторую проглотили?

Теоретически возможно, но на практике, учитывая пустые рассуждения. Годящие только чтобы отвлечь разум от навязчивых мыслей о том, что он увидит дома. За год с лишним после побега из Секты Шести Печатей он мало продвинулся в алхимии... Нет, нечего лишний раз жалеть себя. С определённой точки зрения он достиг большого прогресса. Необходимость быстро изготавливать большие партии пилюль не только позволила набить руку: его попытки ускорить процессы углубили понимание этих процессов. Как и замена компонентов простых пилюль с идеальных на доступные. Как и выплавка модифицированных, отравленных пилюль для торговли с врагом. В общем, он сильно укрепил свой фундамент как алхимика. Однако же, для создания совершенно новых пилюль крепкого фундамента мало. К тому же его лаборатория оставляет желать лучшего. Если её до сих пор не разорили враги...

Мысли Валена раз за разом возвращались в тот же по-

рочный круг бессмысленных переживаний. Несмотря на все усилия воли. Несмотря на то, что он снизил выработку веществ, отвечающих за беспокойство, до минимума. На его стадии внутреннего единства, он, в принципе, мог отключить их выработку вообще, а потом заблокировать соответствующие связи в мозгу. Он, в принципе, мог полностью подавить вообще любую эмоцию, которая ему не нравилась. Но и старший Кантос и мать, в оставленных ему заметках по культивации, и «Начальное наставление» строго предостерегали против таких решительных экспериментов.

«Даже закалённый практик может подсесть на избавление себя от душевной боли хуже, чем смертный на зелья из чёрных маков. Это в лучшем случае, — сказал Кантос вскоре после прорыва Валена на третий цвет.

— А в худшем? — спросил тогда Вален.

— А в худшем, сам не заметишь, как превратишься в чудовище. В общем, смотри на всё это точно так же, как на физическую боль. Если не можешь — надо её смягчать. Но если избавиться от неё вовсе — сам не будешь замечать, когда прикладываешь ладонь к раскалённой печи.»

Вален вздохнул, влетая в очередную полосу тяжёлого дождя, полосующего океан внизу. Его одежды не достигло ни единой капли — он машинально окружил себя барьером воли. Теперь он мог сутками поддерживать слабый барьер, способный останавливать дождь или очищать воздух от яда. Почти любому другому практику на его месте пришлось бы подни-

маться над облаками, чтобы остаться сухим. Что-что, а его открытия в культивации давали ощутимую пользу.

Это одна из двух старших карт у него на руках. Он обладает знанием, которое пока скрыто от других – но может принести огромную пользу миру практиков в целом. Вторая скрытая карта: он знает о том, что благословенная земля Секты Преобразования Пяти Элементов существует и что с неё снята печать. И что сила благословенной земли, похоже, намного возросла – с течением времени, или в результате изменения геомантического рисунка за эпоху. Иначе такое ценное место прибрали бы к рукам сразу после того, как старейшины секты погибли в сражении с Зеффаром. Каждая из этих карт по отдельности, если разыграть её верно, могла принести ему почёт, высокое положение и богатство. Каждая из этих карт могла привести его и всех, кто ему поверил, к гибели, если он допустит хотя бы малейшую неосторожность. И возможно даже если никакой неосторожности он не допустит. Великое сокровище в руках того, кто не способен его защитить – неодолимый соблазн.

Будь у него на руках каждая из этих карт по отдельности, единственным верным решением было бы утаивать её как можно дольше. Ведь даже тайное знание и понимание можно выпытать. Но если этих карт две, то появляются варианты... Необходимо сперва тщательно изучить политическую географию окружающих регионов, чтобы понять реалистичность этих вариантов. Но они появляются. Одно дело

вытряхивать драгоценную информацию из бродяги, который не может назвать своей Наставницы, чтобы не изобличить себя как разыскиваемого преступника и злобного архидемона. Другое дело – из главы незначительной, но секты. Одно дело отобрать благословенную землю у незначительного главы секты. Другое дело – у гения, сотрудничество с которым может быть очень ценным.

Но для таких расчётов требовалось, конечно, чтобы у него ещё оставалась секта.

*****

Сердце Валена замерло, когда он завидел вдали гору, на которой стояла Секта Добродетельного Демона. Его сверхчеловечески острые глаза увидели следы сражения издалека. Повреждённые стены. Лес на склонах, превратившийся в месиво обломков. Но замерло лишь на миг. Он почти сразу разглядел на стенах часовых, в простых белых халатах своей секты.

Они разглядели его куда позже, хотя он не скрывал своего приближения. Лишь когда Вален уже был над двором секты, выглядевшим так, словно на нём сплясал великан в стальных сапогах, наружу начали выбегать знакомые ему люди и гуаи.

Он испустил бы вздох облегчения, заметив, что все, кто был ему действительно важен, живы. Если б ему в глаза не бросились две до боли знакомые ауры. Сперва он разглядел ауры, а лишь потом лица.

Люме и Наттар замерли на миг, когда увидели его. Словно

лишь сейчас окончательно поверили в то, что Старейшина Добродетельный Демон – это действительно он. Или вдруг почувствовали себя виноватыми.

А вот Вален не замер. Он соколом слетел вниз, позволив лишившемуся управления мечу со звоном упасть на камни. И прежде чем кто-то успел что-то сказать либо сделать, заключил невесту со сводным братом в объятия. Обоих разом.

— Не могу поверить! Вы!

— Ты! — Люме обняла его в ответ так, словно не знала, хочет ли раздавить его в объятиях или прямо сейчас сорвать с него одежду, жарко поцеловала. А вот Наттар так и продолжил стоять столбом – видно смутился.

Тут Вален тоже вспомнил, что он вообще-то теперь старейшина секты. На которого сейчас глядят его ученики. Со всем недавно по его милости побывавшие в жестокой битве. Сурэноха так вообще выглядела так, словно ей хотелось свалиться умереть на месте. Вален кашлянул, отстранился, сделал шаг назад, придал себе строгий и величественный вид. Может он и не избавился от эмоций, но уж полный контроль над их выражением для него был детской игрой.

— Ученики! Практики Секты Добродетельного Демона! Радуйтесь – я уничтожил старейшин четырёх тёмных сект! Наша борьба окончена! Победа, можно считать, за нами!

Подождал несколько секунд, пережидая шквал воплей ликования. Поднял руку, призывая всех к молчанию.

— Я вижу, что вам пришлось непросто! Но наградой за

ваши усилия будут долгожданное отмщение и обильная добыча, когда мы нанесём ответный удар!

Сделал короткую паузу. Оглядел собравшихся. Сурэноха была в полном порядке. Другие его ученики тоже были здесь – Хожин, Чулмуут, Чиудай, Нэргуй... Хунбиш и Хорл стояли чуть в сторонке – супружеская пара выглядела до ужаса довольными. Служанка Энэби как раз показалась в главных дверях башни, запыхавшаяся – она не могла выбежать наружу со скоростью практиков.

Честно говоря, Валену хотелось послать их всех к Зеффару. Его девушка и его самый старый друг снова с ним! Но всё же, теперь он был старейшиной секты. Помимо дружбы и сердечной привязанности, у него имелись обязательства. Связь между учителем и личным учеником – ближе связи между родителем и ребёнком. Связь между старейшиной и его сектой – ближе связи между главой клана и его младшими родичами. Ну, так гласила теория. На практике всё, конечно, было сложнее... Но и вправду, некоторые из его учеников уже и так выглядели словно обиженные дети, пытающиеся свою обиду скрыть. Особенно Сурэноха. Выглядело почти забавно, учитывая, что после прорыва на первый цвет она успела ещё подрасти, так что теперь выделялась среди учеников ростом и шириной плеч, сравнявшись с самим Валеном.

— Я рад увидеть вас всех живыми. Накрывайте на стол в главной зале. Я желаю услышать от моих учеников все по-

дробности сражения, которое здесь произошло, — Вален обвёл толпу взглядом. Сделал полшага вперёд, положил руки Наттару и Люме на плечи. — А ещё я желаю, чтобы вы оказывали этим двум старшим почтение, как если бы они были братом и сестрой вашего учителя.

На этот раз вместо воплей собравшаяся толпа отозвалась одобрительным гулом.

*****

— Вот оно, значит, как получилось, — промолвил Вален, не глядя ни на кого в особенности.

В описании сражения за Секту Добродетельного Демона он заметил странность. Не то, что Хунбиш и Хорл остались живы – уж конечно у опытной зачаровательницы и её супруга могут быть защитные сокровища, которые в сочетании с везением спасут от одной неакцентированной атаки. Нет, именно то, что раньше заметил Наттар. Почему этот Иншань обратился в бегство, хотя не получил тяжёлых ранений, а его противники были на пределе сил? Он использовал некую технику усиления, с ограничением по времени? Да полноте. Превосходство на цвет плюс техника усиления с таким ограничением должны были дать ему неодолимое преимущество. Надо потом будет расспросить основных действующих лиц по очереди.

— Я прошу извинений у тебя, мой господин, и у твоих учеников, — Люме, сидевшая по левую руку от Валена, встала и поклонилась. — Не будь наши способности столь

ничтожны, мы бы не привели сюда врага. Теперь вся Секта Добродетельного Демона в большой опасности

— Не стоит извинений, — махнул рукой Вален. — Вы совершенно правильно оценили силы Иншаня, если даже с помощью моих учеников и помощников сумели лишь ранить его. Когда враг слишком силён — ищи помощи у старшего. На то, он и старший, верно? И сама слышала — тут все наперебой хвалят вас за то, как отчаянно вы сражались, защищая секту. Наттар, тебе особое спасибо, прикрыл мою ученицу.

— Чеееего уж там! — Наттар покачал головой и вид у него был самый бравый. — Защищать младших по цветам, товарищей в бою и красивых девушек — прямой долг практика! А если б я не помог той, кто помогла мне в самый трудный момент — то не смог бы называть себя мужчиной!

Сурэноха заметно смутилась, опустила глаза к тарелке перед собой. А Вален поглядел на неё и сказал:

— Сурэноха, моя личная ученица. Ты в первом же своём настоящем бою сумела ранить практика на два цвета выше. Не владея никакими особыми сокровищами или артефактами, не пользуясь тайными техниками, не проглотив пилюли, сжигающей твоё тело. Да к тому же очень незаурядного практика. Ты хоть представляешь, какой это подвиг? Я очень горжусь тобой. Жаль, не могу пообещать тебе ещё большей помощи в культивации, потому что и так уже делаю всё возможное. Но я постараюсь приготовить для тебя мои лучшие пилюли, те, в успехе выплавки которых я сам не уверен.

Девушка-гуайша поспешно привстала, поклонилась Валену, неуклюже повторив обычный жест почтения среди практиков — накрыв ладонью кулак:

— Слова учителя — огромная честь.

Но при этом она так и не подняла глаз. Возможно потому, что рядом с Валеном, чуть ли не прислонившись к нему, сейчас сидела Люме.

По той же причине Вален лишь кивнул ей, вместо того, чтобы добавить ещё похвал. Обратился к Хожину:

— Хожин, моя правая рука. Я оставил тебя командовать в моё отсутствие. Ты справился блестяще. Я обещаю сделать всё возможное, чтобы обеспечить тебе подъём по цветам. Если же ты достигнешь хотя бы трёх цветов, стадии внутреннего единства, то станешь вторым старейшиной моей секты.

— Владыка Добродетельный Демон щедр! Я всегда буду идти той тропой, которую он укажет!

Наконец, Вален обратился к Хунбиш и Хорлу:

— Почтенные. Без вашей работы над формой и прочей помощи, вся моя секта погибла бы. Вы можете выбрать себе награду сами. Подумайте, если хотите, я не тороплю.

— Почтенный старейшина чрезвычайно добр, — Хунбиш ответила поклоном и улыбкой. — Мы пока подумаем.

— Отлично. Все остальные получают награды в соответствии с боевыми заслугами, когда мы захватим Секты Перерождённых Элементов. Пока мне просто нечего вам раздавать. А теперь, — Вален снова оглядел всех и на лице его по-

явилась слабая улыбка, — прошу прощения. Мне хотелось бы поговорить наедине с моей невестой и братом.

Глава 2. После долгой разлуки.

— Ну, если коротко, то вот так оно всё и вышло, — пожал плечами Наттар. Они с Люме говорили попеременно, пересказывая Валену краткую историю своих приключений. — Я, знаешь, много раз думал, не зарубить ли этого Иншаня во сне. Может и получилось бы. Он практик бдительный, спал держа ушки на макушке, но даже практик иногда расслабляется. Ноооо... всё же это было б бесчестно. И недостойно. В смысле, убивать по подозрению. Настоящий мужчина так не поступит.

— Пф, — фыркнула Люме. — Я б тебе объяснила, как поступают настоящие мужчины. Только я сама-то окончательно уверилась не сразу. А там Иншань уже стал за нами следить, надолго не оставлял в одиночку. А когда оставлял — сложно сказать точно, следят за тобой или нет, если имеешь дело с практиком на цвет выше. В общем, мы лишь пару раз перекинулись словами насчёт этого подлого лиса.

— И этого хватило, чтобы дружно напасть, едва он показал своё истинное лицо? — с искренним изумлением поинтересовался Вален.

Люме и Наттар в свою очередь поглядели на него с изумлением:

— Мы ведь уже который год спим под одной крышей, летаем в одной лодке, сидим у одного костра, — заметила Лю-

ме. — Тут, знаешь ли, надо дивиться, какие мы с Наттаром оба по натуре одиночки. По-настоящему близким практикам словами обмениваться вообще не потребовалось бы, они бы мысли друг друга в таком важном деле поняли по крохотным движениям лица и тела. Или условным жестам.

Валену эти слова показались сильным преувеличением. Или преуменьшением собственных достижений, смотря с какой стороны поглядеть. Хм. Всё-таки они с Люме два сапога пара... Вслух же он сказал:

— Кстати, в самом деле, давно надо было придумать нам условные жесты, которые понимали бы только те, кому положено. Надо было это сделать ещё когда мы готовились к побегу из Секты Шести Печатей. Займёмся этим, когда найдётся немного времени, — он потёр подбородок. — Ладно. Значит, вот как оно всё у вас получилось...

Рассказ Люме вызвал у него сильное беспокойство. Слишком многое тут не складывалось. Появление Иншаня было бы вполне объяснимо, будь он представителем некоей могущественной силы, располагающей бесчисленными слугами и шпионами. Способной немедленно отправлять этих слуг туда, где обнаружены следы преследуемых этой силой практиков. Однако если Иншань был лишь слугой — где его хозяева? Если предположить, что они охотятся за ним, Валеном — почему ловушка до сих пор не захлопнулась? Если же Иншань действовал в одиночку... нет, в принципе такое возможно. Одна несчастливая случайность всегда допусти-

ма. Но кем бы он ни был — зачем он атаковал Хунбиш? Опознал в ней кого-то? Ненароком столкнулся лицом к лицу со знакомой, способной изобличить в нём охотника за головами? Нет, не может быть. Слишком велик Перерождающийся Континент, слишком далеко от этих краёв Иншань встретился с Наттаром и Люме. Одна случайность — это случайность, а вот две случайности — это не всегда просто совпадение. Не в тех случаях, где вероятность каждой из них по отдельности и так ничтожна.

Тогда кого Иншань увидел под личиной пожилой Недостойной? Кого-то могущественного и опасного? Но кого именно? Кто мог оказаться настолько искусен, чтобы не просто замаскировать ауру, а обмануть способность Валена видеть меридианы. При этом готов потратить значительную часть года на игру в ничтожную зачаровательницу двух цветов? И зачем это могло понадобиться кому-то из могущественных практиков?..

Таковы были мысли Валена, если изложить их в предельно сжатом виде. Благодаря завершённости внутреннего единства и Расцвету Разума, его мозг работал сейчас очень быстро. Пробегая по всем воспоминаниям, связанным с Хунбиш — память Валена тоже стала чрезвычайно точной — анализируя имеющиеся знания. В том числе, знания о политике Перерождающегося Континента, об управляющих ею старейшинах.

— Брат Вален?

Только услышав Наттара, Вален понял, что ушёл в себя прямо посередине разговора с близкими, которых не видел больше года.

— Я боюсь, что нам по-прежнему грозит опасность, — заявил он более важным и величественным тоном, чем слова заслуживали. — Вам придётся рассказать мне всё подробнее.

— Конечно-конечно, — заверил его Наттар с улыбочкой. — Только ведь она не грозит прям сейчас, верно? Правильно? Тааак что мы всё расскажем. Но потом. А пока я вас с Люме оставлю. Уже неудобно, как-то.

Он поднялся, чтобы выйти, но Вален поднялся вместе с ним.

— Люме, погоди пять минут. Надо сперва устроить одного умника на ночь. Не в пещере же ему спать. Да и нет у нас здесь пещер для практиков.

Ещё не выглянув в коридор, Вален почувствовал, что там его поджидает служанка Энэби. А когда выглянул, она поклонилась ему с Наттаром. Поспешнее обычного.

— Господин старейшина, я тут взяла на себя смелость приготовить покои для господина Наттара. Северо-восточные угловые на этом этаже. Ужин уже готов. Господину Наттару подать его отдельно, или вы будете есть вместе?

Вален полсекунды глядел на неё, потом придал своему лицу одобрительное выражение. Если некогда запуганная женщина теперь доросла до того, чтобы распоряжаться хозяй-

ством, что же в этом плохого? Да, «Принципы Наставника, познавшего гармонию» требовали не давать слугам и служанкам, уж если в секте без них не обойтись, никакой неформальной власти, не заводить фавориток. Но у Энэби нет родных или места, куда она могла бы пойти. Любовников тоже нет. А если появятся, то это сложно будет не заметить. Он же не слепо-глухой смертный хозяин. Так что пусть себе распоряжается от его имени. Ради кого ей злоупотреблять этой возможностью?

— Наттар, это Энэби, моя личная служанка. Она тебе тут всё покажет, накормит и спать положит. Будь с ней добр и учтив.

Наттар серьёзно кивнул:

— Буду.

— Энэби, нам ужин пусть несут примерно через час. А Наттар сам распорядится, ему виднее.

Наттар усмехнулся с понимающим видом. Вален ответил строгим взглядом. Плотно прикрыв за ним дверь, обернулся. И тут же очутился в объятиях Люме.

Примерно через минуту, когда даже у двух практиков стало немножко не хватать дыхания, она разорвала поцелуй. Облизнулась почти по-лисьему.

— Вален, ты вообще слышал хоть раз, что женщинам нравится быть желанными, а?

Вален усмехнулся:

— Слышал. А ещё раньше я слышал, что женщинам нра-

вится быть живыми. Впрочем, Наттар прав. Одну ночь дела подождут. Вряд ли тайный враг нагрянет до рассвета.

— Вот же сухарь! — полусерьёзно воскликнула Люме. Прежде чем Вален заставил её умолкнуть страстным поцелуем.

*****

— Теперь я понимаю, как это некоторые старейшины ухитряются погрязнуть в разврате, несмотря на весь самоконтроль практика, — заметил Вален, когда вечер уже перешёл в ночь.

— Если это должен был быть комплимент, то он вышел дурацкий! — для вида Люме возмутилась, но мелкие изменения в её лице, ритме её пульса говорили, что слова оказались ей очень приятны.

Конечно, оба они были практиками внутреннего единства. Оба могли подделать совершенно любые выражения эмоций. Или создать искусственно сами эмоции. Но сейчас, впервые более чем за год, Вален не подделывал ничего. И впервые более чем за год надеялся, что это взаимно, вместо того, чтобы высматривать и анализировать признаки фальши.

Возможно, он даже высказал всё-то это вслух, если бы не опасался, что Люме поймёт его как-нибудь неправильно.

*****

— Снимаю обвинения, — заметила Люме спустя ещё некоторое время. — Ты хочешь меня так, словно со дня на-

шей разлуки у тебя не было других женщин.

— «Словно»? — в голосе Валена прозвучала обида.

Люме глянула на него полулёжа, подперев голову рукой:

— Нуууу, твоя фигуристая ученица смотрела на тебя влажными влюблёнными глазами, а на меня старалась вовсе не смотреть. Ты завёл себе довольно симпатичную служанку, с большими...

— Энэби я даже не касался, не подумай ничего такого! Мне просто нужна была служанка, чтобы заботиться обо всяких мелочах. А Сурэноха... я сейчас всё объясню.

— И тогда ей останется только уговорить меня, чтобы стать твоей второй женой? Так прямо ей и сказал? — переспросила Люме странным тоном, когда Вален подошёл к завершению своего объяснения.

— Ну, да. А что? Ну ты же сама понимаешь — она была на критическом этапе, подготовка к становлению практиком. И я обязан ей жизнью. Я понимаю, получается, что я свалил на тебя неприятное дело. Но разбивать ей сердце прямо там и тогда...

Вален умолк, заметив реакцию Люме. А та еле успела прикрыть рот ладонью, прежде чем рассмеяться в голос, так что затряслось всё тело — зрелище, кстати, вышло весьма интересное.

Люме смеялась, пока в уголках глаз не выступили слёзы:

— Ох, Вален, Вален. Я даже не знаю — радоваться тому, насколько ты меня любишь или печалиться, что в жени-

хи мне достался кусок льда, вместо человека. Нет, для куска льда ты слишком добрый. Как же тебя назвать, а?

Увидела на лице Валена искреннюю обиду, и невольно хихикнула снова. Затем подалась поближе и прильнула к нему:

— Ладно, назову просто «моим любимым». А всё же — эта Сурэноха тебе нравится? Скажи честно. Ну, вот совсем честно.

— Она ещё девчонка и умеет только мечом махать.

— Это значит «да»?

— Каким же местом это значит «да»? — возмутился Вален. Он вдруг чувствовал, что легче разобраться в коварных замыслах четырёх старейшин тёмного пути, чем в извивах мыслей одной гуайши-лисы.

— Ладно, ладно. Прости, — промурлыкала Люме ему прямо в ухо. — Прости, что мучаю тебя глупыми вопросами. В самое неподходящее время. Ночь и так слишком коротка...

*****

В голове Люме вертелся ещё один глупый вопрос к Валену. Но она сдержала себя. Вопрос действительно был глупый. Глупый и грубый, и бессовестный. Мать оттаскала бы её за длинные уши просто за то, что он пришёл ей в голову.

А всё же Люме очень хотелось знать, кто Валену важнее — она как женщина, со всей её красотой и удовольствием, которое она способна доставить мужчине, или она как практик, с её талантом, с её даром Красной Нити Жизни. Глупая хо-

телка. Достойная простой смертной, а не практика трёх цветов. Глупый вопрос, на который она заранее знает ответ.

Конечно, Валену важнее она как практик. Иначе и быть не может. Загвоздка в том, что этот зеффаров сухарь не сумеет, возможно, даже не попробует, перевести всё в шутку, если его спросить. Даст мучительно честный ответ. Или так попытается пощадить её чувства, что уж лучше бы сказал прямо.

Портить эту ночь — и любую следующую ночь — подобным вопросом будет вправду очень глупым поступком.

*****

Вален и Люме заснули лишь под утро. А проснулись через какой-то час от лёгкой дрожи здания.

— Не беспокойся, — сказал Вален. — Моя крепость с виду убога, но формация у нас надёжная. Простые землетрясения не угроза.

Люме зевнула. Села на кровати.

— Я заметила. В смысле, заметила, что формация сделана умело, — она поглядела на слабое алое зарево за окном. — Рановато для восхода. Вулкан?

Вален приподнял голову:

— Он самый. В округе их с полдюжины. Видела ведь, даже горные ледники тут местами серые от пепла.

Извержение вулкана и вправду было заурядным событием в этих местах. Но Вален вдруг замер. Сел и вгляделся повнимательнее. Зарево виднелось на северо-западе. Откуда там взялся действующий вулкан?

Глава 3. Марионетка и завоеватель.

— Понятно.

Вален стоял на краю склона. Позади него была небольшая горная деревня. Одна из нескольких сотен деревень, которые оказались под властью Секты Добродетельного Демона. Вален помнил её название лишь благодаря сверхчеловеческой памяти, сохранявшей почти все факты, которые он когда-либо слышал. Деревня Высокое Пастбище.

Сейчас стены и крыши и без того уже грязноватых деревенских домов почернели от вулканического пепла. А за горными вершинами, на которые смотрел Вален, поднимался колоссальный столб чёрного дыма. Впрочем, до Высокого Пастбища долетал только пепел. Ну, ещё несколько небольших раскалённых камней повредили ограды и крыши при первом взрыве проснувшегося вулкана. Что в деревне никто не пострадал — было неудивительно.

Зато удивительными были рассказы нескольких пастухов, заполночь добежавших до деревни с горного пастбища. Заплетающимися языками, они говорили о пугающих знамениях, об огнях в небе над горами, вызвавших в них необоримый ужас. Если бы не эти рассказы, Вален немедленно вернулся бы в Секту Добродетельного Демона, едва убедив-

шись, что новый — то есть, старый, спавший уже пару сотен лет — вулкан не представляет значительной угрозы. Нет, немного не так. Даже услышав эти рассказы, он вернулся бы всё равно, если б ещё по пути сюда не подозревал, что может столкнуться с какими-то свидетельствами волшебства практиков. Изменения в геомантических линиях, предшествующие извержению, вполне способны создать выброс земной энергии. Это не говоря уже о том, что смертные могли почувствовать опасность по мелким её предвестникам, а потом навоображать себе незнамо чего. Скорее всего, именно это и произошло на самом деле.

Но «скорее всего» Валена не устраивало. Если вокруг него и его секты вправду уже идёт какая-то тайная игра могущественных старейшин, то он не может упустить ни малейшей подсказки, указывающей на суть этой игры.

— Это вам на новые стада, — обратился он к деревенскому голове, вложив тому в руку небольшой кошелёк. Признаться, серебра у Валена и так было больше, чем он знал как потратить — ещё от Секты Белого Пламени осталось немало.

Не слушая благодарностей, Вален вскочил на летающий меч и устремился к поднимающемуся высоко в небо дымному столбу.

Следующий час принёс ему сплошное разочарование. Потoki лавы, дождь из раскалённых камней, толстый слой пепла, изменили пейзаж до неузнаваемости. Даже если здесь произошло целое сражение практиков, ему теперь не распо-

знать следов. Не говоря уже о каком-нибудь менее разрушительном событии. Если б Вален знал, как тут всё выглядело раньше, ещё были бы шансы заметить странности...

Вален пролетел через облако оседающего пепла, чтобы повнимательнее глянуть на почерневший горный склон внизу. Серная вонь просачивалась даже через барьер, фильтрующий воздух. Пора уже возвращаться в секту. Он зря теряет время. Но тщательность и методичность были его второй натурой. К тому же, если к извержению вулкана приложили руку практики, скорее всего, оно стало случайным следствием их сражения.

Разбудить спящий вулкан намеренно непросто. Требования к духовной энергии для управления геологическими процессами вполне посильны — но при условии, что мы пользуемся медленно и постепенно работающей формацией. Или особыми заклинаниями, которые тоже действуют не мгновенно, которые мало кто учит, по причине их сложности и ограниченной полезности. Если без этого — пупок развяжется и у старейшины семи цветов. По той же причине, по которой даже очень могущественным практикам не под силу одним лишь щелчком пальца резко сменить погоду на большой площади, или заставить морские волны расступиться. Слишком велика масса материи, которой необходимо манипулировать, следовательно слишком велики затраты духовной энергии. Если нам необходимы большие разрушения, куда легче будет создать, скажем, огненный шар, способный

мгновенно спалить целый город.

Или устроить взрыв, достаточно сильный, чтобы ускорить уже приближающееся извержение вулкана. Вряд ли даже от такого взрыва останутся следы, видимые после извержения — но чем чёрт и Зеффар не шутят...

Вален вдруг замер прямо в воздухе. Вгляделся в один из утёсов. Подлетел поближе. Взмахнул рукой, смахивая пепел и мелкие камни с поверхности — гладкой, словно недавно срезанной острым клинком, способным проходить сквозь камни, как сквозь масло.

*****

По возвращении Вален сказал лишь, что проснувшийся вулкан не представляет опасности и его извержение — явно не происки остатков Сект Перерождённых Элементов. Чистейшая правда, надо сказать. Излагать подозрения пока смысла не имело. Если его собственная жизнь и жизни его близких вправду находятся в руках кого-то очень могущественного — лучше не провоцировать этого «кого-то» на реакцию. Прикинуться, что кукла не замечает ниток, на которых висит. И действовать пока так, как он действовал бы обычно.

Вален сам удивился желчи, подступившей к его горлу при одной лишь мысли об этом. Нельзя же быть таким нежным — всего лишь какой-то год пожил на свободе, опасаясь лишь врагов, а уже подумал, что так будет всегда. Надо смотреть на вещи позитивнее. В этом мире свободны лишь те, у кого

нет желаний. Или те, у кого нет привязанностей, зато есть огромная сила. А у него желаний выше крыши. Да и привязанностей многовато. Сам же ещё по пути обратно в секту думал, как бы ловчее привязать себя к значимым силам региона. Стать им полезным. Если кто-то желает его использовать — значит, он уже кому-то полезен.

Всё это звучало не слишком убедительно для самого Валена. Но убедительно или неубедительно, а вариантов у него не было.

Вален провёл остаток дня, решая обычные проблемы секты, которая только что пережила жестокое сражение. А также слушая более подробную версию рассказа Наттара и Люме. А на следующее утро они трое, вместе с большей частью учеников Валена, оставили Секту Добродетельного Демона, на борту летающей баржи. Опыта управления настолько крупными летающими судами ни у кого не было. Но общие принципы тут те же, что и у простой летающей лодки. Вести баржу взялась Люме — и у неё неплохо получилось. Вален предпочёл бы взять с собой сразу две баржи — но все трофейные оказались повреждены. Не настолько, чтобы повреждения было нельзя исправить, но настолько, что у Люме с Хунбиш ушло бы на это некоторое время.

Первым делом, они полетели к Секте Жёлтой Земли. Вален удивился, найдя секту брошенной. Защитная формация не была приведена в действие. Цитадель опустела.

Да, несколько внутренних учеников Сект Перерождённых

Элементов спаслись при гибели их войска. Бросились в разные стороны на летающих мечях. Конечно, они успели предупредить свои секты. Но что значит гибель большей части учеников, если ещё живы учителя? Неужто старейшина Юн-таро тоже оставил в секте табличку, которая должна была расколоться в случае его смерти?

Сокровищницу секты опустошили — это указывало на то, что выжившие и вправду сочли старейшину убитым. Рабы и служанки, те из них, что были ещё живы и не решились сбежать после того, как сбежали их хозяева, ничего не могли сказать на этот счёт. Они вообще мало что могли сказать и были безмерно рады уже тому, что ещё дышат. Не всем так повезло — многих зарубили, просто чтобы не достались победителям.

Вален ожидал, что и в Секте Чёрной Воды они найдут то же самое. Но снова просчитался. На этот раз — просчитался приятно. При полёте они увидели защитный купол и воинов на стенах.

*****

Бум!

От удара по прозрачной, словно стекло, поверхности купола побежали волны. Гигантское подобие руки, сплетённой из стволов, ветвей и корней деревьев, подалось назад, заматываясь для нового удара. «Рука» крошилась при каждом ударе, постепенно распадалась. Но Вален видел — барьер распадётся раньше или вместе с ней. С носа летающей бар-

жи он глянул вниз. На склон горы, где стояла Люме, только что превратившая растущий там лес в осадное орудие. Он и не знал, что Лесной Повелитель, одна из самых базовых техник элемента Дерева, вполне оправдывала своё громкое название! Конечно, против практиков одного с тобой цвета она всё равно была не слишком полезна. Плоды издевательства Люме над живыми растениями двигались слишком медленно. Зато били сильно. Если цель не может бежать или увернуться — то, что Наставник прописал.

А на случай, если защитники попробуют выкинуть что-нибудь отчаянное, рядом с Люме парил Наттар. В общем, происходящее сложно назвать штурмом. Это будет не сложнее, чем выдернуть тугую пробку из бутылки.

Вален обернулся к своим ученикам, построившимся на палубе. По лицам было видно — рвутся в бой. Конечно, их помощь не нужна — но раз уж рвутся, то пускай покажут себя. К тому же...

К тому же сейчас он сможет кое-что проверить.

Глава 4. Завоеватель в деле.

Вален ещё раз оглядел учеников, поднял руку, привлекая внимание:

— Сегодня я даю вам шанс испытать себя в бою. Враг слаб. Но не теряйте бдительности. Если внутренний ученик позволит себя ранить, хотя бы оцарапать — лишится доли в награде. За тем, как покажут себя внешние ученики, я буду внимательно следить сам.

Сделал секундную паузу, чтобы слова усвоились, а потом продолжил:

— Всю добычу несите в общую кучу. Наибольшая награда достанется тому, кто упорнее всех сражался, а не тому, кто первый бросился грабить. А тот, кто попытается утаить от товарищей хотя бы одну пилюлю — сам себя вычеркнет из учеников Секты Добродетельного Демона.

Убедился, что все дружно кивают, соглашаясь с этой мыслью, прежде чем говорить дальше:

— Убивайте всех практиков без пощады, но щадите простых смертных с серым ядром — рабов, слуг, детей и учеников. Таков мой приказ.

Бум! Грохот от очередного удара по барьеру едва не заглушил его последнюю фразу. Впрочем, многие из учеников, даже большинство, явно предпочли бы не услышать то, что сейчас сказал их учитель. Это было бы заметно даже без

сверхъестественных чувств.

Причём сильнее всех кривился не тот практик, от которого такой реакции ожидал Вален:

— Хожин, ты, кажется, недоволен моими словами?

Покрытый шрамами гуай, выглядевший немолодым, хотя ему едва исполнилось двадцать пять, на миг опустил глаза, замялся. Потом твёрдо глянул на учителя:

— Детей и учеников, значит, щадить? А эти склизкие твари когда-то, кого-то щадили?

Вален предвидел подобный вопрос. Без сомнения он вертелся на уме всех, включая не только Недостойных, но и бывших крестьян. Но не думал, что задаст этот вопрос самый уважаемый, пользующийся его личным доверием, ученик. Впрочем, неудивительно. И даже хорошо. Доверенные ученики как раз и должны не бояться высказывать старейшине то, что боятся высказывать другие.

Прежде чем Вален успел изложить заранее продуманный ответ, Хожина поддержала Сурэноха:

— Старший Хожин верно говорит, учитель! Практики пяти сект похитили моих родителей, закололи прабабушку Оюну. Да что я — половина здесь остались из-за них круглыми сиротами. Учитель, разве люди и гуаи не имеют права мстить?

Вален слишком хорошо помнил, кто именно заколол Оюну. Лишняя причина настоять на своём.

— Имеют, — согласился он. — А учитель имеет право

приказывать ученикам. Говоришь — вы сироты? А я говорю, что ваша новая семья — Секта Добродетельного Демона. И тому, кто вредит своим новым братьям и сёстрам, в семье не место.

Бум! Когда прокатившийся над горами гул затих, Вален поднял палец в учительском жесте:

— А от того, что вы хотите сделать, секте, семье выйдет немалый вред! Как говорила мне одна мудрая лиса, нет на свете ничего невыгоднее, чем быть добродетельным практиком с репутацией кровожадного злодея. А такую репутацию мы и заработаем, если начнём резать беззащитных смертных. Всем будет плевать, что наша месть справедлива. Одни сочтут нас свирепыми дикарями, воистину Недостойными. А другие решат поверить в это ради выгоды. И возвыситься нашей секте станет в десять раз сложнее.

По правде говоря, Вален сомневался, что главы кланов и старейшины, которые много лет терпели Секты Перерождённых Элементов, вдруг станут чистоплюями. Зато он не сомневался, что его полудикие ученики целиком полагаются на суждения учителя в тонких политических вопросах.

Большинство из них, включая Хожина, вправду призадумались. Сурэноха упрямо сжала губы, но смолчала — её не убедили аргументы, ей было важно то, что аргументы изложил любимый учитель. А вот внутренний ученик Чулмуут, не сдержался:

— В ночь падения Секты Белого Пламени вы совсем ина-

че говорили учитель. Вы говорили: «кровь за кровь». Вы говорили: «убить всех».

В ту ночь Чулмуут первым выступил из толпы узников, когда Вален уже боялся, что сражаться не осмелится никто. Вален посмотрел на него внимательно. Невероятное зрение практика трёх цветов позволяло видеть мельчайшие движения его лица, самую незначительную дрожь пальцев, крохотные капельки пота на коже. Людям и гуаям ниже начального этапа внутреннего единства теперь было очень сложно скрыть от него свои мысли и чувства. Кто-нибудь вроде самого Валена в прошлом ещё справился бы, да и то, если не вглядываться очень внимательно. Чулмууту до такого самообладания было далеко. В нём легко читались злость, ярость... и чувство вины. Вален не считал себя мастером чтения чужих мыслей, но смысл такого коктейля угадать было несложно. Чулмуут совсем не гордился некоторыми из своих дел в ту ночь. Именно поэтому сейчас он так уязвлён тем, что старейшина Добродетельный Демон требует от учеников совсем другого.

Бум! На этот раз от удара, казалось, задрожала сама палуба летающей баржи.

— В ту ночь, — спокойно, почти мягко заметил Вален, — я был слишком слаб. А те из вас, кто сражался тогда — вовсе не были практиками. Слабому часто приходится быть жестоким. Просто чтобы выжить и победить. А с тех, кто сам ещё простой смертный — вообще спрос маленький. Но сей-

час мы сильны, а сильный может позволить себе быть великодушным. Или думать дальше, чем на одну ночь вперёд.

— Мне нужны именно сильные ученики, — добавил он куда более жёстким, командным тоном. — А те, кто слишком слаб и отыгрывается на беспомощных — не нужны. Понятно? Не волнуйтесь, практиков Секты Чёрной Воды внизу хватит на вас всех. С ними делайте что в голову взбредёт.

«Ну ведь сущие дети, — подумал Вален, увидев, как загорелись глаза у большей части учеников. — То есть — импульсивные и жестокие. Только сил теперь побольше.»

Бум! Вслед за ударом теперь раздались гул и режущий уши треск — звуки распадающегося барьера. Сурэноха шагнула вперёд первой, уже собираясь обратиться в человекообразную стрекозу, но Вален остановил её жестом:

— погоди. Тебе оставшиеся практики тоже ничего не смогут сделать. Дай другим показать их силу. Не ввязывайся, если не увидишь, что товарищу грозит опасность.

Сурэноха надулась, но вслух ничего не сказала, лишь кивнула. Вален сосредоточился на миг, заставил летающую баржу прийти в движение.

— Все остальные: принимайте свои стимулирующие пилюли! К бою!

*****

Летающий меч вонзился между лопаток практика в синем халате, расшитом чёрными волнами. Хожин протянул покрытую хитином руку — и окровавленное оружие поле-

тело обратно к нему, рукоять сама легла в когти. Вален, паривший над битвой, одобрительно кивнул. Гуай-жук не выделялся талантом и потому следовал примеру своего старейшины, культивируя управление летающими мечами. Для первого цвета не утратить контроль над оружием после начального броска — уже неплохой результат.

Чулмуут и Чиудай косили врагов как траву ударами мечей, сражаясь бок о бок. Пожалуй, их двоих вполне хватило бы для победы, после того, как барьер пал. Со дня их драки, они не только прорвались на второй цвет, но и неплохо освоили боевые искусства — оба специализировались в рукопашной. Внушение, данное в тот день, пошло им на пользу. Теперь уже никто не мог обвинить их в том, что они дерутся как пьяные крестьяне.

Такое описание скорее подходило к остаткам Секты Чёрной Воды. Признаться, Вален возложил сражение на учеников послабее потому, что хотел своими глазами увидеть — как его программа подготовки сравнима с подготовкой практиков обычной провинциальной секты. Точнее, не обычной. Секты тёмного пути, специализирующейся на воспитании свирепых и беспощадных воинов. Пока результаты радовали. Один на один враги ещё как-то отбивались. Они уступали в ближнем бою, были хуже снабжены алхимией, но разница была не подавляющей. Вот только ученики Секты Добродетельного Демона не сражались один на один. Большинство из них нападали парами и тройками. Не слишком скоорди-

нированными — но врагу и этого хватало.

Грохот громового удара на полсекунды оглушил сражающихся — Сурэноха стремительно зарубила врага, сбившего с ног одного из внешних учеников.

Нет, не стоит слишком гордиться собой как учителем. Сейчас остатки Секты Чёрной Воды подавлены осознанием того, что у них нет шансов. Сражаются как загнанные в угол крысы, понимая, что от плена ничего хорошего ждать не приходится. От практиков в таком состоянии нельзя ожидать хладнокровия и продуманной тактики.

*****

Зато от загнанных в угол практиков можно ожидать самых безумных идей. В этом Вален убедился несколько дней спустя, когда летающая баржа достигла Секты Лазурного Древа. Едва Люме занялась барьером, как ученики в халатах с узором из листьев вывели на обширный передний двор секты добрую сотню Недостойных — служанок и просто наловленных пленников. Согнали в кучу, окружив редким кольцом. Ученик постарше вышел на угол стены с белым флагом перемирия.

— Не будет вреда, если сперва поговорить, — заявил Вален.

— Убирайтесь отсюда, оставьте нас в покое, или мы перебьём ваших соплеменников, — заявил ему тридцать секунд спустя ученик с флагом.

— У меня другое предложение, — усиленный духовной

энергией голос Валена разносился на километры. — Вы не причиняете нашим соплеменникам никакого вреда. А я за это даю всем практикам внутри барьера десять минут на то, чтобы покончить с собой. Могу даже подарить пилюли, несущие безболезненную смерть, если осмелитесь открыть проход. Всех, кто ещё не стал практиком, мы пощадим. Но это если вы не тронете заложников.

— Ты думаешь, у нас смелости не хва...

— А если у вас смелости хватит, — перебил Вален, — мы вырежем всех без различия возраста и цветов. Да так, что потом об этом сложат страшные сказки. С тебя лично я сдери шкуру. Потом запихаю в глотку исцеляющую пилюлю и сдери ту шкуру, которая отрастёт. Думаю, у меня накопится довольно много шкур к тому времени, когда ты сдохнешь от передозировки.

Вален вовсе не был уверен, что способен на подобное. Но прозвучало убедительно. Ученик побледнел, отступил на шаг:

— Откуда нам знать, что вы пощадите хоть кого-то?

Вален ожидал подобного вопроса. Он махнул рукой, подавая условный сигнал. Вскоре к борту летающей баржи подвели детей и учеников и Секты Чёрной Воды. Выглядели те, конечно, невесёлыми. Но живыми и вполне здоровыми.

— Оттуда, что я — старейшина Добродетельный Демон. И обе части моего имени мне даны не просто так.

— Нам нужно посоветаться.

— У вас пять минут. Время пошло.

Вален сам немного удивился, когда остатки Секты Лазурного Дерева приняли его предложение.

*****

На покорение четырёх сект ушло меньше месяца. Почти всё это время ушло на перелёты. И во время этих перелётов Вален времени не терял. Ему нужно было подготовиться к решению задачи, неизмеримо более сложной, чем расправа над горсткой учеников, лишившихся учителей. И даже наставление его собственных учеников на верный путь.

Глава 5. Мудрый учитель Вален.

Некоторое время назад

Прямой меч завертелся в воздухе и едва не улетел за борт летающей баржи. Сурэноха успела позвать оружие к себе, прежде чем оно оказалось слишком далеко — и рукоять вновь оказалась у неё в руке. Вот только к этому моменту остриё клинка Наттара уже касалось её шеи. Оставило бы порез, если б не появившийся в последний миг барьер воли. Девушка пыталась сохранять стоическое выражение лица. Именно что «пыталась». От этого её обиженная мина выглядела ещё забавнее. Видимо, когда ты сама ещё подросток, обиднее проигрывать кому-то, кто выглядит моложе тебя и макушкой едва до шеи достаёт.

Именно что «выглядит». В действительности Наттар был на пару лет её старше. И на целую стадию культивации выше. Пусть сейчас он ограничил себя двумя цветами — умения более высоких стадий не пропадают при понижении духовной энергии. Так что проигрыш был предсказуем заранее. Но вот то, как именно Сурэноха проигрывала...

Наттар отступил на пару шагов, вновь принимая боевую стойку и позволяя девушке сделать то же самое. Места на кормовой надстройке летающей баржи было не слишком много. Теоретически для Сурэнохи это скорее выгодно. Специалистка по стремительным, агрессивным атакам мечом

имеет преимущество на малой дистанции — по крайней мере, пока та не станет настолько малой, что бой перейдёт в борьбу.

Вот и сейчас всё, казалось, должно было пойти по её сценарию. Пару секунд юноша и девушка стояли друг напротив друга с мечами наперевес. Затем Сурэноха попыталась начать движение. Настолько быстрое, что не каждый практик трёх цветов успел бы среагировать на таком расстоянии. Вот только едва её мускулы напряглись, как Наттар уже шагнул вперёд, нанося собственный удар. На этот раз Вален очень внимательно следил за движениями собственной ученицы. И увидел маленькую, но критическую заминку в тот момент, когда сработало её предвидение. Чуть большую заминку, когда Наттар отбил её меч в сторону, не давая начать атаку.

В следующую секунду Сурэноха едва не вылетела за борт, отступая от меча, что грозил воткнуться ей в грудь.

Наттар снова отступил, искоса глянул на Валена, словно спрашивая: понятно?

— Понятно, — кивнул Вален.

Поглядел на ученицу, выглядевшую так, словно собиралась расплакаться — впервые за всё время, которое он её знал. Признаться, он и сам чувствовал себя скверно. Да, он строил боевой стиль Сурэнохи вокруг использования одного-единственного приёма, стремительного выпада с Громовым Клинком. Ни на что другое не было времени. Но ему казалось, что он всё же заложил в ней прочные основы бое-

вых искусств. Давал разнородные упражнения. А сейчас Наттар обращался с ней, почти как если бы она была заурядным практиком, знающим лишь, что меч следует запускать в противника острым концом.

Наттар словно прочитал мысли Валена:

— Старший, мы ведь и сами не фехтовали после встречи. Давай покажем младшей бой настоящих мастеров.

Валену показалось, что в золотых глазах гуая-аспида пляшет ехидная искорка... Нет, точно показалось. Пора лечиться от патологического недоверия. За столько времени, даже после того, как Наттар ради него пересёк целый континент, он всё ещё не мог избавиться от мысли, что лучший друг не так прост, как кажется.

— Хорошо. Сурэноха, смотри внимательно. Мы будем на трёх цветах, но постарайся заметить хотя бы главное.

Вален встал. Из его пространственного кольца появился заурядный длинный меч. Наттар принял атакующую стойку, высоко подняв свой собственный кривой меч с красной кистью. Хорошее сокровище, но чисто как оружие — тяжело. Вален почти не сомневался, что проиграет. Условия были для него слишком невыгодны. Разница в таланте и закалке тела слишком велика. Он уже достаточно понаблюдал за Наттаром, чтобы представить его боевые способности на трёх цветах.

Через несколько секунд он понял, что тут не было никаких «однако». Глядя на клинок Наттара, почти касающийся

его лба. Да, он продержался не два-три приёма, как Сурэноха, а три дюжины. Но это был не такой поединок, в котором у него оставался один шанс из десяти, как прежде. Это был такой поединок, который повтори хоть сто тысяч раз — результат не изменится. А если изменится, то в худшую для него сторону. Вален потёр подбородок, облекая инстинктивное понимание в слова:

— Твои базовые движения, обычные приёмы владения мечом... они изменились больше, чем я подумал. Стали ещё точнее, чем сперва показалось. И благодаря этому выигрыш от твоего обнуления мыслей растёт.

— А тоooo, — улыбнулся до ушей Наттар. — Знаешь, простые удары можно отрабатывать и в летающей лодке. И даже стоя на мече.

Потом поглядел на Сурэноху:

— Старший брат обучил тебя хорошо. Но тебе не хватает опыта в бою. Понимаешь, против равных противников, а не когда ты или всех на две головы выше, или знаешь, что учитель может победить в любой момент, но поддаётся. Ты, мmmm, ты немного теряешься, когда дела вдруг идут не по-твоему.

Вален покачал головой:

— Похоже, мне ещё самому учиться и учиться. А ты, Сурэноха, слушай внимательно. Думаю, мой брат прав.

Девушка закивала с таким видом, будто её вдруг постигло озарение. Насчёт озарения Вален сомневался. Но хоро-

шо было уже то, что сравнение умений с Наттаром теперь не оставит ей травму...

Тут Вален заметил, что Наттар смотрит на него как-то слишком пристально. Он, конечно, был уже практиком внутреннего единства. Среднего этапа внутреннего единства. Прочитать его мысли по лицу было куда сложнее. Поэтому Вален просто спросил:

— Что-то хочешь сказать?

— Да нет.

Вален вдруг понял, что слишком привык общаться со смертными и слабыми практиками. Дурацкая вспышка подозрений минуту назад была вызвана просто тем, что Наттар для него непрозрачен.

— Ладно. Сурэноха, займись пока медитацией. Тщательно обдумай всё, что сейчас увидела. Завтра мы поговорим о том, что ты сумела усвоить. Ну а мы пойдём в капитанскую каюту. Размялись на свежем воздухе, пора и за дело.

*****

Конечно, Вален при первом же удобном случае рассказал невесте и названному брату о своём открытии, касающемся сути среднего этапа внутреннего единства. О теории, согласно которой меридианы практика — не столько протока, по которой циркулирует энергия извне, сколько второй сосуд для энергии, обрётённой при прорыве. О том, какие блестящие результаты дало применение этой теории к практике.

Он, признаться, опасался их реакции на такое открове-

ние. Особенно реакции Люме, которая уже оставила средний этап позади. Вдруг они просто не поверят? Вален заранее продумал эксперименты и демонстрации, показывающие его экстраординарную выносливость при управлении духовной энергией. Как выяснилось — зря он так опасался.

— Значит «духовная усталость», которую мы чувствуем, подобная одышке у смертных — это, по твоему мнению, результат постепенного измождения тканей там, где меридианы смыкаются с остальным организмом? Логично, ничего не скажешь.

А Наттар добавил:

— Узнали бы об этом после прорыва на внешнее единство — было б куда хуже.

Теоретически, практик мог возвращаться к пройденному на предыдущих стадиях культивации. Недостатки, возникшие при прорывах, из-за недостаточного понимания и освоения соответствующих стадий были неустранимы. Но само понимание можно было расширить и отполировать.

Проблема была в том, что каждая следующая стадия в определённом смысле стояла на фундаменте предыдущей. Закалка тела давала физическую стойкость, позволявшую выдержать всё, что будет потом. Формирование чувств позволяло чётко воспринимать духовную энергию вокруг — помимо прочего, это давало куда более наглядное представление о том, как твоё волшебство действует на окружающий мир. Формирование воли давало твёрдость ума, необ-

ходимую для сложных манипуляций с духовной энергией. И так далее. В исключительных случаях, изменения на уже законченной стадии могли вызвать непредсказуемые результаты, создать конфликты в понимании, подрывающие всё здание культивации практика. Гораздо чаще вес накопившегося за долгую жизнь опыта, въевшихся в самые кости практика предположений, делал такие изменения просто невозможными. Или сложными до полной непрактичности.

Если же стадия в целом ещё не завершена — всё было относительно просто. Относительно. Вален понятия не имел, сколько времени уйдёт не просто на мелкую коррекцию, а на завершение целого этапа заново, исходя из новых аксиом. Скорее всего — намного больше, чем на прохождение его с нуля. В культивации переделывать вообще сложнее, чем делать. Но, по счастью, Люме воспринимала его теорию быстро. А Наттар вообще ещё не завершил этот этап.

— Я, понимаешь, не торопился, — сказал он. — Посуди сам, разве смог бы я прорваться на четвёртый цвет посреди путешествия? А дальше будет очень важный этап. Начало «оставления тела». Начинать его без наставника, без советчика? Нееееет, лучше не надо.

С этим Вален мог согласиться.

Сам Вален обладал «сердцем воина». Способностью хладнокровно наблюдать, рассуждать и действовать даже в пылу сражения. Но это уже не было значимым преимуществом. Сердце воина было и у Люме, и вообще у большинства прак-

тиков, доживших до завершённости внутреннего единства. На более высоких цветах уже не его наличие, а отсутствие, будет исключением.

А вот Наттару повезло куда больше. Он обладал врождённой предрасположенностью к культивации «очищения разума». Умению действовать в бою не замедляя себя сознательной мыслью, не выдавая себя врагу осознанным намерением. Большое преимущество для бойца. Но, как признался сам Наттар, описывая свою схватку с Иншанем:

— Не то что б я ничего не понимал и не помнил. Проосто... ну, скажу так, тело движется как бы само по себе. Ну, вот как змея кусает, если ей на хвост наступить, так и тут. Вся схватка так идёт. А попробуешь что-то делать, кроме как кусать, сразу разум загрязняется. Если б не это — я б атаку, что летела в твою, старший брат, ученицу, отбил бы. Вместо того, чтобы грудью ловить.

Однако, у этой проблемы было решение. Его описал ученикам ещё Кантос. Арама тоже посвятила ему часть советов по культивации на оставленной Валену табличке. За «очищением разума» следовало «оставление тела». Способность смотреть на самого себя — и на всё поле боя — извне, словно посторонний наблюдатель. Тело по-прежнему движется на вбитых в него рефлексах. Но разум способен спокойно оценивать ситуацию и отдавать телу приказы. Достоинства с обеих сторон — сердце воина и очищение разума одновременно, да ещё с улучшенным восприятием. И никаких недо-

статков

Естественно, то, что этим методом владели очень немногие, указывало, что его культивация чрезвычайно сложна. Помимо редкой врожденной склонности и необходимости вовремя развить эту склонность на уровне очищения разума, оставление тела требовало очень тонкой работы над собой. Начать которую надо было на завершённости внутреннего единства. А закончить уже на внешнем единстве. Вот потому-то Наттар и не торопился начинать.

Вален не испытывал никакой уверенности в своей способности проконтролировать эту работу. Он сам ещё юнец, а не мудрый, опытный учитель. А вот Наттар отчего-то испытывал уверенность в том, что Вален, гений культивации, чьи теории превосходят понимание великих наставников прошлого, ему поможет.

Для начала, конечно, надо было помочь Наттару, как и Люме, в переделке среднего этапа внутреннего единства. Потому-то значительную часть времени Вален сейчас проводил с ними в капитанской каюте. В роли того самого мудрого учителя, которым себя не считал. Утешался тем, что и невеста, и названный брат довольно быстро начали видеть путь, который он им показывал.

Пройти по этому пути им вряд ли удастся быстро. Но время теперь не слишком поджимало.

Во всяком случае, оно не будет слишком поджимать, если оправдаются предположения Валена. В свободное от обуче-

ния других время он читал, читал, читал, жадно поглощая информацию из библиотеки в своих пространственных кольцах. Книги о политике, повести о знаменитых практиках. Он готовился к очень серьёзному разговору, который предстоял по возвращении в Секту Добродетельного Демона.

Глава 6. О культивации и женщинах.

— Культивация по наставлениям слишком тороплива, — сказал однажды Наттар.

Сейчас их летающая баржа снова держала курс на Секту Добродетельного Демона. Уничтожение Сект Перерождённых Элементов завершилось. Осталось вернуться домой, чтобы поделить трофеи и решить, что делать с пленниками. А Наттар с Валеном и Люме сидели в капитанской каюте летающей баржи и пили чай. Люме ухитрилась сделать эту каюту довольно уютной, с помощью трофейных ковров и усердия. Чай тоже заварила она. У Валена он получился бы вкуснее. Возможно. Он бы не поручился. Слишком давно не было свободного времени, чтобы готовить самому.

Услышав слова Наттара, Вален этим чаем едва не поперхнулся. Пристально поглядел на названного брата.

— Нуууу... — смутился тот, — Я ничего такого не имею в виду. И выше прежних Наставников себя не ставлю. Просто...

Вален глядел ещё пару секунд, пока Наттар подбирал слова. Потом сказал:

— Просто ты сейчас сказал простыми словами прямо в лоб то, к чему я пытался осторожно подойти уже несколько

месяцев, — Вален искренне улыбнулся. — Так что не надо глядеть с таким виноватым видом.

Естественно, после таких слов и Наттар и Люме устремили на него вопросительные взгляды. Он аккуратно поставил чашку на низкий столик:

— Про семь цветов ядра известно с незапамятных времён. Уж точно со Второго Опустошения. А что было раньше, всё равно никто толком не знает. Всё-таки, четыре с лишним тысячелетия и два Опустошения — много даже для практиков. Но вот стадии культивации, связанные с цветами, были окончательно сформулированы лишь в Эпоху Раздора. Незадолго до падения Зеффара. В некоторых книгах говорится, что эту работу завершил Досточтимый Золотые Одежды. Автор «Начального наставления». В других — что он яснее прочих изложил то, что уже считалось общепринятым. Так или иначе — стадии и этапы, как мы их знаем, существовали не всегда. Это просто последовательность, которую практики предыдущей эпохи сочли самой эффективной и надёжной.

Вален поднял палец:

— С тех самых пор, как у меня появилось собственное понимание природы меридианов, я задумался не только о том, какие ещё недочёты в понимании фундаментальных законов могли быть у предков. Я задумался: а в какие времена писалось «Начальное наставление»?

Люме глядела в чашку с чаем, которую держала в руке. Лицо её стало задумчивым, а кончик лисьего хвоста пару раз

чуть дёрнулся:

— Эпоху Раздора так называли не зря. Большинство легенд о вражде и любви практиков, которые я помню — именно оттуда.

— Агааа, — кивнул Наттар. — Интересное было время. Вален фыркнул.

— Да уж. Но вы ведь уже поняли, к чему я клоню. Наставники и Досточтимые Эпохи Раздора стремились так упорядочить систему культивации, чтобы ученики быстро готовились к войне. Получали наибольшую силу наибольшей скоростью. Можете поверить мне, как учителю секты, которой со всех сторон грозили враги — в таких ситуациях учитель начинает действовать торопливо. Да, верно ты, Наттар, подобрал слово, торопливо. Срезать углы. Наставники древности, конечно, были не в такой отчаянной ситуации. Но всё же.

Вален опустил глаза к столику, вновь взял свою чашку с чаем, заставил её балансировать на кончике указательного пальца:

— «Культивация стадии — постройка дома, а прорыв на новый цвет — вселение в него. Плохо жить в доме, полном щелей, с протекающей крышей, но разве лучше ютиться в сарае, потому что в новом доме половицы слишком гладкие, а двери слишком громко стучат. Во всём должен быть баланс.»

Благодаря своей почти идеальной памяти, Вален теперь

мог цитировать целые главы трактатов по памяти.

— Да, баланс, — он чуть сдвинул палец, чашка заколебалась. Ещё чуть-чуть — и она упадёт, а чай расплещется. — Сказано всё верно. Но что именно мы считаем «балансом», вслед за практиками былых времён? Вот в чём вопрос.

Он подбросил чашку на толщину пальца вверх, схватил её как положено, отпил полглотка.

— Так вот, я уже который месяц думал, как бы вернее сформулировать мои мысли. Многие ведь говорят о том, что баланс, который нашёл для себя Досточтимый Золотые Одежды, был смещён в сторону скорости набора цветов. И старший Кантос нас всегда учил, что пределы культивации на каждой конкретной стадии не достигнуты и неизвестны. И в некоторых трактатах такие мысли есть.

— Без особого таланта, вроде, — Люме покосилась в сторону Наттара, — твоего таланта в закалке тела, задержка на какой-то стадии пользы не принесёт. Сколько угодно практиков застревают на низких и средних цветах. Часто не по недостатку таланта, а потому, что им просто не повезло попасть в секту, стоящую на благословенной земле, или добыть пилюль. Если они усердно культивируют, то их силы понемногу растут, но этот рост несравним с выгодами от прорыва.

Вален пожал плечами:

— Люме, твои слова верны. Потому-то я и обдумывал всё так долго. Но ты недооцениваешь последствия торопливо-

сти тут, — он постучал себя пальцем по лбу. — Особенно долгосрочные. Если баланс в уме практика перекошен и сам практик этого не понимает, потому что перекош канонизирован в наставлениях, он не просто будет срезать углы. Он перестанет думать о новых путях. Ведь они могут повести в сторону от проложенной дороги к семи цветам. А все мы торопимся пройти этой дорогой. Это выражается во многом. Ты задумывалась, скажем, над тем, что Досточтимыми зовут лишь тех, кто достиг семи цветов и совершил новые открытия в культивации, такие открытия, которые могут проложить путь дальше? Задумывалась, что это говорит тем практикам, у кого есть ум и желание сказать что-то новое о культивации? Это говорит, что им надо стремиться как можно скорее достигнуть седьмого цвета. Всё, что раньше — не имеет значения. Я думаю, многие из практиков, застрявших на ранних стадиях, могли бы достигнуть большего, если бы не полагали себя застрявшими. Если бы сосредоточились на постижении доступного им, а не считали это постижение делом ничтожным. Делом, которым они занимаются лишь потому, что выбора нет.

Наттар кивнул. А вот Люме не выглядела убеждённой: — Возможно, что твоё открытие — лишь от везения. Удачного стечения обстоятельств. Ты же сам говорил, что наткнулся на новое понимание меридианов почти нечаянно. Вален аккуратно поставил чашку. Преодолевав порыв потереть лоб. Он вдруг осознал — он не уверен, в какой жизни

слышал слова, очень похожие на те, которые собирался сейчас произнести.

— Любое открытие — результат удачного стечения обстоятельств. Нужный человек или гуай, в нужном месте, в нужное время. Но если человек не считает себя находящимся на нужном месте — то он упустит свою удачу. Которая могла бы быть велика. Ты сама знаешь — силу практика все измеряют в первую очередь цветами. Этап внутри текущей стадии не так важен. Да, этап не так заметен, его нельзя вычислить, просто поглядев на ауру. Но часто на него вообще не обращают внимания при оценке противника. Это обосновано. Для многих практиков в бою действительно важны только закалка и формирование чувств, с его предвидением. Прочие ступени дают не так много. Способности от их этапов полезны... но для большинства они рядом не стоят с удвоением духовной энергии при прорыве.

— А вот мои силы, — он слегка улыбнулся, — в некоторых отношениях выросли больше, чем вдвое. Всё на том же цветке. Если посчитать чисто по количеству летающих мечей, которые я могу контролировать одновременно — так почти на порядок.

— Оно так не считается, — заметил Наттар. — Если духовной энергии вдвое больше — значит ты вдвое быстрее, сильнее, выносливее, вдвое более мощные техники тебе под силу. Иииии все эти «вдвое» ещё надо перемножить. Вот тогда и выйдет твоя реальная мерка как бойца.

— А потом поделить пополам, ведь тело всё-таки одно и несколько действий за раз выполнять не может. Помнишь, ведь, что в наставлениях пишется: четверо практиков, натренированных сражаться в команде, при равном таланте, способны дать достойный отпор практику на цвет выше, пятеро — победить.

— Где ж ты таких натренированных найдёшь-то? Ну ладно, ладно, понимаю. Ты вот что скажи, старший брат: ты вправду думаешь, что стал настолько сильнее? С практиком на цвет выше драться сможешь?

— С заурядным — да, — кивнул Вален. — Но и это ещё не всё. Я вот думаю: а что если и на завершённости внутреннего единства возможно открыть что-то новое?

Люме и Наттар молча уставились на него. Он решил пояснить:

— Завершённость внутреннего единства — единство разума, тело-меридианы-разум, всё по порядку, так ведь? Главный эффект — ускорение внутреннего времени. В «Тысяче изменчивых путей», да и в других трактатах, я встречал идею, что за ускорением внутреннего времени должна следовать способность расщепления сознания на параллельные потоки, процессы. Не просто думать быстро, а обдумывать несколько задач одновременно.

— В «Тысяче изменчивых путей» написано, что подобная способность достойна семи цветов и стадии постижения пределов, — покачала головой Люме.

— Однако же, насколько можно верить книгам, немногим старейшинам семи цветов удаётся её культивировать. Не потому ли, что они берутся за дело слишком поздно?

— Дорогой мой жених, от смелости твоих рассуждений многих Наставников может хватить удар. Я даже боюсь, что их могут назвать еретическим непочтением к предкам!

Наттар хихикнул:

— Хехе. Нуууу, Вален же у нас демон, хоть и по имени. Ему положено бросать вызов праведным учениям.

Вален замер на долю секунды, но тут же успокоился. Наттар явно имел в виду, что он теперь старейшина Добродетельный Демон. Надо бы, всё же рассказать им правду о собственной природе. Но не сегодня.

— Может, у тебя уже и идеи есть? — с некоторым ехидством поинтересовалась Люме. — Я имею в виду, идеи, как достигнуть расщепления сознания? Да ещё на таком раннем этапе?

— Знаешь, кое-какие есть. Но пока они остаются на уровне именно идей. Вот когда они превратятся в теорию... тогда можно будет их обсудить.

Люме ненадолго ушла в раздумья. Промолвила, не обращая ни к кому, словно повторяя мысли вслух:

— В сочетании с новым пониманием меридианов, расщепление сознания станет способностью огромной силы...

Наттар пожал плечами:

— Не для меня. Ноооо... может такая способность ока-

жется родственной оставлению тела? Поможет мне в его культивации.

— Может и окажется, — кивнул Вален.

Он был полностью согласен с оценкой Люме. У расщепления сознания было несколько применений. Часть — очень ситуативные. Вроде подставления под ментальные атаки не основного разума, а специально отделённого процесса. Ментальных атак, способных подействовать на равного по цветам практика и так почти не существовало. Часть — полезные с утилитарной точки зрения. Например, выделение процесса для управления рутинными задачами, типа алхимических выплавов, чтобы можно было одновременно с этим думать о сторонних вещах, или даже медитировать.

Но самым очевидным применением было одновременное использование нескольких техник. Неотъемлемая составляющая любой техники — мысленный образ. Почти все они требовали и определённых физических действий. Но порой эти действия были очень просты. Например, для Лесного Повелителя Люме, требовалось лишь коснуться растения, либо земли, в которую проросли его корни, рукой или стопой. Это вполне совместимо со многими другими техниками — при условии, что практику под силу создать сразу несколько мысленных образов. Кроме того, если верить трактатам, некоторые практики, освоившие расщепление сознания, могли активировать одну и ту же технику несколько раз, выполнением одного и того же физического действия.

Что получится, если объединить это с новым пониманием меридианов, позволяющим применять слабые техники практически не истощая собственных сил?

Что получится, если объединить это с новым пониманием меридианов, позволяющим применять нетребовательные к духовной энергии техники практически не истощая собственных сил? Позволяющим модифицировать техники, резко понижая их требования к духовной энергии?

Получится настоящий тайфун из техник. Дождь стрел, способный стать более эффективным, чем тяжёлое копьё одной мощной техники, применяемой практиком, превосходящим по таланту или по цветам. Практика с низким талантом, вроде Валена, это уравнивает с гением. Не всегда, и не везде, но во многих ситуациях. Практика с высоким талантом и подходящим набором техник, вроде Люме, превратит в настоящее чудовище. Способное, в определенных условиях и при грамотном розыгрыше своих карт, не просто сражаться с противниками на цвет выше. Способное добиваться явного преимущества над ними.

— Вален?

Он вынырнул из своих мыслей и поглядел на Люме. Хм. Похоже, расщепление сознания не мешает ему и в общении. С момента перехода к завершению внутреннего единства, он уже не в первый раз уходил в себя посреди разговора. Ускорение восприятия времени, которым он всё чаще пользовался в моменты глубоких размышлений, делало

практика более наблюдательным. Теоретически. Но когда не было необходимости напряжённо следить за происходящим, оно могло привести к «рассинхронизации» с реальностью.

— Просто задумался, — он навёл на лицо виноватую улыбку. Интересно, как на стадии внутреннего единства и выше живётся практикам, которые ещё раньше не привыкли играть на публику? Для которых в новинку контроль над любым выражением эмоций? Как живётся Люме и Наттару, юность которых была относительно нормальной, которым не приходилось полностью скрывать истинных себя от родителей?

Люме кивнула:

— Вижу. Я хотела спросить: а ты не желаешь, чтобы твоя ученица присоединилась к нашим обсуждениям. Всё-таки, ей тяжело сейчас. Явились чужаки, крадут любимого учителя во всех смыслах.

Всякое выражение пропало с лица Валена, когда он ответил лисе:

— Не ожидал такого предложения от тебя.

— Ты же сам говоришь, что она ещё девчонка. Но думаешь, что я буду ревновать и постараюсь держать её от нас подальше? Что-то тут не сходится, дорогой.

Вален, кажется, всё же выдал свои чувства, потому что Люме рассмеялась:

— Ох, дорогой. Ты так смотришь, что даже мне хочется тебя немножко помучить, заставить подёргаться. Но не вол-

нуйся, не буду. Совсем наоборот. Я же вижу — тебя тоже беспокоит, что Сурэноха исключена из нашего круга. Пусть ты и занимаешься с ней каждый день. А хорошей жене полагается избавлять мужа от беспокойств.

— Моё отношение к ней — это лишь отношение учителя к ученице. Я знаю, что ты это знаешь. Но всё же, ты точно уверена, что не станешь испытывать к ней враждебности?

Люме фыркнула:

— «Отношения учителя к ученице»? Вален, извини, что у меня сейчас ненадолго пропадёт утончённая деликатность, которую мужчины любят в женщинах, но большинство учителей трахают своих личных учениц, что бы там ни было написано в наставлениях. Мне знаешь ли, не раз намекали на такое дело, когда я, простая внешняя ученица Секты Шести Печатей, искала варианты спасения от нежеланного брака. Если бы эти слова сказал кто-то другой, кроме тебя, я бы подумала, что он издевается.

Она мило улыбнулась и развела руками:

— Но тебе я верю, пусть Сурэноха и в твоём вкусе. К тому же, я успела с ней поговорить. Она мне кажется хорошей девушкой. Я вовсе не возражаю против того, чтобы она стала твоей младшей женой. Ну, после того, как мы с тобой поженимся. Это вовсе не шутка. Ей я об этом так прямо и сказала.

— Чего? — у Валена дёрнулось веко.

— Хорошей жене полагается избавлять мужа от беспокойств. А хорошему мужу полагается принимать решения.

Так что вот и решай сам, нравится она тебе или нет. А если не нравится — скажи ей прямо. Она может и была раньше ребёнком, но сейчас уже практик. Переживёт как-нибудь.

Вален потёр лоб:

— Это куда больше похоже на «заставлять дёргаться», чем «избавлять от беспокойств».

Наттар рассмеялся:

— Пффххахаха. Брат, Люме — всё-таки женщина. Ой!

Люме пихнула Наттара локтем в бок. Наттар сделал вид, что почувствовал.

— Поучился бы у старшего брата уважительнее обращаться с женщинами, негодный мальчишка!

Наттар рассмеялся ещё громче, но не сказал больше ничего. А Вален потёр лоб снова. За что ему эта головная боль? Но тем не менее, Люме была полностью права. Он откровенно поговорит с Сурэнохой. Но тоже не сегодня.

Дурная, конечно, привычка — откладывать неудобные разговоры на потом. Но сперва надо всё же гарантировать наличие этого "потом".

Глава 7. Взглянуть тигрице в глаза.

Трофеи военной кампании согласно «Принципам Наставника, познавшего гармонию» делились следующим образом: треть главе секты, треть старейшинам, шестую часть внутренним ученикам, остальное всем прочим. Старейшин в Секте Добродетельного Демона пока не было. В их роли, конечно, могли выступить Люме и Наттар... Но Вален не хотел создавать у своих учеников впечатление, будто рядом со старыми друзьями учителя они мало чего стоят. Особенно потому, что это впечатление было бы слишком верным. А кроме того, ученики заслуживали награды за стойкую оборону секты. Эта награда уже была обещана. Потому он поделил добычу по-другому: треть себе и своим друзьям, треть внутренним ученикам и треть остальным.

Сейчас Вален стоял в сокровищнице Секты Добродетельного Демона и оглядывал свою долю. Эти «богатства» не могли не вызвать определённого разочарования. Даже после того, как он хитро провёл раздел, раздав другим волшебные сокровища и серебро, а себе оставив ценные ингредиенты и духовный нефрит. Тем не менее, здесь едва набралась тысяча стандартных нефритовых пластинок. Часть из них была явно подточена. В итоге тут, пожалуй, эквивалент девяти сотен нефритов. Смешно выходит. Победить пять сект — а в итоге не собрать даже шестой части той суммы, которую он

всё ещё должен Хранительнице Лерии. За далеко не самую редкую пилюлю. Лишь сейчас Вален окончательно осознал в насколько разных мирах живут великие секты и заурядные секты с кланами.

Возможно, ему не стоило задерживаться в мире заурядной секты. Он надел личину старейшины Добродетельного Демона во многом потому, что не мог придумать лучшего способа подать Люме и Наттару сигнал о себе. На случай, если они действительно явятся искать его в этом регионе. Они явились. И ему вправду удалось подать сигнал. С этого момента роль старейшины, казалось, утратила смысл. Возня с учениками, не блиставшими гениальностью, в глухой дыре, где не было ценных ресурсов, никак не помогала ему в собственной культивации. В спасении его семьи. Что же касается возложенных на себя обязательств, он выполнил их с лихвой. Избавил всё побережье от власти тёмных сект.

А главное, неожиданный побег в компании Люме и Наттара... ну, может быть, ещё Сурэнохи, давал шанс выскользнуть из-под колпака. Начать действительно свободную жизнь. Только шанс, не гарантию... Но лучший шанс, чем попытка договориться с неизмеримо более сильным практиком, который под этим колпаком его держал.

Вот только благословенная земля погибшей Секты Преобразования Пяти Элементов резко меняла весь расклад. В её нынешнем виде эта земля обеспечивала достаточный поток энергии для прорыва на четвёртый цвет как минимум.

Скорее всего, и на пятый. Как бродячему практику, Валену придётся потратить массу времени и сил, чтобы накопить достаточно пилюль духовной энергии для этих прорывов. Нет, не просто потратить время и силы — это будет связано со значительными рисками. И все эти старания придётся повторять для каждого из его спутников. Придётся идти на тяжёлые решения — кому поднимать цвет первому?

Почему не сбежать на благословенную землю втроем-вчетвером? На то было несколько причин.

Во-первых, вышеупомянутый могущественный практик, следящий за ним. От его — или её — зловещего внимания ещё возможно — в теории — избавиться, сбежав на другой край света. Но уж точно не перебравшись всего лишь на расстояние нескольких дней полёта. В место, которое ей — или ему — уже может быть известно.

Во-вторых, теперь, когда с секты снята печать, её рано или поздно найдут и так. Благословенные земли обнаруживают не только по косвенным признакам, вроде размножения сильных бессмертных зверей. Иначе многие из них до сих пор оставались бы неоткрытыми. Ведь Нотера чрезвычайно велика. Нет, потоки земной силы и точки их схождения можно проследить и с помощью геомантии. Сейчас, когда Перерождающийся Континент уже почти завершил своё перерождение, геоманты на службе у великих сект работают не так активно как прежде. Но вряд ли пройдёт больше нескольких лет, прежде чем один из них заметит изменения.

Ну и в-третьих...

В-третьих, существование благословенной земли резко превращало учеников Валена из почти что чистой обузы в ценный актив. Даже не считая Сурэнохи, некоторые из них неплохо одарены. Не гении, нет. Но вполне могли бы попасть в ученики той же Секты Шести Печатей. Даже не «некоторые», а довольно многие. Как видно, любая искра дарования, даже ещё не получившего развития, помогает людям и гуаям выживать в отчаянных и страшных ситуациях. Её обладателей было непропорционально много среди уцелевших. Если вопрос о том, на кого из них расходовать ограниченное число пилюль духовной энергии больше не стоит... Если развивать можно всех... И учитывая, что все они ещё новички на пути культивации... Да, Вален лишь Сурэнохе передал версию техники Громового Клинка, переработанную в соответствии со своим пониманием природы меридианов. Остальных учил по канонам. Но всё же, их умы ещё должны оставаться сравнительно гибкими. Преподать им новые открытия будет не слишком сложно.

И тогда, если у него будет хотя бы пара лет... Не только все более-менее способные ученики достигнут трёх-четырёх цветов. Их боевые способности будут соответствовать талантливому практику на цвет выше. Это будет значительная сила. Сравнимая с типичной сектой второго ряда. Уже слишком внушительная, чтобы даже великая секта могла избавиться от них втихую. Если подойти к делу с умом, все эти

практики будут почитать его, Валена, как гения и полубога. С ними за спиной будет гораздо проще собирать ресурсы, необходимые ему и Люме для алхимии и зачарования.

Конечно, это рискованная затея. Немного простого невеждения — и претенденты на благословенную землю явятся куда раньше, чем Секта Добродетельного Демона будет готова дать отпор. Но его, Валена, цели в жизни вообще не таковы, чтобы их можно было достигнуть без рисков.

Он заранее предпринял некоторые меры, чтобы риски уменьшить. Он изначально создавал впечатление, что вернулся с пустыми руками. Что в руинах Секты Преобразования Пяти Элементов, куда стремились её наследники, не было ничего ценного. В разговорах с учениками он несколько раз упоминал, что когда Люме починит повреждённые летающие баржи, они смогут перебраться куда-нибудь, где различие между Недостойными и захватчиками не имеет значения. Например, на Цветущий Континент за морем.

Это всё, конечно, были мелочи. Он сейчас думал о них, чтобы отвлечь мысли от вопроса вправду значительного. И пугающего. Хватит уже отвлечений. Он прочитал всё, что относилось к этому вопросу. Проанализировал всё, что знал. Пользуясь Расцветом Разума для поиска всех возможных связей и неочевидных следствий. К новому наитию ему уже не прийти, если он не получит новой информации. А получить её неоткуда.

Раз уж не повезло столкнуться нос к носу с бессмертной

тигрицей, остаётся лишь смело взглянуть ей в глаза. Эта смелость легко может закончиться печально... но лишь может. А вот показав робость, станешь завтраком наверняка.

*****

— Если б я не была замужней женщиной в годах, я бы подумала, что ты, старейшина, позвал меня сюда на свидание.

Место, которое Вален выбрал для разговора с Хунбиш, было довольно красиво. Особенно по стандартам этих суровых гор, где застывшие потоки лавы сменялись каменными осыпями. Роща из низких деревьев над склоном давала тень — и кое-какое укрытие от посторонних глаз. Склон под ней порос жёсткой, низкой травой — и мириадами крошечных, ярких цветов, жёлтых, синих, белых. По низу горной долины бежала среди валунов серебристая река.

И правда, неплохое место для свидания. Надо будет потом пригласить сюда Люме.

— Отсюда хорошо видны все подходы, зато сами мы видны не слишком хорошо, — объяснил Вален. — Звукоизолирующему заклинанию в моих покоях я не вполне доверяю.

— Ого, — Хунбиш сложила пальцы перед собой и придала лицу выражение напряжённого внимания. — Старейшина, неужели разговор пойдёт о каких-то страшных секретах?

— Можно сказать и так. У меня действительно есть секрет. И довольно страшный. Но ты очень помогла мне. Если бы не ты, я стал бы старейшиной без секты. К тому же, это не тот секрет, который можно хранить до бесконечности. Сам

по себе я выгляжу заурядно, опознать меня сложно. Но теперь, когда рядом со мной Люме и Наттар, нашу троицу уже ни с кем не спутать.

Он вздохнул:

— Моё настоящее имя — не Лотрек. Я — Вален Вен из Секты Шести Печатей. Меня разыскивают по всему Перерождающемуся Континенту, обвиняя, как там оно говорилось, в «убийствах, заговорах и попытке развязать войну сект».

— О, — Хунбиш отнюдь не выглядела изумлённой. — Похоже, я слишком давно не вылезала из глуши. А в чём истинная причина того, что вы, старейшина, угодили в розыск?

Вален помолчал секунду, поглядел прямо в её тёмные, нечеловеческие глаза:

— Меня считают текущим телом одного из архидемонов.

— Но почему? — Хунбиш развела руками. — Старейшина, я наблюдаю за вами достаточно долго. Я уверена, что в вас нет ничего демонического. Кроме вашего прозвания, конечно. Да и прозвание вы, кажется, взяли, как странную насмешку над собой.

— Ничего демонического? — взгляд Валена сделался ещё пристальнее. — А если я скажу, что это обвинение — наполовину правда?

Вкратце он изложил ей свою историю, опустив лишь то, что было связано с воспоминаниями о прошлой жизни.

Хунбиш слушала очень внимательно. Покачала головой,

приложила пальцы к губам:

— Старейшина, по правде говоря, ваши слова меня пугают. Зачем вы рассказываете всё это такой заурядной женщине, как я?

— Зачем? Знаешь, я очень долго не мог признаться матери и старшему Кантосу. Хотя ведь Кантос очень скоро понял, кто я такой, просто ждал, пока я сам наберусь смелости. И лишь признавшись я понял, насколько честность и откровенность лучше притворства.

Хунбиш улыбнулась самыми краешками губ:

— Значит, честность и откровенность лучше притворства, старейшина? Вот оно как. Но почему же тогда вы сейчас делаете мне намёк, пусть и такой откровенный? Почему заходите издалека, вместо того, чтобы сказать прямо: «Я думаю, что ты не та, за кого себя выдаёшь»?

— А ты вправду всего лишь скромная Недостойная зачаровательница?

— Ах, старейшина, мы же оба знаем, что вы не поверите, если я скажу «да». Хотя бы скажите, кем вы меня считаете? Позвольте мне услышать обвинение, чтобы я могла защищаться. Кто я, по-вашему, такая?

Вален ни на миг не отвёл взгляда:

— По-моему? Что ж, по-моему, я имею честь говорить с одной из ипостасей Досточтимой Тысяча Уловов.

Глава 8. Досточтимая Тысяча Уловок.

— О. Вот оно как. В смелости полёта мысли вам не откажешь, старейшина. Но можно всё-таки объяснить скромной зачаровательнице, хм, путь этого полёта, — Хунбиш улыбнулась, провела пальцем извилистую линию по воздуху. — Как именно вы пришли к такому незаурядному умозаключению?

Вален хмыкнул. Раз уж Хунбиш любила подчёркивать слова жестами... Он показал ей руку с растопыренными пальцами.

— Для начала. Этот Иншань, или как его там, сбежал, поджав хвост, хотя не был серьёзно ранен и почти наверняка мог одолеть Наттара и Люме. По их собственной оценке. Он потратил массу времени, чтобы найти меня, а потом вдруг легко бросил всё. Почему? Не потому ли, что кто-то его напугал? И не могла ли его напугать женщина, которую он атаковал, едва лишь разглядел как следует? — Вален согнул один палец.

— Идём дальше. Этой женщиной была ты. И ты пережила технику практика, который, в теории, стоял на два цвета выше. Не просто пережила, а без серьёзных ранений, лишь

одежда сгорела. Наттар и Люме были слишком заняты сражением, чтобы приглядываться к тому, что с тобой случилось. Потом подумали, что всё можно объяснить каким-нибудь защитным талисманом и пилюлями. А мои ученики ещё слишком неопытны и вообще не обратили на это внимание. А вот я обратил. Когда опрашивал их. Якобы с целью узнать, кто больше всех отличился при защите секты. Кое-кто из них даже клялся, что ты воспользовалась талисманом-щитом, чтобы спасти своего мужа. Чтобы так сделать, нужно либо невероятное везение, либо рефлексы лучше, чем у талантливого практика четырёх цветов. Защищать других сложнее, чем себя. — Вален согнул второй палец.

— Раз уж у нас сегодня день откровенности, то скажу тебе ещё один секрет: моё духовное зрение может, в целом, не самое острое, но я обладаю способностью видеть меридианы живых существ, их циркуляцию. И вот сейчас глядя на тебя, я вижу меридианы обычного практика двух цветов, с хорошим, но не выдающимся талантом, звёзд восемь-девять. Но, сама видишь, у нас уже на два пальца объяснений, почему ты таким практиком быть не можешь. Но ты не можешь быть и заурядным шпионом. Подделать ауру — могут многие практики от внутреннего единства и выше. Подделать меридианы? Способности, вроде моей, очень редки. Потому лишь практик очень высокого уровня будет вообще брать их в расчёт. Не говоря уже о том, чтобы действительно суметь их обмануть. Или весь твой облик, который я вижу

сейчас — иллюзия? Но тогда твой уровень тем более должен быть чрезвычайно высок. Чтобы столь безупречно запутывать мои чувства при каждой встрече может не хватить даже разницы в три цвета. Так или иначе, я имею дело с экспертом, стоящим близко к вершине мира культивации, — Вален согнул третий палец.

— А в ночь моего возвращения в Секту Добродетельного Демона случилось извержение потухшего когда-то вулкана. Если помнишь, я тогда летал посмотреть, не угрожает ли оно людям. Как оказалось — нет. Но на самом деле я хотел посмотреть не только это. Я изначально подозревал, что могу найти следы сражения практиков, достаточно яростного, чтобы пробудить вулкан. Представляешь, я и в самом деле их нашёл, — Вален согнул четвёртый палец. Кулак, с отставленным большим пальцем, превратился в жест одобрения.

— После этого уже почти не было сомнений в том, что ко мне в секту тайно явилась очень могущественная женщина, преследующая цели, о которых можно лишь гадать. Но кто именно? В моих пространственных кольцах есть целая библиотека. Там можно найти описания всех знаменитых практиков Перерождающегося Континента. Само собой, личина, которую женщина носит для виду и её настоящий характер могут отличаться как небо от земли. Ты сама мне как-то говорила, что любой знаменитый практик постоянно врёт и скрывает собственное лицо.

— Любой знаменитый практик тёмного пути, — с улыб-

кой поправила Хунбиш.

— Хмф. А в этом уточнении точно есть смысл?

«...возможно, есть на свете злодей, способный долго и умело скрывать своё истинное лицо ото всех. Чтобы в нужное время и в нужном месте даже подозрительный и проницательный практик не побоялся повернуться к нему спиной...»

Но зачем притворяться так долго перед практиком, которого она может раздавить, как таракана, какой бы стороной он к ней не повернулся?

— Так или иначе, — повторил Вален, — я думаю, что даже очень искушённой обманщице будет сложно подделать себя и свою жизнь целиком. Простую шпионку я в тебе подозревал с момента нашей первой встречи. Давно пытался подловить на несоответствиях. Тебя и твоего шкафоподобного мужа. Пытался вытянуть из него информацию, через учеников и служанок. Но ничего не добился. По всему выходило, что ваша история правдива. Вы действительно женаты уже лет двадцать. Если мозги Хорла промыты, а его воспоминания поддельны — почему ты на миг раскрыла свои способности, чтобы его защитить? Ты готова выйти замуж за кого-то во много раз слабее, твой муж тебе действительно дорог, но ты не раскрываешься перед ним, не пытаешься поднять его по цветам... Это говорит о тебе многое.

— И главное: в любом случае ты провела почти год, изображая слабую двухцветную зачаровательницу в моей секте.

Почти год! Даже я, в мои-то молодые годы понимаю, что именно недостаток времени — главная преграда на пути культивации. Столько этого времени потратить, занимаясь всякой ерундой, вроде зачарования заведомого мусора — большая жертва для могущественного практика. Если, конечно, — Вален сделал драматическую паузу, — этот практик не владеет волшебством, позволяющим создавать себе дополнительные тела. А всем известно, что Наставница Энх-тая была названа Досточтимой Тысяча Уловов, именно когда создала волшебство, позволявшее выращивать клонов. По сути, являющихся частью её самой, но способных к самостоятельным действиям на огромном расстоянии от основного тела. Говорят, что никто не знает, сколько таких клонов у неё теперь. А ещё говорят, что её клоны могут иметь любой облик, различаться по возрасту и даже полу, могут многие годы жить своими жизнями, не выдавая связи с хозяйкой, но все они сохраняют её изначальную природу гуая-пчелы.

Вален поглядел на антенны, растущие от бровей Хунбиш, на её тёмные глаза, больше похожие на глаза насекомого, и согнул последний палец.

— Конечно, на уровне Досточтимой внешний облик тоже можно изменить. О твоём умении делать именно это ходят легенды. То, что ты предстала передо мной в своём истинном виде, указывает либо на полное презрение ко мне, либо на то, что ты намеренно оставила небольшую подсказку относительно своей природы. Так как из твоих действий вид-

но желание понаблюдать за мной и оценить меня, я решил поставить на второе.

— Великолепно, — всплеснула руками Хунбиш.

А затем её меридианы вдруг вспыхнули ярким золотым огнём — уже не двух цветов, а пяти, не меньше. Она лишь чуть шевельнула ногой — и поток энергии устремился по земле к цветам, растущим совсем рядом. И в один миг скромные безымянные цветы рванули вверх с энергией распрямляющихся пружин: стебли наливались соком и твердели, листья расправлялись, как раскрывающиеся ладони, бутоны распускались, показывая взору лепестки пурпурных и золотых оттенков, каких в природе почти не бывает.

Хунбиш — или Досточтимая Тысяча Уловов — сорвала самый красивый цветок и протянула его Валену:

— Заслужил.

Вален аккуратно взял цветок, понюхал, втягивая в себя лёгкий, приятный аромат. Как из ниоткуда, к цветку слетелись красивые бабочки.

— Что-то мне подсказывает — сейчас ты скажешь «но».

— Вдвойне великолепно! Но... но всё же, ты вполне уверен, что такая откровенность с Досточтимой, которая не желала раскрыться сама — хорошая идея?

— Не уверен, — ответил Вален. Голос его стал резким. — Я уверен лишь в том, что не могу терпеть обман в своей секте. И больше не собираюсь быть куклой в чужих руках. Досточтимая Тысяча Уловов! Семнадцать моих учеников и

стражей секты погибли в сражении, которое ты могла бы выиграть в одиночку. Я хочу знать: почему ты этого не сделала?

— Вален, — она покачала головой, — мы же оба знаем, что ты не поверишь, если я скажу, что у меня были веские причины не выдавать своего присутствия раньше времени. Что если бы я допустила просчёт, то вся твоя секта была бы вырезана. Кстати, можешь называть меня «Хунбиш». В некотором роде я часть Досточтимой, причём не главная. Но в некотором роде... не солгу, сказав, что у меня есть мои собственные мысли и мнения. Всё-таки, я — один из самых старых её клонов.

— Я поверю твоим словам, — за весь разговор Вален ни разу не опустил глаз. — Но при двух условиях.

Хунбиш рассмеялась. И смеялась довольно долго, прежде чем сказать:

— Твоя дерзость впечатляет. Мало того, что ты вообще ставишь условия Досточтимой, ты делаешь это, даже не убедившись, что твоя предыдущая откровенность её не разгневала.

— Я думаю, что если Досточтимая решила следить за мной, ввязалась ради меня в сражение, способное разбудить вулкан, и вообще ещё продолжает наш разговор, то я представляю для неё значительную ценность. Я также думаю, что могу предложить ей даже больше, чем она сейчас в состоянии себе представить.

— Ого. Ну что ж, называй условия.

— Условие первое. Мы заключаем сделку. Неравную, конечно. Странно требовать равных условий, когда ты уступаешь по силе и знаниям. Но это будет именно честная сделка. Я не домашнее животное, за которым можно наблюдать, и не орудие, которое можно использовать втёмную. Условие второе. Чтобы сделка могла быть честной, ты рассказываешь прямо и без утайки, зачем я тебе нужен и как ты меня вообще нашла.

Хунбиш чуть не рассмеялась снова, прикрыла рот рукой:

— Вален, ты, кажется, слишком полагаешься на мои общеизвестные биографии, которые описывают меня добродетельной и миролюбивой.

— Вовсе нет. Хунбиш, я полагаюсь не на твою добродетель, а на твою расчётливость. Показывая тебе мой ум и решимость, я демонстрирую, что сделка со мной будет выгоднее запугивания или обмана. Даже если бы ты шла тёмным путём, я сказал бы то же самое. Нет, я бы подобрал слова потвёрже. Когда имеешь дело с такими существами, разок покажешь слабинку — и навсегда станешь хуже, чем рабом.

— А ты точно не начитался сказаний о великих практиках былого? В сказаниях героя часто вознаграждают за неуёмную смелость перед лицом старших. А вот в жизни часто бывает наоборот.

Вален лишь продолжил упрямо глядеть в глаза Досточтимой. Сказать по правде, их не слишком долгий разговор вымотал его похуже многих сражений.

Та пожала плечами и улыбнулась:

— Впрочем, должна признаться: мне всегда нравились сказания. Слушай, Вален Вен. Сейчас с тобой будет говорить не столько Хунбиш, сколько Досточтимая. Ты привлёк моё внимание ещё до твоего побега из Секты Шести Печатей. Если уж ты читал жизнеописания знаменитых практиков нашего времени и хоть чего-то там заметил между строк, то должен знать: альянс четырёх великих сект — это детище Досточтимой Тысяча Уловов. Не могу сказать, что я повелеваю им... Скажем так, его Наставники и старейшины имеют привычку внимательно слушать добрые советы старой тётушки. Естественно, когда альянс едва не ввязался в войну с Сектой Шести Печатей, мои советы им внезапно понадобились. Тогда-то я и услышала твоё имя. Сперва ты показался мне виновным лишь в том, что партия твоей матери проиграла политическую борьбу. Обвинения в одержимости архидемоном... ну, можно похвалить за выдумку. Но если серьёзно, как одержимый может столько времени притворяться, если сразу после вселения в новое тело он оказывается рядом с могущественными Наставниками? Способными вернуть его разум наизнанку?

Досточтимая пожала плечами снова:

— Лишь незадолго до твоего побега я поняла, что обвинения совершенно искренни. Это пробудило во мне любопытство. Не скрою, я давно мечтала пленить архидемона. Ради знаний, которых можно из него выжать. И желательно так,

чтобы об этом не узнал никто. Храм Восточного Неба немедленно ополчился бы против меня, узнав, что кто-то пытается отбивать их хлеб тюремщиков древнего зла. Я не стала возражать, когда на тебя и твоих друзей объявили охоту. Втайне даже от моих собственных слуг, я лично присоединилась к этой охоте. С той информацией, которая у меня имелась, отследить вашу телепортацию не было никакой возможности. Мне просто повезло, что Люме и Наттар сунулись в большой город, где на их след напал один из меня. По направлению их движения я поняла, в какой стороне они ожидают тебя найти. Направила большую часть себя на поиски. Услышав о Секте Добродетельного Демона, решила, что это случайное совпадение. Не может же быть древний и осторожный злодей настолько дерзким. Но решила проверить — на всякий случай. Дальше ты и сам всё знаешь.

— Почему же я ещё не в оковах?

— По двум причинам. Первая в том, что вёл ты себя совсем не демонически. И друг твой с невестой вели себя совсем не как практики тёмного пути.

— А вторая?

Досточтимая наклонилась вперёд, понизила голос — как будто это могло бы помешать кому-то, теоретически способному их подслушать:

— Вторая в том, что я, для очистки совести, решила проверить: не сел ли на хвост твоим товарищам-беглецам кто-то ещё. И довольно скоро обнаружила, что вас преследуют

настоящие архидемоны.

Глава 9. Условия сделки.

Вален удивился такому повороту. На его лице не дрогнул ни единый мускул, но он потратил несколько секунд — внутри его разума продлившихся гораздо дольше — на размышления.

— Как им удалось выйти на след Люме и Наттара?

— Ты намекаешь, что у них могла быть информация из Секты Шести Печатей, потенциально позволяющая вычислить точку телепортации? Я так не думаю. Их главная ищейка — уже знакомый тебе Иншань — явно владеет редким даром гуаев-лис, позволяющим видеть на сотни километров. Но твоим спутникам сперва удалось избежать его внимания. Если он представлял их местонахождение, то лишь с точностью до региона. И проверял любые странные случаи в пределах досягаемости своих чувств. Как оказалось — один случай он проверил слишком поздно, чтобы обнаружить их. Но как раз вовремя, чтобы попасться на глаза одному из моих тел. А потом Наттар и Люме снова ухитрились наделать шума. Едва не попали в руки практиков из альянса четырёх сект и Храма Восточного Неба, кое-как сумели укрыться. От этих практиков, но не от дара Иншаня, который тоже услышал о случившемся. И явился на поиски вместе со своим хозяином.

Досточтимая развела руками и улыбнулась:

— Как ты понимаешь, за всем этим втайне наблюдала я. И мой интерес к Валену Вену тут же возрос в десять раз. Для практиков, стоящих на вершине мира культивации, уже давно не секрет, что цепи, наложенные на архидемонов Храмом Восточного Неба, слабеют с каждым днём. Что на свободе теперь не один или двое из них, а не меньше полудюжины. Многие не считают их большой угрозой. Думают, что за три эпохи, три с лишним тысячелетия, практики ушли так далеко вперёд, что даже если освободятся все архидемоны, при попытке снова бросить вызов людям и гуаям, они снова будут побеждены. На этот раз — легко и быстро. Признаюсь, до недавнего времени я также склонялась к этому мнению. Но моего интереса это не притушило, даже наоборот. Ведь архидемоны казались мне источниками древних знаний, знаний особенно ценных для меня лично.

— И каких же именно знаний?

— Вален, твоя дерзость по-прежнему поразительна. Как у тебя язык-то повернулся задать практику, которая тебе в наставницы годится, настолько интимный вопрос? Впрочем, если тебе так уж хочется знать направление моей культивации, попробуй угадать сам. С теми знаниями, которые ты уже получил, в этом не должно быть ничего сложного.

Вален задумался на миг, потёр подбородок. У него действительно имелись некоторые умозаключения. Последние слова Досточтимой можно было счесть косвенным подтвер-

ждением их подлинности:

— Твоё почётное имя тебе принесла культивация души, волшебство, позволяющее управлять сразу множеством тел, не создавая между ними наблюдаемой связи. Архидемоны — без сомнения великие мастера культивации души. Они нарушают многие общепринятые законы. Они остаются в этом мире после разрушения тела. Они способны культивировать техники, связанные с душой, не достигая семи цветов. Конечно, у их способностей есть своя цена. Ограничение культивации, потолок, выше которого их сила не растёт, сколько бы тысяч лет они не прожили. Но всё же, именно для тебя их знания должны быть драгоценными.

— И снова великолепная догадка, хехе, — рассмеялась Досточтимая. — Ты лишь в одном не прав. Их знания драгоценны для большинства практиков семи цветов. Дело ведь не в том, что культивацию души высокоумные трактаты считают возможной лишь на семи цветах. Дело в том, что на семи цветах мы упираемся в постигнутые пределы культивации тела. Но наше понимание души слишком ограничено. Возможно, что и понимание тела тоже. Мы, практики, не знаем, куда идти дальше. Досточтимые — это те, кто нащупал почву, чтобы сделать ещё хоть полшажочка. Чаше всего — полшажочка в тупик. На стадии преобразования тела, мы полностью побеждаем старение, видимый и внутренний возраст тела становится равно подвластны практику. Но наши жизни угасают всё равно. Мы зовём простых людей и гуав

«смертными» из одной лишь похвалы. Даже сильнейшим практикам очень редко удаётся перешагнуть порог в двести пятьдесят лет, а в триста — никогда. Некоторые считают, что причина тому — неотвратимая воля Вечного Неба. Я лично убеждена — мы слишком слабо понимаем взаимодействие души и тела. В попытке обмануть смерть, я создала волшебство копирования тела и души. Его суть — не создание послушных продолжений себя, а надежда что моё «я» сохранится на пересечении незримых связей между множеством клонов, когда основное тело испустит дух. Уже по тому, что я говорила о Хунбиш как о не-совсем-мне, ты можешь догадаться, что надежда не оправдывается. Долгоживущие клоны формируют собственные личности. Я не знаю, что, случится, когда я-основная достигну своего предела. В надежде узнать, я и отбросила обычные страхи перед тёмным путём архидемонов. Возмечтала захватить одного из них. И конечно, меня заинтересовал ученик, которого они искали, отбросив свою обычную осторожность.

— Боюсь, что их страх передо мной порождён незнанием. Я не обладаю ни особыми силами, которые могли бы им повредить, ни знаниями об их замыслах или слабых местах. Я утратил почти все воспоминания о моей прошлой жизни. И о том, как именно я смог вселиться в новое тело, мне известно ровно ничего — я не в силах помочь твоей культивации.

Досточтимая снова уселась, положив локоть на колено и подперев щеку рукой, как бы показывая свою готовность вы-

слушивать самые удивительные истории и заявления. Некоторое время глядела на Валена. Наконец, хмыкнула и сказала:

— Как ни странно, я поверю. Определённо в тебе нет никаких следов демонической культивации. Проведя в одной секте почти год, я бы их заметила. Это указывает на то, что ты — не взбунтовавшийся против собратьев архидемон. И не обладаешь заслуживающими внимания тайными знаниями. Впрочем, я буду рада услышать любые обрывки воспоминаний об архидемонах или о былых временах, которые у тебя могут быть. Потом. Мы ведь ещё не заключили нашу сделку. А перед тем, как её заключать, ты желаешь выслушать, зачем ты мне нужен.

Она усмехнулась.

— Как ты сам уже догадался, сперва я видела в тебе лишь возможного архидемона — или практика, который может послужить приманкой для архидемонов. К твоему счастью, я женщина осторожная и мягкая — видишь, до сих пор не оторвала тебе голову за наглость. Я решила приглядеться к тебе поближе, вместо того, чтобы сразу пускать в ход грубую силу.

— И начала приглядываться ещё до того, как одно из твоих тел записалось в ученицы моей секты?

— Да. Ты по-прежнему догадлив. В тот момент, когда зачаровательница Хунбиш предстала перед твоими очами, у меня уже создалось общее впечатление о тебе. Довольно лестное.

— Понятно. Так скажи мне: зачем ты разыгрывала всё это представление? Зачем притворялась слабой зачаровательницей, пытающейся в меру сил помочь другу-старейшине? Зачем сидела в позе лотоса, пока Секты Перерождённых Элементов резали людей и гуаев?

Хунбиш некоторое время молчала. Её выражение лица ничуть не изменилось, всё то же благожелательное спокойствие, но Валену уже начало казаться, что он перегнул палку. Наконец, она ответила:

— Простой ответ заключается в том, что я опасалась спугнуть архидемонов. Ты видел следы нашего сражения, перепахавшего горы. Моих сил было недостаточно, чтобы победить их наверняка. И если бы я проиграла, то конец бы пришёл не только тебе, Вален — они бы не оставили в живых никого, с кем ты успел хоть раз поговорить. Но этот ответ тебя не устроит.

Вален чуть пожал плечами.

— Вернее говоря, ты можешь сказать, что такой ответ тебя устраивает и даже сам ненадолго в это поверить. Но если я им ограничусь, в глубине души ты затаишь неприязнь. К тому же, ты хочешь знать, что мне от тебя надо. А это связано с причиной, по которой я не помогала в полную силу:

Досточтимая вздохнула:

— Послушай, Вален. Когда-то я, изначальная я, тоже была молодой и талантливой заклинательницей, Энхтаей-Недостойной. Я навидалась достаточно жестокости, несправедли-

вости и грязи, чтобы мечтать о великой силе. Силе, с которой я могла бы выпрямлять всё, что в этом мире криво, а не прогибаться под эту кривизну. Эта мечта тоже не сбылась. Возможно, мне не хватило таланта и усердия. Возможно, она изначально была детской. Я думала, что сделавшись Досточтимой смогу огнём и летающим мечом отвоевать моему народу достойную долю. Но к тому времени, как меня действительно называли Досточтимой, я поняла: если пойти напролом, то... Нет, я не проиграю. Я не была настолько безумна, чтобы стремиться к покорению всего континента. Я лишь хотела выкроить для Изначального Народа ту часть, которую сравнительно легко было бы удержать. Но я поняла: даже так погибнут десятки миллионов, вражда между нами и захватчиками разгорится вновь. Что будет, если моё волшебство окажется несовершенным — а оно и оказалось несовершенным — и через какое-нибудь столетие я умру?

Она развела руками:

— Я решила действовать хитростью и терпением. Не убивать там, где можно запугать, не запугивать там, где можно увещевать. Стирать с лица Нотеры лишь тех злодеев, которых нельзя использовать. Входить в доверие к тем, кого ненавижу — и делать из них свои инструменты. Постепенно разобрать по камушку стену между народами. А это значит: отказаться от восстановления справедливости и подсчитывать жизни людей и гуаев, как очки в игре. Если на выбранном мной пути их будет потеряно намного меньше, чем

было бы потеряно иначе, значит выбранный путь верен. И в случае с Сектой Добродетельного демона я поступила так же. В конечном итоге, разве ты не думал похожим образом, когда столько времени оттягивал сражение с Сектами Перерождённых Элементов?

Вален медленно кивнул. Потом вздохнул:

— Легко попрекать других тем бессердечием, которое уже простил самому себе.

— Не слишком вини себя в бессердечии. Далеко не всякий старейшина потратит время и силы, чтобы спасти бездарного мальчишку.

— Это ты про Нэргуя? Хмф. Помнится, без твоей помощи он помер бы задолго до того, как я смог бы приготовить пилюлю. Похоже, я был слеп и глуп — уже тогда надо было задуматься, откуда взялась такая зачаровательница, владеющая сложной акупунктурой.

Лицо Валена оставалось спокойным и неподвижным. Но Досточтимая улыбнулась, как если бы увидела его насквозь:

— Сейчас ты думаешь, не была ли моя помощь тогда наигранной. Продуманным ходом, чтобы в будущем привлечь внимание к тому случаю и тем завоевать твоё доверие.

— А ты хочешь сказать, что это был искренний порыв?

— Почему и то и другое не может быть правдой? Да, я хотела показать, что жизни твоих учеников мне не безразличны. А ещё я хотела посмотреть, что будешь делать ты. Это так. Но вместе с этим, я просто не люблю смотреть, как уми-

рают дети. Я спасла бы парнишку, даже если б твоя пилуля не сработала. Списала бы результаты на то, что целебные силы просто подействовали с задержкой.

Некоторое время они смотрели друг на друга. Вален всё так же бесстрастно, Досточтимая — с хитрецей.

— Ты клонишь к тому, — сказал он, наконец, — что мы похожи. И потому ты сперва глядела на меня лишь как на приманку для архидемонов. А потом решила, что из меня выйдет прекрасный ученик. Начала потихоньку давать мне советы, по жизни, и по культивации.

— Ну, одно большое различие между нами всё же есть, — Хунбиш погрозила ему пальцем. — Я не страдаю от подозрительности.

— Только не говори, что Досточтимая Тысяча Уловов, знаменитая своими хитростями и тайными кознями, на самом деле доверчива.

— От доверчивости я тоже не страдаю. Я стремлюсь видеть людей и гуаев ровно такими, какие они есть. В тебе я увидела много добродетели и мало демона. К тому же, у тебя задатки великого практика. Практика, который сможет продолжить то, что не доделала я. Практика, который очень пригодится Нотере, когда ей грозит новое Опустошение.

— Мой талант совсем невысок.

— Не всё сводится к потенциалу меридианов. Да ты и сам это прекрасно знаешь.

— Знаю. Новое Опустошение — ты говоришь об архиде-

монах. Но мне показалось, что ты смотришь на них свысока. И они явно проиграли сражение с тобой.

Лицо Досточтимой помрачнело:

— Сюда летели сразу двое. Интересно, почему они тебя настолько опасаются... Я устроила почти идеальную засаду. Лишилась трети своих клонов и не смогла захватить ни одного из них. Их техники ушли вперёд за тысячелетия. Возможно, что старые способы их запечатывания теперь вообще не будут работать. Да, мои противники лишились своих текущих тел... но это их не задержит надолго. Год-другой-третий — и они вернутся к прежнему уровню культивации в новых телах.

«Когда снизойдёт последний архидемон...» В голове Валена всплыли слова предсказания, написанного его рукой. «Осталось три...» Три года с того дня уже прошли. Следующие возможные сроки — тринадцать или тридцать лет.

— Это ещё одна причина, по которой я хотела бы знать об архидемонах и их волшебстве всё, что возможно. Раз уж поймать одного из них не удалось — я бы хотела изучить тебя, Вален Вен. Даже если ты ничего толком не знаешь о техниках архидемонов, обследование может дать мне какие-то подсказки.

— И что ты хочешь кроме этого?

— Чтобы ты позволил скромной зачаровательнице Хунбиш и дальше быть твоей ученицей. Прислушивался бы к моим советам, когда я пожелаю их дать. И перебрался бы,

вместе с сектой в место, которое архидемонам пока не известно. Я не думаю, что они явятся сюда снова. Но если явятся — то с огромными силами.

— Это даже требованиями назвать нельзя. Извини, не поверю, что твои желания сводятся к тому, чтобы помогать мне.

Досточтимая рассмеялась во весь голос, запрокинув голову:

— Пфффхахаха! Верно! Слушай. Я заметила, что Сурэноха демонстрирует весьма необычные результаты после обучения у тебя. Ты должен поделиться со мной методами культивации, которые преподаёшь ей.

Вален сделал вид, что глубоко задумался. На самом деле, он ещё до начала разговора прикидывал, как бы подороже продать Досточтимой свои текущие открытия. В конечном счёте, именно они были важнейшим доказательством его ценности, важнейшей причиной, по которой с ним стоило договариваться.

— Что ж. Интерес Досточтимой Тысячи уловок к новым техникам и методам культивации широко известен. Но я полагаю, что и это ещё не всё.

— Верно. Ты потребовал от меня самой большой откровенности за последние лет пятьдесят. Тебе придётся за это отплатить. Я жду от тебя подробного и правдивого рассказа обо всём, что осталось в твоей памяти с прошлой жизни. И обо всём, что ты наблюдал в Секте Шести Печатей с момента

вселения в новое тело. Откровенность за откровенность.

— Что ж...

— Включая рассказ о содержимом нефритовой таблички, над которой ты так дрожал, что не спускал с меня глаз, пока я её чинила.

Глава 10. «Твой путь – тебе и идти».

— Хватит уже меня испытывать. Ты и так провела за этим год. Можно подумать, ты уже не просмотрела, что было на той табличке, — тон Валена не изменился, но слова вышли резче, чем хотелось. Он тут же понял, что допустил ошибку.

Досточтимая развела руками и мило улыбнулась:

— Практики, пусть и очень сильные – не боги. Да и древние боги подчиняются законами мироздания. Мне не под силу сотворить настолько тонкое волшебство, ничем себя не выдав. Будь я в моём исходном теле, я бы могла отвести тебе глаза сложной иллюзией. Но у зачаровательницы Хунбиш лишь пять звёзд. Ей не под силам перехватить контроль над твоими чувствами, самое большее – немного запутать их. Но даже если бы я могла заглянуть в табличку так, чтобы ты этого не заметил, я бы не стала этого делать. Потому что в то время я уже надеялась, что когда-нибудь ты вызовешь меня на тот разговор, который мы с тобой сейчас ведём. И получение хитростью тайны, которая для тебя очень важна, заранее разрушит доверие между нами. А ведь тогда я ещё не подозревала, что тайна содержимого таблички для тебя ценнее твоей собственной страшной тайны. Что ты скорее признаешься, что и вправду одержимый, чем скажешь, что там записано. Несложно догадаться: ты хочешь защитить кого-то

из близких. Кого?

Вален молчал.

— Вален. Я не буду ничего вытягивать из тебя силой. Но, вообще-то, тебе предоставляется очень редкий шанс — завоевать расположение Досточтимой. И поможет тебе в этом лишь готовность сказать мне всю правду. Может я и похожа на добродетельную наставницу из сказки, появляющуюся только для того, чтобы осыпать юного практика благодеяниями, ничего за них не потребовав. Но, всё-таки, мы живём не в сказке. Если ты вправду хочешь сделки, то часть своей цены я назвала. Полная откровенность во всём.

— Во всём?

Досточтимая пожала плечами:

— Ну, детские прозвища, которыми тебя называла мать и любимые позы в постели с невестой можешь оставить при себе. А вот всё остальное, начиная с момента твоего пробуждения в Секте Шести Печатей, я бы хотела знать.

— Раз уж у нас день откровенности: что будет, если я промолчу?

— Мы разойдёмся как в небе корабли, само собой. А какого ответа ты вообще ждёшь, Вален? Если я вправду жестока и двулична, то сейчас я скажу тебе то, что тебя успокоит. А если ты всё равно откажешься говорить, то выжму из тебя информацию как воду из тряпки. И если ты думаешь, что именно так я и поступлю, то какие слова смогут тебя переубедить?

— Любой знаменитый практик постоянно врёт и скрывает собственное лицо... — Вален вновь повторил вслух собственные слова Хунбиш. На этот раз задумчивым тоном.

— Любой знаменитый практик тёмного пути, — вновь правила его Досточтимая. — Впрочем, ты прав. Тут между тёмным и праведным путём разницы мало. Потому-то любой практик, желающий стать знаменитым, должен уметь увидеть истинное лицо собеседницы. Не обманываться той маской, которую она может надеть, и не надевать на неё ту маску, которую ему удобнее видеть. Это как раз и называется — не быть ни доверчивым, ни подозрительным. Ты весьма догадлив и проницателен, Вален. Но можешь ли ты увидеть моё истинное лицо?

— Истинное лицо... — Вален подпустил задумчивости в голос. Спугнул бабочку с цветка, который всё ещё держал в руках. — Досточтимая, прошу поучения: а почему практики тёмного пути врут и скрывают собственные лица? Разве откровенность, пусть даже откровенность о своих собственных пороках, не привлекательна для людей и гуаев? Разве не может зачаровать многих злой и себялюбивый человек, который исполняет свои злые и себялюбивые планы мастерски и решительно, не тратя время на притворство и показную добродетель?

— Если тебе не нравится, когда тебя испытывают, постеснялся бы испытывать старшую, задавая ей вопросы с подвохом! — Досточтимая всплеснула руками, но потом улыбну-

лась. — Помнишь три признака тёмного пути, Вален

«...первый из них — обращение с теми, кто обладает речью, как с бессловесными зверями, годными в пищу. Второй признак — обращение тех, кто обладает речью, в лишённые воли марионетки. Третий же и последний признак — обращение с разумом как с книгой, в которую практик волен вписывать страницы или вырывать их, по своему желанию», — процитировал Вален по памяти.

— Что объединяет эти три признака? То, что практик, сделавший любой из них частью своего самосовершенствования, становится врагом всех людей и гуаев кроме себя. Неизбежно становится. И дело не в том, что культивирующий техники тёмного пути может потерять контроль над собой, превратиться в одержимого или просто безумца — хотя это тоже бывает сплошь и рядом. Дело в том, что он привыкает смотреть на других, как на вещи. Мясо, употребляемое в пищу, фигуры на игровой доске, подвластные его воле. Неважно, какие оправдания он придумывает для себя изначально. Рано или поздно привычка станет его второй натурой. А потом и единственной натурой. Ведь мы, практики, живём слишком долго. К тому же, прорыв со стадии постижения пределов требует абсолютной честности с собой. Да в общем и раньше на прорывах без неё сложно. Думаю, что к седьмому цвету тёмный практик теряет способность пользоваться языком в обычном понимании людей и гуаей — общаться, обмениваться чувствами и мнениями. Любые его

слова — это приказы тем, кто уже подчинён его воле, или попытка подчинить своей воле хитростью там, кого пока невозможно подчинить волшебной силой. «Подчинение воле» — здесь необязательно обращение в раба. Вкусный кусочек тоже, можно сказать, подчиняется воле того, на чьём блюде он оказался.

Она развела руками:

— Потому старый, опытный практик тёмного пути не просто обязан притворяться. Он делает это потому, что притворство стало неотъемлемой частью его жизни. Самые дружелюбные его слова и самые безобидные действия — это продуманное нападение. Просто нападение иного рода. Он может притвориться и честным разбойником, не скрывающим своей разбойничьей сути — но это всё равно будет притворство.

Вален покивал, с задумчивым видом:

— Понимаю. Например, он может быть очень откровенен о том, как думает сам, в надежде обезоружить собеседника, заставив думать, что никто никогда не признается в подобных вещах. Может тщательно продумывать образ, в котором предстанет перед другими. Имея дело с юношей, лишившимся семьи, предстать в облике гуая, способного предоставить добрый родительский совет, но не грозящего родительской властью. Разбросать подсказки, указывающие на свою истинную личность, чтобы найдя эти подсказки юноша возгордился своим умом и утратил бдительность. Нападение другими средствами, так? Может даже придумать очень убе-

длительные объяснения, почему его, прости, её заветное волшебство, не является техникой тёмного пути, хотя соответствует как минимум одному, а то и двум его признакам. Если поглядеть под определённым углом.

Досточтимая покивала в ответ:

— Подмечено верно. И, тем не менее, я чувю, что сейчас услышу «Но...». Впрочем, какое уж тут чутьё – разве высказал бы ты эти мысли в открытую, если бы твой разум остановился на них.

Вален, впервые за весь разговор, искренне улыбнулся. Искренне, но горько:

— Но разве я сам заслуживаю хотя бы малейшего доверия, если применить ко мне столь же строгую логику? Я захватил чужое тело и пользуюсь им. Я пользуюсь странными и подозрительными отговорками, которым сложно поверить и которые невозможно проверить. Болтают про потерю памяти, якобы позволившую мне избежать обнаружения и лишившую меня почти всех знаний, которые будут вам полезны. Архидемоны стары, обладают опытом множества жизней – им под силу ломать комедию год-другой, изображая из себя добродетельного практика, пока они набираются сил. Ты говоришь, что не чувствуешь во мне признаков демонической культивации – но архидемоны ведь уже показали тебе, что твои знания об их способностях слишком несовершенны. Если я правильно понял твои слова:

Вален развёл руками, повторяя жест Досточтимой:

— И всё же, я ещё не на пыточном столе. Я всё ещё контролирую своё тело и разум. Либо здесь какая-то долгая игра, полностью выходящая за пределы моего понимания, либо ты просто судишь меня по моим поступкам. Значит, я должен ответить любезностью на любезность. Мой названный брат Наттар, сказал бы, наверное, что недостойно практика и мужчины таить зло против тех, кто не причинил зла тебе.

«Интересно, что бы сказала Аланария», — невесело добавил Вален про себя.

А Досточтимая, меж тем, рассмеялась так, что аж косички затряслись. И смеялась долго. А когда успокоилась, то сказала:

— Что ж, весьма разумно. Так как насчёт содержания твоей нефритовой таблички.

— Хмф. Ладно, — впервые за всё время беседы, Вален отвёл глаза в сторону, поглядел на цветущую долину и угрюмые серые горы на другой стороне. — Боюсь, для наилучшего понимания мне придётся начать издали...

Досточтимая выслушала его рассказ ни на миг не утратив спокойствия.

— Вот оно как, — заметила она. — Это многое объясняет. Отдаю должное Юберису Юону – дерзость его плана достойна величайшего практика на свете. Вален, ценность этой информации огромна. Если уж мы заключаем сделку, что ты хочешь от меня взамен?

— Я хочу, чтобы вы помогли мне спасти мать, — не задумываясь сказал Вален.

— Не вижу способа это сделать, — так же не задумываясь ответила Досточтимая. — Но если ты способ придумаешь — обещаю оказать всю помощь, которая только в моих силах. Клянусь в этом моим именем Досточтимой Тысяча Уловов и моим первым цветом ядра, фиолетовым.

Поглядела на умолкшего Валена и усмехнулась:

— Но я была бы коварной обманщицей, если бы в обмен за ценную информацию предложила лишь обещание из числа тех, которые вряд ли придётся выполнять. Проси чего-нибудь более осязаемого. Разве Секте Добродетельного Демона не нужны ресурсы? Разве тебе не пригодятся советы по культивации?

— Ты не предлагаешь защиты... значит, я получу её и так, пока зачаровательница Хунбиш продолжит жить в моей секте. Хм. Сперва мне стоит оговорить не то, чего я хочу, а то, чего я не хочу. Для начала, я больше не хочу какой-либо помощи, о которой сам не буду знать. Сама понимаешь, почему.

— Конечно. У меня и в мыслях нет подсекать на корню твой рост как старейшины. Не волнуйся, твои успехи и неудачи будут твоими собственными. Кстати единственной помощью, которую я тебе оказала не как зачаровательница Хунбиш, было моё сражение с архидемонами. Тебе стоит быть осторожнее в будущем, что б ещё какой-нибудь древ-

ний монстр не свалился тебе прямо на голову. Да, они не нашли бы тебя, если б не оплошности твоих друзей. Но всё же создавать собственную секту — слишком большой риск. Без покровителей и защитников может, пожалуй, возвыситься одинокий бродяга, но не глава секты. К счастью, теперь у тебя есть драгоценный покровитель в лице меня, — Досточтимая положила руку на сердце. — Кстати, я позабочусь о том, чтобы погоня за Валеном Веном пошла... не в ту сторону. Отменить награду за тебя и Люме с Наттаром мне не под силу. Вас ведь ловит и Храм Восточного Неба. Объяснять четвёртому Досточтимому Восточное Небо все детали ситуации сейчас не время. Но направить внимание охотников за архидемонами куда-нибудь на дальний запад континента мне не под силу.

Четвёртый Досточтимый Восточное Небо, великий охотник на демонов, одержимых и практиков тёмного пути... Вален, конечно, знал об этом гуае. За всю историю Нотеры лишь двум признанным Досточтимым удалось превратить свои изобретения в учение, пригодное для передачи ученикам. Одним из них был изначальный Досточтимый Восточное Небо. Его учение за тысячи лет смогли унаследовать всего трое практиков. Нынешний наследник овладел им в необычайно молодом возрасте, не разменяв даже столетия. Может тот, кто лишь перенимает от других и уступает тем, кто изобретает новое, но, всё же, гений, возглавляющий самую древнюю секту в мире — не тот практик, на которого До-

сточтимая Тысяча Уловов может просто надавить.

— Понял, — сказал Вален. — Что касается ресурсов — их я тоже предпочту добывать сам.

Он вкратце описал свои планы по переносу секты на безымянный остров, где теперь открылась благословенная земля.

— Не слишком далеко отсюда, увы. Но всё же, напрямую волшебством нас там не обнаружить. Даже взглядом, достаемым на сотни километров.

— Значит, попадать в зависимость от подачек ты тоже не хочешь, хехе? — у Досточтимой сегодня выдался день веселья. — Необычно, но весьма похвально. Но чего же ты хочешь, в конце концов?

— Советов по культивации мне тоже не надо. А вот информация о некоторых областях культивации мне сильно пригодится. Желательно — написанная на бумаге. Пусть мы с Хунбиш и будем жить бок о бок, я бы предпочёл вести дискуссию через обмен записками.

Досточтимая приложила пальцы ко рту, изображая задумчивость, кивнула:

— Настолько опасаясь, что я невольно навяжу тебе собственное видение вещей? И загоню в тот же тупик, куда пришла сама? По мне, это уже перебор и бессмысленная потеря времени. Чисто из-за недоверия к себе. Но как знаешь. Твой путь — тебе и идти, — она пожала плечами. — Однако, я чувствую, что наша, с позволения сказать, сделка оставляет меня в глубоком долгу.

— Ну, ты, всё же, спасла шкуры мне и почти всем, кто мне дорог, — улыбнулся Вален. — Наверное, это чего-то стоит. Но уж если считаешь себя обязанной, то не забывай своего обещания. Сделать всё, что в твоих силах, для спасения Наставницы Арамы.

— Конечно, — она вдруг чуть скривилась, движением руки отбросила назад косичку, чуть сдвинулась, села прямее. — Вален, дать тебе совет? Не как Досточтимая, как старая Хунбиш.

— Не так уж ты и стара. И совет мне, наверное, дашь в любом случае.

— Старейшина по-прежнему наблюдателен. Так вот, совет: ты совершенно не умеешь торговаться. И не учись. Репутация честного практика, который не пытается собеседником вертеть, не ищет ниточки чувств, чтобы за них дёргать, не попахивает тёмным путём — куда важнее любых мимолётных выгод. А на тех, кто достиг вершин культивации такие способы всё равно не сработают.

Вален чуть замялся с ответом, и Хунбиш улыбнулась уголком рта:

— Ты, наверное, сейчас думаешь «кто бы говорил»?

— Кто бы говорил, моя скромная ученица двух цветов.

— Я думаю, вместе нам будет несложно устроить мне «прорывы», чтобы я смогла лучше работать как зачарованельница. Может и Хорл не безнадёжно застрял на двух цветах... Но да, погляди на меня и не делай как я. Разок я тебя

обманула, чтобы проверить, посмотреть на тебя поближе – и теперь ты вряд ли мне когда-нибудь поверишь. А если поверишь – уже я сама буду сомневаться, поверил ли. Не слишком удачный исход. А я ведь всё-таки женщина, искушённая в кознях, наловчившаяся обманывать даже любимого мужа. Или девятерых мужей и одну жену, смотря как на меня глядеть.

Впервые за этот мучительно долгий день, Вален искренне рассмеялся. Каких, всё-таки, чудес только не встретишь в мире культивации.

Глава 11. Интерлюдия: Секта Грозового Пика.

Несколько месяцев назад

На личной арене Досточтимого Грозовой Пик царила абсолютная тишина. Ни малейшего дуновения ветерка. Ни малейшего звука жизни. Лишь багровое небо, тянущаяся до горизонта равнина из отполированного обсидиана и две человеческие фигуры, стоящие без движения, направив копья друг на друга. Красивая, суровая девушка в простом синем халате, с волосами, яркими как алое золото. И её двойник из блестящей белой бумаги, покрытой паутиной чёрнильных рун. Сам Досточтимый потратил несколько дней на её создание. В пределах внутреннего пространства, которое он и его личная ученица использовали для тренировок, бумажная копия могла в точности повторять всю культивацию и умения оригинала.

Вальтия Вен атаковала. Ни один смертный с серым ядром даже не заметил бы движений её копья с красной кистью. В его глазах фигуры противниц просто расплылись бы. А затем, если бы он стоял достаточно близко, его ударила бы по ушам серия хлопков и резких щелчков, словно от огромного хлыста.

На своём текущем уровне культивации, Вальтия чувство-

вала, что сопротивление воздуха становится серьёзной проблемой. Даже при простом беге. А выпад копьём со всей силы пробивал звуковой барьер. Она достаточно далеко продвинулась в культивации техники Парящего Тела, чтобы сопротивление уже ослабло — но все подобные техники движения утрачивали эффект в тот момент, когда твой кулак или оружие сталкивались с кулаком или оружием сравнимого по силам практика.

Вальтии едва исполнился двадцать один год, возраст, который многие практики считали возрастом совершеннолетия ученика. Однако боевые искусства она постигла на уровне, который не всем давался и в сто лет. Она машинально закладывала в движения поправки на резкий рост сопротивления воздуха каждый раз, как настоящее копье сталкивалось с копьём из зачарованной бумаги. Потому и кукла Досточтимого делала то же самое.

За считанные секунды они обменялись сотнями ударов. Не раз их оружие высекало искры из гладкого обсидиана под ногами, оставляя в твёрдом камне кривые борозды. Наконец, Вальтия отступила на шаг назад. Не потому, что выдохлась. В таком темпе она могла бы сражаться несколько часов. Сейчас её просто не интересовало испытание на выносливость и чистое везение. И не потому, что она видела бесплодность своих усилий. Она уже давным-давно поняла, как могла бы победить куклу в настоящем бою. Каждый раз, когда она делала шаг вперёд в понимании боевых искусств, кукла делала

шаг вслед за ней — но с задержкой. Крохотной задержкой, всего на полдвижения. Вальтии и этого хватило бы.

Но такая победа ей была совершенно не нужна.

«Моему творению не под силу повторить приём или технику за пределами моего собственного понимания. Иными словами, не существует пока такого приёма или техники, которой ей было бы не под силу повторить», сказал Юберис Юон, Досточтимый Грозовой Пик.

Пока не существует.

Вальтия вновь шагнула вперёд. Копьё в её руках стало размытым пятном. Не то что смертный, даже средний практик тех же пяти цветов вряд ли сумел бы посчитать количество её выпадов. Десятки хлопков слились в непрерывный гул. Копия отбивала атаки и нападала в ответ столь же стремительно и точно. На этот раз Вальтия отшатнулась назад, когда остриё из зачарованной бумаги разодрало халат на её бедре. На плече куклы тоже появилась царапина... чуть глубже разреза на халате. Нет, по-прежнему не то!

Просто изменяя существующие приёмы и техники здесь не добиться той победы, которая требовалась Вальтии. Понимание копии соответствовало пониманию Досточтимого. Пусть у неё не было собственной воли и фантазии, она мгновенно разгадывала любые трюки, с первого взгляда проникала в суть любого волшебства. Усовершенствованные версии известных техник в лучшем случае дадут лишь небольшое преимущество И лишь однажды. Только техника, кото-

рой пока нет на свете, позволит сразить копию наповал.

Только техника, которой пока нет на свете, позволит нанести хотя бы один настоящий удар Досточтимому.

Само существование бумажной копии было ещё одной подсказкой от него, подсказкой, направляющей Вальтию в нужную сторону. Юберис прямо сказал, что никакая техника, пытающаяся заколдовать противника напрямую, требующая состязания духовной энергии, против него не работает. Какими бы ограничениями Вальтия её ни обставила, чтобы сделать её эффективнее на одном конкретном практике. Опыт учебных поединков показал, что атаки на расстоянии Досточтимого не зацепят. Единственный шанс — удар в рукопашной, когда времени на реакцию минимум. Следовательно, техника, способная ранить Досточтимого, должна быть техникой самоусиления или ближнего боя. Теперь, после множества схваток с копией, Вальтия поняла, что самоусиление не поможет. Даже если его можно применить внезапно. Прилив сил будет недостаточно велик. Юберис успеет среагировать, адаптироваться.

Единственный шанс — техника, позволяющая провести необычайно сильную и быструю атаку в ближнем бою. Но что это должна быть за атака, если даже Цветок на Могилу не позволил острию копья коснуться Досточтимого?

*****

Вальтия вернулась в свои обширные, но скромно обставленные покои лишь спустя три дня. И рухнула на постель,

как подкошенная. Сил не осталось даже подогреть чай. Что там чай, снять изодранный халат, и то было слишком тяжело. Прошло года три, не меньше, с тех пор как она настолько выматывалась. А ведь надо всё-таки размассировать мышцы и восстановить работу меридианов, прежде чем проваливаться в сон. А то потом может потребоваться уже серьёзное лечение.

Она застонала сквозь зубы, думая о том, какое сочетание пилюль лучше всего взбодрит её на полчаса. И в этот момент от двери донёсся звук колокольчика. Колокольчика там не было, конечно. Работало волшебство.

Вальтия повела пальцем по воздуху, потянула за невидимые нити духовной энергии. Отозвалась:

— Защиты нет, входи.

Дверь раздвинулась. А за ней оказалась именно та, о ком и подумала Вальтия.

Ленси... то есть, Ленсия, была старше своей соученицы и подруги, но выглядела куда моложе. Совсем подростком, ниже плеча Вальтии, с круглым детским лицом и пышными волосами лиственнно-зелёного цвета до пояса.

— Ты меня караулила, что ли?

— Конечно, госпожа личная ученица.

Может Ленси и выглядела молодо не по годам, может ей и нравилось, когда её называют сокращённым именем, как если бы она была ребёнком, но почтительность в её словах казалась до ужаса наигранной. Она вошла в покои, не утруж-

дая себя приглашением.

— После того, как ты пропала на день, я уже догадалась, в каком состоянии ты приползёшь. С пилюлями повремени. А то как бы успехи культивации в трубу не вылетели. Я тут принесла тебе настоящей еды. Сейчас расставляю, чаю заварю. Но сперва давай в ванную. И снимай это рваньё, от тебя разит, как от мужика.

— Кто назначил тебя моей нянькой, Ленси? — обречённо пробормотала Вальтия.

— Я сама себя назначила. Как и положено женщине-практику.

Учеников в Секте Грозового Пика было совсем немного. Все они знали друг друга. Ленсия Ларт соучениц не просто знала, а любила обращаться с ними как с родными сёстрами. Причём младшими. Вальтии, когда она была моложе и глупее, такое отношение со стороны той, кто уступала ей по таланту и цветам совсем не нравилось. Сперва терпела лишь ради Зенны, своей единственной настоящей подруги.

А потом Зенна пошла в Трёхсотлетнее Чистилище, вместе с Ленсией и Юнаром Юоном. Пошла, чтобы не вернуться. С тех пор двое девушек, объединяющим звеном между которыми она была раньше, сблизилась друг с другом. И постепенно Вальтия ухитрилась оказаться под опекой ученицы, которой должна была бы оказывать покровительство, если смотреть лишь на чистую силу.

Соппротивление было бесполезно. Сейчас ведь даже этой

самой силы у Вальтии не было. Она и до ванной-то едва доковыляла.

Ванная была вырезана в камне, как и покои в целом. Почти вся Секта Грозowego Пика располагалась внутри горы. Согласно байке, которую ученики пересказывали друг другу, Юбериса Юона как-то на большом собрании практиков прекнули неподобающей любовью к роскоши. Тем, что он и его последователи живут во дворцах, а не в пещерах для медитации, как полагается тем, кто воистину стремится к возвышению. В то время он ещё не был Досточтимым, порой прислушивался к тому, что о нём говорили — вот и ответил, что больше не ляжет спать под крышей, сложенной руками людей и гуаев. Сам не ляжет и тем, кто желает быть частью его секты, не даст. И зарок этот Юберис твёрдо соблюдал.

А вот насчёт того, чтобы вырубленные в камне жилища не делать комфортными, никакого зарoka не было. Замысловатые формации проветривали комнаты, хранили прохладу летом и тепло зимой, не давали сырости скапливаться на стенах и потолке. Даже подавали горячую воду, когда ученице хотелось помыться. Достаточно лишь коснуться незримо-го массива волшебства, отдать ему мысленный приказ.

Сейчас мысли в мозгу Вальтии ворочались плохо. Будь она простым человеком, то могла бы от этого пострадать. Ведь вода, хлынувшая из медной трубы, заканчивавшейся стилизованной головой дракона, оказалась крутым кипятком. Но её нынешнему телу мог бы повредить разве что рас-

плавленный металл. Да и то при условии, что она измотана. Кипяток был лишь слегка неприятен. Она не стала убавлять температуру. Боялась уснуть, едва погрузится в комфортно тёплую ванную. Не хватало ещё обидеть Ленси.

Через несколько минут, когда Вальтия вновь появилась в своей гостиной, чистая, со спутанными, влажными волосами, рассыпавшимися по свежему халату, её ждал небольшой ужин. Нет, даже довольно большой ужин. Многие практики пошли бы убийство ради некоторых из блюд, расставленных по низкому столу. Мясные нити из жемчужной зубатки или салат из ледяных цветов содержали больше духовной энергии, чем средняя пилюля, это не считая их целебного воздействия на кости и меридианы. Но в Секте Грозового Пика такое угощение было совершенно заурядным. Глядя на него и берясь за вилку, Вальтия видела лишь проявленную заботу, а не дорогие ингредиенты.

— Даже не знаю как тебе отплатить. Опять ты для меня из кожи вон лезешь.

— Я завоёвываю расположение самой выдающейся женщины нашего поколения. На случай, если Досточтимый сочтёт меня безнадёжной. Единственная, кто здесь лезет из кожи вон — это ты. Даже не знаю, чего ради ты себя истязает.

Если б Вальтия сама это знала. Порой ей казалось, что она сбилась с пути, напрочь сбилась. Чем эта безумная культивация боевых искусств поможет в спасении матери? Нет, конечно, это хороший способ продвижения к прорыву. Хоро-

ший способ завершения стадии преобразования тела. Хороший, но не лучший.

— Ради своей неспособности держаться поставленной цели, — грустно сказала она. Взяла с блюда медовое печенье, повертела в руках. Сейчас даже еда в горло не лезла. — Скажи, Ленси, а ты не видела моего брата в Чистилище Голодных Растений? Хотя бы краешком глаза?

Вопрос удивил её саму. Раньше они не разговаривали на тему произошедшего в чистилище. Ленсия с самого начала дала понять, что эти воспоминания для неё слишком неприятны. Сжато рассказала о том, что Зенну убил страж чистилища — и всё. Тут любой понял бы, что она упрекает себя в нерасторопности.

Мысли Вальтии, обычно чёткие и твёрдые, сейчас растекались как кисель. Она даже не сразу заметила, что подруга глядит на неё своими изумрудными глазами. И что с её лица неожиданно пропало всякое выражение.

— Что-то не так? Что с тобой, Ленси?

— Ничего. Ты ведь спрашивала про Валена Вена? Которого обвиняют в одержимости?

— Разве у меня есть другой брат?

— Я видела его только краем глаза. Не столько его, сколько его ауру. Не разглядела ничего, о чём стоит сказать.

Вальтия Вен была практиком пяти цветов. Сосредоточившись, она могла увидеть мельчайшие движения любого из мускулов на человеческом лице. Лицо зеленоволосой, зеле-

ноглазой девушки сейчас оставалось неподвижным. Но ведь она тоже талантливый практик, пусть и на цвет ниже. Давно завершила стадию внутреннего единства. Такая неподвижность в её случае означала одно — попытку скрыть свои истинные мысли с эмоциями.

Ленси, её заботливая подруга, вдруг соврала ей. Но зачем? — Понятно, — Вальтия откусила половину печенья.

Понятно лишь то, что ничего непонятно.

Эта мысль не ушла и на следующий день, когда Вальтия проснулась со свежими силами.

*****

Грохот ударов вновь прокатывался по личной арене Досточтимого Грозовой Пик. Но на этот раз Вальтия сражалась с живым противником. Разноцветные искры летели снопами от ударов копья в непробиваемую бело-голубую чешую, покрывавшую всё тело Юнара Юона. Камень трескался под ногами в моменты столкновений бойцов.

— Попалась! — стремительным движением могучих рук, Юнар перехватил древко копья. — На равных цветах, тебе....

Бабах!

Вальтия выпустила оружие, сделала шаг вперёд, пользуясь тем, что противник на миг счёл себя завоевавшим преимущество. Её ладонь коснулась бы живота Юнара — если бы тот не создал барьер воли. Барьер воли не смог остановить взрывной поток огня, в котором исчез и сам Юнар и всё мет-

ров на тридцать позади него.

Ну, иному показалось бы, что исчез. Пламя, способное мгновенно превратить летающую баржу в рассеивающийся пепел, не принёсло ему особого вреда. Наполовину спалило одежду, ослепило на миг. Его ответный удар кулаком оказался неточным, слишком замашистым. Вальтия перехватила руку, закрутила тело в броске, бросила спиной на гладкий чёрный камень — и впечатала его в этот камень ударом ноги. Так впечатала, что обсидиан вокруг не просто пошёл трещинами, а вздыбился и разлетелся осколками.

— Сдаюсь, сдаюсь! — выкрикнул Юнар. — Твоя взяла.

Впрочем, на ноги он вскочил энергично, как распрямляющаяся пружина. Похоже, теперь его тело было прочнее лучшей стали не только снаружи, но и внутри.

— Ты обещал ответить на один мой вопрос, в обмен на тренировочный поединок.

— Не смею отказать красивейшей и суровойшей ученице Секты Грозового Пика. Спрашивай.

— Что на самом деле случилось два года назад, в Трёхсотлетнем Чистилище?

— Да ведь уже рассказал тебе...

— Ты рассказал мне не всё. Как на самом деле погибла Зенна? Или ты заметил что-то странное с моим братом, Валеном?

Но даже до того, как Юнар вновь открыл рот, Вальтия уже знала, что допрашивать его бесполезно. И знала почему это

бесполезно. Всё же, ей исполнился двадцать один год. Она уже не ребёнок, а искушённый практик.

*****

— Наставник, это ведь вы запретили Ленсии и Юнару рассказывать мне всю правду о том, что произошло в Трёхсот-летнем Чистилище?

Юберис Юон нахмурился, покачал головой:

— И кто же из них распустил язык?

— Что вы, Наставник, они молчали как рыбы. То есть, настаивали, что уже сказали мне всё. Просто... — Вальтия замялась, подбирая слова.

— Они слишком подозрительно молчали? — улыбнулся Досточтимый.

— Да, Наставник, именно так. Глотали язык, едва я спрашивала про брата.

Он покачал головой:

— Я не запрещал им рассказывать правду. Я запрещал им отравлять твой ум беспочвенными подозрениями.

— Но какими же, Наставник?

— Хотя они не могли чётко различить того, что происходило под куполом стража, хотя они были заняты сражением они, почему-то, вбили себе в голову, что Зенна Юон, твоя подруга, моя приёмная внучка, погибла не потому, что ей не хватило умений. А из-за чародейства Валена Вена. Я в это не верю. Ну посуди сама...

*****

Юберис Юон поглядел в спину Вальтии, выходящей из его покоев. Ученица шла, словно проглотила копьё. Всё прошло по плану. Не требовалось даже призывать волшебное зеркало, чтобы увидеть её реакцию. Смешанные чувства по отношению к одержимому брату теперь склонятся в сторону ненависти. Если выполненный им ментальный анализ верен — а он не может быть не верен, после стольких месяцев наблюдений — это повысит эффективность её культивации. Устранит досадные колебания. Позволит выкристаллизоваться истинному боевому намерению.

Вальтия уже не ребёнок. У неё есть твёрдая воля, собственные суждения, острый ум. И всё же рядом с ним она остаётся лишь цветком. Прекрасным и волшебным, но неспособным понять действия садовода. Попытка напрямую настроить сестру против брата, надавить авторитетом Наставника, не сработала бы никогда. Поэтому Юберис Юон позволил ей настроить себя самой. Для этого хватило время от времени якобы случайно упоминать то Валена, то Трёхсотлетнее Чистилище в их обычных разговорах. И подождать, пока мысли о них — кажущиеся ученице вновь появившимися в её голове безо всякой посторонней помощи — не подтолкнут её к расспросам. Теперь цветок будет расти в нужную сторону.

Посмотрим, сможет ли она вырасти во что-то действительно интересное.

Глава 12. Интерлюдия: Секта Шести Печатей.

В великой секте, где волшебные способы лечения доступны даже самому распоследнему ученику, роды безопасны для матери. А дети редко умирают в младенчестве даже не благодаря чудесным пилюлям, а потому, что дети практиков вообще обычно рождаются здоровыми. Но обычай представлять ребёнка родне и давать ему имя лишь на шестой день после рождения сохранился. В случае рождения ребёнка у старшей жены Наставника, представление становилось пышной церемонией, на которую собирались многочисленные гости.

А в случае рождения ребёнка у его последней жены, почти что наложницы, женщины, которую он и женой-то называл лишь когда её старший сын стал практиком, причём женщины из незначительного клана, чьего названия имени-тые практики даже не помнят, всё было гораздо скромнее. Считай, повезло, если отец окажется достаточно счастлив, чтобы задержаться, а не зайти на минутку, признавая ребёнка законнорожденным.

Наставник Закаро Зот задержался на церемонии представления второго сына Геллары. Сидел рядом с гордой матерью и благосклонно слушал её, даже снизошёл до того, что-

бы ненадолго взять младенца на руки.

— Гарлант... Гарлант Зот. Хорошее имя, как раз для такого крепыща. Я уже вижу, что он вырастет бойцом.

Гелат Зот совсем не радовался вниманию отца к матери и новорождённому брату. По трём причинам. Во-первых, он ненавидел Наставника с раннего детства. Задолго до того, как узнал о его истинной природе. Во-вторых, ненавидел, отчасти, потому, что знаки расположения без постоянного, неусыпного покровительства лишь навлекают беды. Да, Наставник держал свой род в ежовых рукавицах. В нём никто никогда не осмелился бы убить, изувечить или обобратить сына от наложницы. Не осмелился бы даже внаглую оскорбить на людях. Вот только испортить жизнь одинокому мальчику и его матери можно и массой более тонких способов. А в-третьих...

В третьих, Гелат Зот теперь знал истинную природу своего отца. Как хорошо, что их отношения и раньше были достаточно плохи — даже открытая ненависть и враждебность не покажутся ничем выходящим из ряда вон.

Вот и сейчас он то мрачно глядел в никуда, то бросал на Закаро косые взгляды, нисколько не притворяясь почтительным сыном.

— Надеюсь наш второй сын талантом пойдёт в первого, Геллара. Раз уж я здесь — поздравляю с прорывом на стадию внешнего единства, наследник Печати Гелат.

На церемонии была ещё дюжина практиков. Старые ду-

бы, одержимые методичным соблюдением приличий и подхалимы, пришедшие в надежде лишний раз попасться на глаза Наставнику. Сам Закаро к любой выходке отнесётся с усмешкой, а вот эти непременно сочтут недостаток сыновней почтительности причиной для нападков и на самого виновного, и на его семью. У Гелата не было другого выхода, кроме как встать и поклониться:

— Благодарю Наставника за любезные слова.

Закаро Зот скривился — совсем чуть-чуть, но это наверняка заметили многие — пригладил длинные усы.

— Жить мне осталось не так уж долго, — состояние Наставника и впрямь ухудшалось, даже густой мех полузверинной формы гуая-горностая начал редеть, а неестественная худоба стала ещё более пугающей. Закаро легко мог бы избавиться от внешних признаков старения, всё же он завершил стадию преобразования тела — но не желал. А между появлением этих признаков и смертью практика редко проходило больше десятилетия. Один из старших сыновей давно бы вызвал его на Испытание Наследования, если бы не устрашающая репутация отца. Если подумать, эта репутация была создана скорее суровыми манерами, чем результатами предыдущих испытаний. Но рисковать пока желающих не нашлось.

— Да, не так уж долго. Я позабочусь о том, чтобы вы получали содержание, достойное увеличившейся семьи. Но кто знает, когда я испущу дух. И кто знает, что будет потом.

Наставник оглядел практиков, явившихся на церемонию

именования, не скрывая насмешки:

— Многие говорят, что воля предка всегда будет для них законом, пока предок жив, да только немногие вспоминают о своих словах после его смерти. Хорошо, что твоя культивация идёт такими быстрыми шагами, Гелат. Ты займёшь достойное положение и в нашем роду, и в Зале Пилюль, сможешь позаботиться о моём младшеньком, что бы ни случилось.

«Какая же ты всё-таки мразь», подумал Гелат про себя. Но вслух ответил:

— Похвалы незаслуженны, Наставник. Если я и достиг первого места среди учеников Зала Пилюль нашего поколения, то лишь потому, что небеса оказались неблагосклонны к более талантливому.

Эти слова заставили Гелата опять вспомнить Нельду. И то, что её погубил собственный отец-Наставник. На душе у него стало совсем плохо. Даже с самоконтролем стадии внутреннего единства, он едва сдерживал себя.

— Хехе. Везение и удача — можно сказать, тоже часть врождённого таланта практика. Многим они выпадают, немногие умеют ими воспользоваться. Вот, твоему брату, маленькому Гарланту, уже повезло больше, чем тебе — он родился гуаем. И каким здоровеньким, — Наставник погладил по головке сына, спавшего на руках у матери. — Надеюсь, он тоже будет из тех, что хватаются за свою удачу. Надеюсь, наш род получит ещё одного наследника Печати.

Гелат вежливо поклонился:

— Благодарю Наставника за добрые пожелания.

А руки заложил за спину. Чтобы не видно было, как он до хруста сжимает пальцы, обтянутые кожей туго, словно у мумии. Родиться гуаем в семье хранителя Печати? Демона, переселяющегося в тела собственных сыновей? Это что угодно, но не везение. Уж если в чём маленькому Гарланту и выпала удача, так это в том, что время очередного переселения подойдёт до того, как он достигнет зрелости. Но даже не считая этого, метка Печати Мускулов — жестокое проклятие.

Гелат полагал: самое меньшее, что он сможет сделать для младшего брата — это отвадить его от пути практика.

*****

После церемонии Гелат пребывал в расстроенных чувствах. Даже полетел проветриться в уединённую рощу, на приличном расстоянии от родовой резиденции. Настолько расстроенных, что не проследил, следует ли кто-то за ним. Но не настолько расстроенных, чтобы не заметить враждебного внимания, когда следовавший за ним практик подошёл достаточно близко.

— Отвали, — бросил Гелат, не оборачиваясь.

— Или что? — раздался ответ. — Ты попытаешься напасть на меня? В нарушение воли нашего почтенного отца-Наставника?

Гелат сразу узнал этот голос. Он обернулся, поглядел на говорившего. Зайрен Зот, один из его единокровных бра-

тьев.

Большинство из братьев относилось к Гелату... да никак не относилось. Иначе вряд ли бы он в детстве дружил с детьми из-за пределов рода. А таких успехов, чтобы его собственной дружбы многие стали искать из соображений будущей выгоды, он добился лишь недавно. Раньше репутацию в роду портили события вроде дикой ссоры с Валеном Веном, проигрыша ему на арене или бесславного возвращения из Трёхсотлетнего Чистилища.

Но и сейчас его дружбы искали не все. Вот Зайрен не искал. Поздно уже было. Он превосходил Гелата по возрасту, по культивации — но не настолько, чтобы считаться старшим, которому неуместно цепляться к ребёнку. При этом, он тоже был человеком. А значит, наследование Печати ему не грозило. Все знали, что в обычных обстоятельствах Наставники передавали Печать лишь гуаям, наследники-люди были нужны просто на всякий случай. Зайрен был везунчиком, но не осознавал своего везения. И неоднократно пытался выместить своё разочарование жизнью на Гелате, когда они были моложе. Пытался с переменным успехом.

— Нет. Просто перестану слушать. Говори, чего тебе надо.

Зайрен фыркнул из-под широкополой шляпы. Он носил очень свободный оранжевый халат с широкими рукавами, чтобы можно было прятать кисти — явно стеснялся своего внешнего вида. Который у наследника Печати Мускулов

был, конечно, пугающим.

— Мне сказали, что почтенный отец-Наставник выказал нынче большое расположение к твоей матери. Но ты не особо радуйся, алхимик.

«Алхимик» было сказано примерно тем тоном, которым можно было бы сказать «мусор». Алхимия часто считалась прибежищем практиков со слабым талантом, тех, кто не годился в бойцы, кому путь к возвышению покупался на родительские деньги. Хранительница Лерия в своих поучениях не раз упоминала, что так считают обыкновенные завистники.

— Он делает это...

— Знаю, знаю, — Гелат подошёл к неприятному собеседнику, развёл руками. — Чтобы позлить старших жён, потому что кто-то подал ему плохо заваренный чай или погладил против шерсти. Это понятно любому младенцу. Если больше нечего сказать, то вали.

— Вот же наглый ублюдок, — восхитился Зайрен. — Или считаешь, что почтенный отец проживёт ещё долго?

— Мне плевать на всю эту семейную возню. Даже не интересно, кто именно тебя послал. Есть дела поважнее, — искренне ответил Гелат.

Да, когда он был молод, знаки расположения без истинного покровительства только навлекли бы беду. Но сейчас он навидался в жизни такого, что подобные мелкие беды казались... мелкими.

— Думаешь, почтенный отец успеет обеспечить и тебя, и твоего новорожденного братишку?

— Думаю, сам справлюсь, если что. Иди отсюда. Я бы предпочёл послушать шум ветра в листьях. В нём больше смысла, чем в твоих словах.

— Вот же наглый ублюдок! — повторил Зайрен, но куда злее. — Не желаешь показать те умения, которые придали тебе такой наглости?

— Уже, — снова повёл рукой Гелат.

Зайрен поглядел на него в недоумении, сделал шаг назад, попытался принять боевую стойку — и вдруг осознал, что его колени дрожат.

— Яд! — воскликнул он. — Когда? Как ты успел? Внутренняя алхимия?

Гелат оскалился, словно мертвец. Он не стал привлекать внимание Зайрена к одному из колец на своей правой руке, с виду почти неотличимому от колец пространственных. И к тому, что «камень» в этом кольце сейчас нагрелся, выделяя лишённые цвета и запаха пары. Смертный уснул бы на пару дней, вдохнув их лишь раз. Даже на неподготовленного практика четырёх цветов они действовали неплохо — особенно если махать рукой с кольцом чуть ли не у него под носом.

Прежде Гелат назвал бы себя ортодоксальным практиком, следующим проторенными путями — в алхимии, как и во всём остальном. Сейчас он назвал бы себя точно так же.

Идея с использованием примитивнейшего волшебства, чуть более утончённого варианта предмета-огнива, которым владеет большинство семей простых смертных, для незаметного распространения яда по воздуху, принадлежала Нельде. Свои записки по алхимии она оставила в Зале Пилюль. Предварив указанием в случае чего передать их Гелату. Гелат лишь реализовал её замысел. Когда сварил — после длинного ряда неудачных попыток — подходящий яд.

— Это секрет, — сказал он. — Кстати, не советую сейчас глотать очищающие пилюли. А то результат может быть... интересный.

Чистый блеф. Но на Зайрена сработал. Тот не стал доставать пилюль, отшатнулся, опёрся на дерево, чтобы не упасть, заморгал, как оглушённая рыба.

— А тем, кто тебя науськал, передай: пока что мы не враги и цапаться с вами за богатства рода я не собираюсь. Но если попробуете портить жизнь матери или брату — узнаете, на что теперь способна моя алхимия.

Уходя прочь, Гелат до последнего момента ожидал какого-нибудь неприятного сюрприза. Однако Зайрен лишь буравил ему спину ненавидящим взглядом. По всем признакам, яд вправду действовал. Неужели разделаться с практиком, достигшим четырёх цветов, может быть так легко? Впрочем, если у него нет опыта сражений насмерть с другими практиками, только с бессмертными зверями, да и то не в каком-нибудь чистилище, а на обычной охоте, где наслед-

ников страхуют...

Неприятных сюрпризов не случилось и по дороге домой. В последующие дни с месяцами их действительно не пытались беспокоить. Возможно, это было частью коварного замысла, попытки усыпить внимание. Но возможно, что он и вправду перерос такие мелочи. Возможно, сумел показать, что он не такой практик, с которым стоит враждовать по несущественным причинам.

Если так, хорошо. В конце концов, ему ещё как-то надо избавить себя с матерью от власти отца. То есть, себя, с матерью и младшим братом. Ему надо отомстить Наставнику Неллану за Нельду. Как можно надеяться совершить такие великие дела, если даже не в силах отмахнуться от назойливых насекомых?

*****

Грот, в котором «отбывал наказание» Кантос Кас сейчас походил на странную помесь пристанища высокоучёного аскета с притоном. Книги, свитки и нефритовые пластинки лежали стопками рядом с пустыми бутылками. Постель хозяина состояла из грубых циновок и простого одеяла, но воздух пропах женскими духами. Лишь в одном это место было схоже с тюрьмой — каменные стены, пропитанные земной энергией, отражали звуки и сигналы Поиска странным образом. Неприятным для того, кто привык жить во тьме. Наставник Кайлео пару раз предлагал сыну выбрать пещеру получше. Но Кантос утверждал, что лёгкий дискомфорт по-

могает ему сосредоточиться. Помнить, что он не на отдыхе.

В этот день Кайлео снова застал его за чтением. Кантос с утроенным усердием обзаводился теоретическим познаниями. И отнюдь не только от скуки. Не раз он просил отца достать ему редкие и неортодоксальные трактаты по культивации. Некоторые из них были настолько... неортодоксальными, что простой практик мог бы лишиться головы за один лишь факт обладания ими. Раньше Кантос был выше подозрений — всё же, охотник на тёмных культистов, известный не только на Перерождающемся Континенте, но и в Храме Восточного Неба. А вот сейчас Кайлео приходилось добывать их тайно. И напоминать сыну, что такие вещи не должны видеть посетители. И особенно посетительницы.

— Это не «Трактат новой луны» там перед тобой на столике? — поинтересовался Кайлео, едва лишь ступив за порог.

— Приветствую Наставника. Он самый. Можешь ушами не дёргать — я же прекрасно слышу, кто ко мне идёт.

— Хмф. Знаешь, сколько умников на моём веку навлекли беды уверенностью в том, что у них всё надёжно схвачено?

— Думаю, предостаточно.

Кайлео ожидал подколки со слабо скрытым намёком на способ, которым ему удалось столько прожить. И немного удивился, когда её не последовало.

— Но ты же пришёл сюда не давать мне добрые советы, так ведь? — Кантос убрал книгу в пространственное кольцо.

Прежде чем отвечать, Кайлео убедился в надёжности заклинаний, защищавших от слежки. И даже потратил пару секунд, чтобы добавить к ним своё собственное.

— Ого, — заметил Кантос с удивлением. — Дело настолько важное? Случаем, не то самое, что я предсказывал, старик?

— То самое. Это произошло почти целую луну назад. Я, сам понимаешь, ждал. Чтобы визит к тебе не вызвал подозрений. Ты был прав. И Арама была права. Оритилл год ходил вокруг да около, но всё же признался. Он придумал способ исказить ритуал Юбериса Юона. Так что самого Юбериса ритуал уничтожит, а печати Зеффара — обновит и укрепит. Я принёс тебе наброски, которые он пока что раскрыл.

В ручище Кайлео появилась нефритовая табличка.

— Если хочешь обложить бывшего друга на чём свет стоит, сейчас время самое подходящее, — заметил Кантос, принимая её.

— Один раз оказался прав и уже думаешь, что мои чувства видны тебе насквозь, сынок? — ласково осведомился Наставник. — Будь скромнее. Кстати, ты уверен, что он — бывший друг? Если он не рехнулся на старости лет, если его расчёты верны, то его решение даст Араме гарантию долгой жизни. Укреплённая Печать, вместо ничтожного шанса при её извлечении...

— Я уверен? Я вот в чём уверен: ты знаешь, как дважды два четыре — Арама раньше сама прыгнет в Алую Бездну,

чем примет долгую жизнь такой ценой.

Кайлео пожал плечами. Уселся, скрестив ноги, напротив сына.

— Ты прав, конечно.

— Я часто прав. Дай угадаю ещё раз: ты не уверен в том, что Юберис Юон сможет просто взять всех Наставников, помимо тебя с Арамой, за хвосты и приволочь на ритуал.

— Даже не знаю, в кого ты уродился таким наглецом. Да, я не уверен. Всё дело в Печати Неллана. Нос Зеффара почует новую опасность в будущем. Враждебное намерение Досточтимого. Как минимум, у Оритилла и его прихвостней будет шанс скрыться. И это если нам удастся начать ритуал восстановления Зеффара тайно для всех. Если другие Досточтимые как-то прознают...сложно предсказать, что получится тогда. Вероятно, хранители Печатей, не желающие ритуала, будут искать у них защиты. Вероятно, это приведёт к битве Досточтимых.

— Но ритуал в Алой Бездне по-всякому опасен. По-всякому связан с намерением лишить их Печатей. А с Печатами и жизнью. Играешь ты за Юбериса или нет. Так что там Неллан воняет от твоей тройной игры не почует, так? Верно?

— Верно, — мрачно улыбнулся Кайлео. — Остаётся лишь убедить их, убедить не оставив и тени сомнения, что я веду двойную, а не тройную игру. Что я собираюсь предать Юбериса, а не моих старых братьев. Вот только сделать это будет сложнее, чем кажется.

— Что, даже теперь, когда Оритилл раскрыл тебе свой замысел?

Кайлео фыркнул:

— Даже теперь. Спрашивать себя, на чьей я стороне он теперь будет до самого последнего момента. Уж слишком много мы друг от друга скрывали.

Глава 13. Листок на ветру.

— Меня, как вы давно знаете, обвиняют в одержимости архидемоном, — сказал Вален Люме и Наттару. — Из-за этого вы тоже натерпелись бед.

Однажды вечером, после возвращения в Секту Добродетельного Демона, они сидели за накрытым столом в его покоях. Сидели втроем — сейчас Вален даже Энэби выставил за дверь.

Друг и невеста поглядели на него с одинаковым недоумением, как бы спрашивая: «ну, обвиняют, и что с того?»

Вален помолчал, помедлил.

— Прошу, выслушайте меня внимательно и до конца. История будет довольно длинной. Но если пересказать её суть в двух словах — обвинение в одержимости наполовину правдиво.

На рассказ действительно ушло с четверть часа, хотя Вален составил свою речь заранее и опускал подробности, которые слушатели уже знали или легко могли додумать сами. Когда он закончил говорить, Люме сидела с каменным лицом. А вот Наттар кивнул и вид у него при этом был почти что довольный:

— Вот оно как, старший брат. А я-то думал, почему-ты всегда казался таким... нуууу, я не знаю, взрослым, что ли.

Вален уставился на него с нескрываемым удивлением:

— И это всё, что ты хочешь сказать?

Наттар пожал плечами:

— А что тут надо сказать? Даааа, малость обидно, что ты который уж год хранил секреты, хоть я, знаешь ли, с первого дня считал тебя за брата и ничуть душой не кривил. Ну, так ты всё же старший, тебе виднее. И Кантосу тоже виднее, раз он уж давно догадался, а всё ж молчал. Или ты думаешь, что я разом забуду твою доброту ко мне и моей семье, потому что ты не тот, кто я думал? Да будь ты хоть бессмертным зверем или ожившим камнем, с чего мне вдруг стать неблагодарным?

Вален засмеялся, услышав такие слова:

— Извини. Видно, слишком надолго мы расстались, начал думать о тебе глупости.

Но говоря это он не находил в себе сил поглядеть на Люме.

А та фыркнула:

— Знаешь, мне обидно сильнее. Всё-таки, мы с тобой, Вален, поближе братьев.

Наттар покосился на неё, словно хотел процитировать кого-нибудь из древних наставников, говоривших, что братья по культивации куда ближе жён. Но промолчал. То ли потому, что Люме тоже была их соученицей — помимо всего прочего. То ли потому, что даже до него дошло — это будет неуместно. Лишь покачал головой.

А Люме продолжила:

— Но ты так на меня не смотришь, словно выложил что-то ужасное. Вален, любимый мой, я так, на глазок, не могу сказать, сколько в тебе осталось от прежнего Валена. Но оставшееся — это наверняка его лучшая часть. И брат Наттар прав. Кем бы ты ни был с точки зрения твоей, хм, природы — мы ни разу не видели от тебя ничего, кроме добра.

— Из-за меня вам пришлось оставить семьи, стать изгоями, год жить как преследуемые звери...

— Моей семье без тебя конец бы пришёл... — в один голос начали отвечать Люме и Наттар. Оборвались на полуслове и покосились друг на друга. При виде этого Вален невольно улыбнулся.

— В общем, как оно тааам сказано, настоящий мужчина судит других не по их роду, а по их совершенствованию. И красавицам нравятся чудовища, это всем известно, — подвёл итог Наттар.

— Непристойно так говорить о своём названном брате, — возмутилась Люме. — Да и о женщинах надо ж такое сказать. Научился от старшего Кантоса плохому.

— Только хорошему, — беззаботно ответил Наттар. — Кстати, брат, если к каким-то из твоих служанок или учениц подкатываться не стоит, то лучше скажи сразу прямо.

Вален покачал головой. Неужто чувство, которое он сейчас испытывал в глубине души, было разочарованием? Разочарованием от того, что раскрытие страшного секрета, лежавшего у него на душе годами, восприняли как нечто три-

виальное, не заслуживающее долгих обсуждений, а не как потрясающее разум откровение?

— Погоди. Вы удивитесь, но это ещё не все ужасные тайны на сегодня.

На этот раз он заговорил о Досточтимой Тысяча Уловок и об угрозе настоящих архидемонов. О секретах Секты Шести Печатей и об истинной природе её Наставника. О том, что Досточтимый Грозовой Пик желает воскресить Зеффара, чтобы сразить его собственной рукой.

Когда он закончил новый рассказ, то ожидал изумления, возможно — немой сцены. Вместо этого, Наттар лишь кивнул, напустив на себя важный вид:

— Старший брат Вален, я всегда думал, что ты — практик не простой и когда-нибудь добьёшься многого. Окажешься в самой гуще великих дел. Но кто же знал, что это произойдёт так быстро!

А вот Люме задумалась и помрачнела, аж кончик хвоста дёрнулся:

— Да уж, попала из огня, не то что в полымя, а прямо на солнце. Вот культивируешь себе, мечтаешь спокойно дожить до ста пятидесяти, обеспечить родных, завести полдюжины милых лисят, а потом раз — и узнаёшь, что всей Нотере грозит гибель, то ли от Зеффара, то ли от архидемонов, то ли от того, что сильнейший практик на свете тронулся умом. А сама ты, со своими скромными знаниями и умениями, почти что в центре бури. Впрочем... раз уж буря грянет так

или иначе, лучше быть ветром, чем листком, который ветер несёт.

Наттар усмехнулся:

— Хе-хе, не пугай так старшего брата. Будто мало ему хлопот от Досточтимых, архидемонов, и Зеффара в Бездне — ещё целого выводка детей только не хватало.

Вален прижал ладонь ко лбу и застонал в полупритворном отчаянии:

— Вы совершенно не осознаёте всей серьёзности нашего положения.

— Серьёооозности? — протянул Наттар. — О, вспомнил одну серьёзную вещь. Старший брат, раз теперь ты приятель Досточтимой Тысяча Уловов, чего не попросил передать подарков нашим с Люме семьям? Уж целой Досточтимой такое будет раз плюнуть. Кому там под силу будет её заметить?

С лица Валена сдуло эмоции. А ведь Наттар был прав. Но идти к Хунбиш... к Досточтимой с просьбой о новом одолжении после того, как, казалось бы, договорились обо всём... К тому же, так ли уж разумно выдавать ей место, где живут семьи невесты и друга?

Нет, это поиск отговорок. Будь у неё желание, она всё равно узнает в два счёта.

— Я не подумал. Из-за напряжения. Я непременно с ней поговорю. Отправлять им действительно ценный подарок неразумно. Секта Шести Печатей наверняка за ними следит. Одним глазом, но следит. Появление волшебных сокровищ

или неожиданные прорывы в культивации привлекут внимание. А вот серебра и простых пилюль у нас теперь предостаточно. Можно часть послать им.

— Правильно говоришь, — кивнула Люме. Потом вздохнула. — Хорошо было бы всю нашу родню переселить в твою секту, когда обоснуемся на новом месте. Но боюсь, что мать не согласится бежать из города Светлячков. У неё слишком старомодные взгляды, чтобы оставлять смертных подданных на произвол судьбы.

Про планы переноса Секты Добродетельного Демона Вален им тоже сообщил. Но реализация планов требовала определённого времени. Улетев, они обрежут все контакты с этим побережьем. Так что сперва надо выбрать отсюда все ресурсы, которые можно выбрать. Включая людские.

*****

Летающие мечи сыпались даже не дождём, а серебряным потоком. Большая их часть была иллюзорными — но и настоящие летели густо. Десятки втыкались в каменистую землю горного луга или оставались лежать на траве, отскочив от валунов.

Наттар скользил сквозь этот поток как рыба сквозь воду. То мгновенно смещался на несколько метров Текучим Шагом, уклоняясь от слишком серьёзной опасности, то на бегу отражал мечи взмахами своего собственного клинка. Атакам, прилетавшим по касательной, он позволял соскальзывать с водяной чешуи. Иллюзии почти не действовали на

него. Пару мечей он всё же пропустил из-за них — но оба раза ухитрился извернуться в последний момент, не давая клинкам вонзиться в чешуйчатую броню.

Вален, направлявший бесчисленные мечи, мог без опаски использовать свой Лёгкий Шаг, чтобы уходить прочь — и всё равно ему не удавалось разорвать дистанцию. Движения Наттара были слишком быстрыми и плавными. Вален пытался отдавать новые команды множеству мечей, остающихся у того за спиной. Часть из них взлетала вновь и устремлялась... в то место, где недавно был молодой гуай. Вален обнаружил, что ему всё ещё не хватает концентрации для точного управления большим числом клинков. Достаточно точного, чтобы попадать по противнику, который не стоит столбом, а очень быстро движется

Бабах! Пара отбитых Наттаром летающих мечей взорвалась. Слабые взрывы по стандартам трёх цветов, почти неспособные нанести урон через Чешую Морской Твари — но способные сбить шаг. Вален взмахнул руками, призывая из пространственных колец столько оружия, сколько мог. И лишь в последний момент понял, что это было ошибкой. Взрывы не сбили шаг Наттара! Он не успевал применить свою технику движения, прежде чем попасть под ударную волну. Если бы попытался, то был бы тяжело ранен. Но успел сгруппироваться, встретить её лбом, не потерять равновесия. Зеффар бы подобрал его идеальные боевые инстинкты. И теперь он воспользовался крохотным просчётом Валена,

чтобы подлететь к нему вплотную.

Лязг! В последний миг Вален блокировал удар, схватив один из своих мечей рукой — и покатился по траве сбитый с ног. Тут же вскочил — и поклонился замершему в паре шагов Наттару, признавая своё поражение. Остававшиеся в воздухе клинки со звоном осыпались на землю. Если бы Наттар ударил остриём меча, а не тупой стороной, то его атака вышла бы ещё быстрее. И Валена разрубило бы пополам. Конечно, он тоже сдерживался, не использовал все свои коварные сюрпризы. И, тем не менее, результаты не утешали. Наттар силён скорее рефлексами и владением мечом, чем чистой скоростью перемещения. Но удержать расстояние с ним не удаётся. Настоящий гений равных цветов уже сейчас продавит все уловки Валена, все усовершенствования его культивации за счёт этой самой скорости. Выйдет в ближний бой и убьёт. Да что там гений, та же Сурэноха, как только прорвется на третий цвет, скорее всего станет достаточно быстра, чтобы мгновенно снять ему голову, если сражение начнётся на расстоянии менее двадцати метров.

Вален поглядел в сторону небольшой скалы, на которой стояла сама Сурэноха. Вместе с Люме они наблюдали за тренировочным поединком. Интересно, что они смогли заметить со стороны.

— Это просто... — Сурэноха не могла подобрать слов. — Неужели ещё один цвет и я стану такой же сильной?

Наттар глянул на Валена, спрашивая позволения дать от-

вет. И дал, после утвердительного кивка:

— Станешь. Но по-другому сильной. У тебя основы не так прочны как у меня, зато есть полужвериная форма с отличным даром.

Ученица чуть не подпрыгнула от радости, услышав это. А Вален тем временем обратился к Люме:

— А ты что заметила?

Люме была задумчива, смотрела куда-то мимо Валена — как видно, воспроизводила в уме картины боя:

— Думаю, ты сам давно понял: твой контроль над мечами ослабевает, если они слишком удаляются от тебя или попадают во что-то.

Вален кивнул:

— Я как раз отрабатываю контроль.

А Люме продолжила:

— Но вряд ли скоро отработаешь. Сейчас тебе, дорогой, нужна пара особых пространственных колец под мечи. Не таких ёмких, но чтобы можно было доставать большее число предметов одновременно. Ну, сам понимаешь, как у бутылей может быть разная форма, так и у пространственных колец — объёмом меньше, зато горлышко пошире. Тогда твои начальные атаки станут куда сильнее.

— Сможешь заняться ими, когда мы перенесём секту, и всё успокоится?

— Пространственные кольца — сокровища непростые... Но думаю, мне теперь под силу. Но сперва мне придётся за-

няться кое-чем ещё. Я не говорила об этом раньше, но пока мы летели на лодке, я обещала Наттару зачаровать сокровище, способное помочь в ближнем бою. Помнишь, младший, я уже начала работать над ним?

— Помню, конечно.

— Только ничего не вышло, ведь скоро нам пришлось странствовать без лодки. А зачаровывать, стоя на летающем мече... сами понимаете, такая акробатика мне пока не по силу. И получается, что за мной должок. А как его отдам — перед пространственными кольцами сделаю новый набор совсем других колец. Тех, что служат для нашей связи и передачи моего дара. Получше прежних. Вот только надо решить, делать мне их три или четыре. Вы с этим разберётесь в ближайшие дни, правда?

Она многозначительно поглядела на Валена, потом на Сурэноху. Девушка на миг смутилась, опустила глаза, потом решительно кивнула. Затем подумала, что кивка недостаточно и поклонилась, накрыв ладонью кулак:

— Это будет великая честь для младшей.

— Ты уверена, ученица? — поинтересовался Вален. — Ты понимаешь, как работает Красная Нить Жизни гуаев-лис? Пока кольцо с волосом Люме остаётся у тебя на пальце, она сможет вытянуть всю твою духовную энергию одной мыслью. Ты даже сдёрнуть кольцо не успеешь, если что.

— Если учитель доверяет сестре Люме, то и я ей доверяю. А если меня спросить, так я думаю — она никогда ничего

такого не сделает. Когда я прорвусь на третий цвет, выполню все условия, и мы, учитель, сможем пожениться, она для меня всегда останется старшей, честно!

Вален мрачно оглядел двух девушек. Когда это они успели настолько спеться за его спиной? Уже женят его, его самого не спросив. Нет, он конечно хотел в ближайшее время поговорить с Сурэнохой и прояснить их отношения. Но за всеми остальными хлопотами, как-то времени не находилось. А кроме того, он сам не решил, в какую сторону собирается их прояснять. Разумный расчёт и желание в один голос говорили взять Сурэноху младшей женой, совесть возражала. Или это была не совесть, а замаскировавшаяся под неё лень, неохота окончательно впускать в свою жизнь ещё одного человека, боязнь проблем, которые могут возникнуть?

— Пары дней не понадобится. Делай четыре кольца.

Наттар захихикал.

— Чего это тебя так насмешило? — лицо Валена стало вдруг пустым, а голос ровным.

— Да таааак. Боюсь, если скажу, так старшая Люме попробует меня всерьёз ударить, а тут уж ничего не поделаешь — придётся дать сдачи, как практик практику.

Люме уставилась на него уничтожающим взглядом:

— Всё же научился ты от Кантоса плохому. Плохому обращению с женщинами.

— Хорошему, только хорошему. Да ты не злишься. Я же знаю, что ты хочешь добра, а старший брат немного стран-

ный. Наверное, с ним иначе нельзя.

— Тебе не кажется, что я всё ещё стою прямо здесь? —
Вален с трудом подавил желание схватиться за голову.

— О, приношу извинения почтенному старейшине, —
Наттар поклонился. — Просто ты уж очень, мммммм, нето-
роплив. Кое в чём. Вот меня и развеселило, как тебя торо-
пили.

Возможно, он был прав. Если слишком долго откладывать
неудобный разговор — он всё равно начнётся, но не на твоих
условиях. Вален вздохнул:

— Извинения приняты, весельчак. Пошли, мы уже вос-
становили силы, пора сражаться дальше.

Глава 14. Принципы праведного пути.

В любой приличной секте или клане халаты практиков служили формой. Валену было негде заказывать одежду с особым сочетанием цветов и узоров. Но ему не хотелось, чтобы ученики Секты Добродетельного Демона ходили в чём придётся. Решением стали простые белые халаты, без вышивки и украшений, которых в Секте Белого Пламени нашлось много — такие носили её внешние ученики. Да и делать их могли почти что любые крестьяне. А чтобы совершенно заурядная одежда стала отличительным признаком практика его секты, Вален добавил к ней красный пояс. Просто потому, что в трофеях оказалось достаточно алого шёлка, чтобы накроить узких поясов для всех. Пояс теперь выдавался тем, кого принимали в ученики. Ну а халаты — всем как-то причастным к секте. Им положено выделяться на фоне простых крестьян в куртках-безрукавках и Недостойных в одних юбках.

Так что белые халаты носили даже пленные из Секты Ла-зурного Дерева, Секты Красного Золота и Секты Чёрной Воды. Те, кто выжил, потому что ещё не успел стать практиком. Набралось таких почти четыре десятка. Сейчас они сидели рядами в главном зале Секты Добродетельного Демона —

сидели на пятках, склонив головы. А Вален ходил вдоль рядов, всматриваясь и вслушиваясь, прежде чем огласить свой вердикт. Его взгляд мог уловить малейшие движения их мышц, его слух мог различить сердцебиение каждого конкретного юнца. Но полезность острых чувств была ограничена. Понятное дело, что все пленники боятся того, в чьей власти находятся. Понятное дело, что многие здесь ненавидят убийцу родных и друзей, защитника поганых Недостойных...

Хммм... кстати сказать, ненависти от них чувствуется не так много. Вален расспросил нескольких из них лицом к лицу. И убедился, что жизнь учеников, ещё не успевших стать практиками, в родных сектах была совсем не сахар. Он строго приказал кормить пленников досыта, не бить просто так и не насиловать. И смотреть, чтобы друг с другом они ничего такого не делали. Многим это уже могло показаться улучшением. В конце концов, секта тёмного пути на то и секта тёмного пути, чтобы быть жестокой к тем, кто не родился с исключительным талантом. Или в семье старейшины — если у старейшины вообще есть семья. На простых учениках могут даже ставить эксперименты. Если повезёт — способные поднять культивацию за счёт боли и риска. Если не повезёт — эксперименты типа того, от которого едва не отправилась в Реку Душ семья Наттара.

Вален поглядел на самого Наттара, стоявшего у входа, привалившись спиной к стене. Вид у молодого гуая был

скачающе-безразличный. Но Вален знал, что происходящее ему совсем не безразлично. Вспомнился разговор несколько дней назад, по поводу того, что делать с пленниками:

«— Я бы не стала доверять никому, кто воспитан в секте тёмного пути, — сказала тогда Люме. — Как говорится: заложенный фундамент не переделать, тут только сносить весь дом.

— Хм, — заметил Наттар. — Мне вот тоже вспомнилась хоооорошая поговорка: храбр как крестьянин и милосерден как женщина.

— Меня поучает младший, убивающий за то, что ему на ногу наступили!

— Да не хотел я тогда никого убивать! Иииии, и вообще, тут большая разница, старшая. Убить за дурное дело — совсем не то, что убить просто из опаски.

Люме покачала головой. Наттар картинно закатил глаза:

— Я посмотрю на этих учеников вместе с братом Валеном. А то ты, кажется, думаешь, что он слишком мягкосердечен.

— Не думаю, а знаю!»

Вален ещё раз оглядел ряды склонённых голов. Самым старшим из пленников он дал бы лет шестнадцать, а то и семнадцать. Сам он в таком возрасте уже всюю убивал... Да, у него остались твёрдость и решительность из прошлой жизни. Но, судя по одному из обрывков воспоминаний, и в прошлой жизни он начал валить людей в куда более нежные годы. А

эти юнцы успели свыкнуться с такими делами, от которых даже у его-нынешнего вскипала кровь. Всерьёз поучаствовать не успели, нет. Тех, кто успел поучаствовать, тех, на кого показали рабы и служанки, разлучили с головами на месте. Но всё же, всё же... Основы личности здесь давно заложены. Можно ли отмыть полосы с тигра?

...Но самые младшие — совсем дети. Кое-кому и восьми нет. Да, он может избавиться от тех, кто слишком опасен — прогнать каждого через личный допрос, разделаться с теми, кто покажется конченным. Но тогда страх вряд ли когда-нибудь отпустит оставшихся. В особенности младших. Вален сам слишком долго был полон страха и недоверия, опасения, что если взрослые проникнут в его суть, в мысли у него на сердце — то ему крышка. Он не сломался, потому что его душа была душой матёрого бойца. Но настоящие дети и подростки так не смогут. Какие практики вырастут из тех, кто живёт в вечном страхе? Да понятно, что ничего хорошего не вырастет.

В иной ситуации Вален взялся бы рассуждать о том, что у большинства этих детей потенциал меридианов явно выше среднего, многие уже обладают приличным уровнем закалки тела, так что ими не стоит разбрасываться. Однако, Вален слишком хорошо помнил собственную реакцию на то, что Секты Перерождённых Элементов делали с детьми. Помнил и фрагменты прошлой жизни, объяснявшие, до некоторой степени, почему именно это заставило его однажды потерять

осторожность. Самообман здесь бы вышел совсем жалким.

Он громко, демонстративно вздохнул, хлопнул ладонями, привлекая внимание:

— Вы знаете, кто я такой. Я — старейшина Добродетельный Демон, который сокрушил ложные учения ваших сект. Ухищрения тёмного пути оказались бесполезны перед силой и ясностью ума, которые мне дал праведный путь истинного самосовершенствования. Один из принципов праведного пути — доброжелательность к людям и гуаям. А один из моих собственных принципов — карать тех, кто действительно виновен. Убивать за дурные дела, а не из опаски. Поэтому я предоставляю вам шанс.

Вален сделал многозначительную паузу:

— Вы можете стать учениками Секты Добродетельного Демона. Начать жизнь и культивацию с чистого листа. Я обещаю, что буду справедливо оценивать вас. И ваше стремление к праведности. Но я не обещаю, что вам придётся легко. Вам придётся подниматься с самого низа. Самый лучший из вас будет обязан кланяться самому бесталанному из моих прежних учеников, пока вы делом не докажете, что достойны стоять в их рядах. А всякий, кто не отречётся от порочных учений ваших сект и поддастся соблазну тёмного пути, всякий, кто хоть пальцем тронет одного из смертных или совершит какое-то ещё преступление, будет казнён. Я мгновенно распознаю любую ложь, провести меня не получится. Впрочем, у тех, кто вас слишком сильно ненавидит, тоже не по-

лучится вас оклеветать.

Вален снова помолчал пару секунд, давая время осознать свои слова. А потом продолжил:

— Если кому-то мои условия не нравятся, он может встать и убираться на все четыре стороны. Таких я сам не стану преследовать и моим ученикам прикажу не трогать. Выживайте как хотите. Сделаться практиками без наставлений и ресурсов у вас всё равно не получится.

При этих словах Наттар глянул на Валена с сомнением. А по рядам сидящих пронёсся шёпоток. Многие из них хоть на миг дёрнулись — но встать не решились. Наконец, поднялся юноша постарше, со строгим лицом. Вален помнил его имя — Таер. За ним поднялись ещё трое.

— Я хочу воспользоваться щедрым предложением почтенного старейшины и уйти.

— Конечно. Где ворота помните ещё, надеюсь?

Вален заметил, что Наттар меряет четвёрку решивших не оставаться в секте взглядом. Но внимания не обратил. В конце концов, чего странного в такой реакции? Когда несостоявшиеся ученики вышли, оглядел оставшихся:

— Больше желающих идти своим путём нет? Сейчас получите свои красные пояса — и выбирать станет поздно.

Его взгляд обратился на красивую девушку, невысокую, строгую, казавшуюся старше неполных четырнадцати, с бледным даже без косметики лицом и прямыми волосами. Она уже дважды порывалась встать, но что-то, надо думать,

страх, удерживало её. Вален знал по имени и её. Аноланта, родная дочь покойной старейшины Аланарии.

В конце концов, девушка осталась сидеть, глядя в пол перед собой. Это хорошо. Потому что как раз её Вален так или иначе не оставил бы на свободе. Дело было не в её серьёзном таланте — на глазок, восемь-девять звёзд. А в том, что теперь он чётко видел мелкие особенности её меридианов, которые раньше видел и у Аланарии. Тогда он не обратил на них внимания. Ну, подумаешь, небольшие, тусклые, странные, не повторяющие нормального рисунка нервов, сплетения в районе шеи и верхней части позвоночника. У практика внутреннего единства, пользующегося загадочными и запретными методами культивации, может быть много странностей. Среди тех же гуаев-насекомых меридианы в нечеловеческих формах часто выглядят куда необычнее.

Однако, Аноланта была простым человеком на закалке. А главное, Вален уже имел счастье наблюдать, во что потенциально могут превратиться такие сплетения. Не приходилось сомневаться — внутри девушки сейчас растёт ещё один экземпляр Фальзеры. Не реинкарнация, если Вален всё правильно понял, а копия. Без воспоминаний прежних экземпляров, но с теми же установками, с той же изначальной информацией. Интересно, пробудилось ли уже в ней сознание?

И можно ли её извлечь, не убивая носителя? Дело тут не только в устранении опасности. Фальзера, похоже, знала многое о древних временах, о начале эпохи. И кое-что об

архидемоне, техника которого была использована для её создания. Вален не собирался упускать никаких подсказок, касающихся архидемонов и их волшебства. Даже самых незначительных.

Аноланта не могла не заметить, что старейшина уставился прямо на неё. Её сердце забилося чаще, на коже выступили крохотные капельки пота. По мелким движениям мускулов Вален мог уверенно прочесть, что вот как раз эта ученица его смертельно ненавидит. Странно было бы иное. Однако, она по-прежнему сидела на пятках, глядя в пол.

— На всякий случай предупреждаю, — заметил Вален. — Всякий, кто наденет красный пояс — этим обещает мне, что готов начать жизнь заново. Если кто станет сводить старые счёты друг с другом — тот нарушит своё обещание.

И само предупреждение件лезно, и девушке заодно объяснил, с чего такое внимание к её персоне. Незачем ей дёргаться раньше времени.

*****

Таер и трое других учеников, решивших покинуть Секту Добродетельного Демона, отправились в путь вместе. Им даже не потребовалось сговариваться. Во-первых, они прекрасно знали, что окрестности всех пяти Сект Перерождённых Элементов труднопроходимы и опасны — если для пешеходов с серыми ядрами, а не практиков на летающих мечах. А что старейшина Добродетельный Демон очистил горы от бессмертных зверей и сделал дорогу вполне безопасной

для смертных — не знали. Во-вторых, путь до тех мест, куда власть старейшины не достаёт вообще предстоит долгий и сложный. Если оставаться вместе, меньше шансов, что тебя доконают голод и непогода, либо убьют крестьяне. А в-третьих...

— До прорыва нам остаётся немного, — заметил Таер вечером, когда они развели костёр и уселись вокруг него. — Найти бы подходящую пещеру... А на первом цвете уж легко будет кормиться с меча. Если не наглеть. Там, глядишь, найдём алхимика, хотя бы и смертного. А не найдём — так добудем хоть утварь алхимическую, а умения я сам отполирую со временем. Рецепт кровавых пилюль у меня в голове. Главное, убраться подальше, найти местечко потише. Как вам план?

Лица глядевших на него товарищей вдруг странно изменились. Но прежде чем Таер успел задуматься, с чего бы это, и лица, и пламя костра, и скалы вдруг завертелись у него перед глазами. Он ещё успел увидеть, что тела трёх других учеников взорвались кровавыми брызгами — а затем его голову сотряс сильный удар и всё поглотил мрак.

— План таааак себе, — сообщил Наттар, стряхивая кровь с Меча Красной Кисти. Получилось плохо. В раздражении взмахнул клинком снова, с такой силой, что воздушная волна оставила разрез в низкой траве. Ему сильно хотелось сказать эти слова до нападения, но он помнил уроки Кантоса — уважай своего противника. Кантос ещё говорил, что, од-

нажды начав издеваться над заведомо слабейшими, остановиться куда сложнее, чем кажется.

— Брат Вален вправду вас не преследовал и ученикам приказал не трогать, — обратился он к трупам. — Нооооо... я не его ученик. И мне он вообще ничего не приказывал. Так что вот. Никто своего слова перед вами не нарушал. А если хотите держать на кого-то зло даже за гробом, то держите на меня одного.

Глупая и бессмысленная речь, с определённой точки зрения. Если бы жестокая смерть была достаточным условием, чтобы выплыть из Реки Душ призраком или демоном, так на белом свете стало бы тесно от нечисти. И за ним лично уже гонялась бы целая её стая. Пусть Наттар и слабо знал теорию, но такие вещи помнил. А тут, к тому же, смерть была не жестокой, а вполне милосердной. И заслуженной. Но... в его родных горах духи предков и злобные неупокоенные души столько раз являлись перед живыми! Не могли же все рассказы об этом быть выдуманы. Наверное, познания практиков ещё неполны. Вон и Вален это доказал. Лучше перестраховаться хоть так. Если уж лень хоронить покойников должным образом.

*****

Вален уже не помнил, в какой жизни он слышал поговорку: «О чём знают трое, о том знает и свинья». О предстоящей смене местоположения секты знали пятеро, если Досточтимую, в лице Хунбиш, считать за одного гуая. И к тому утру,

когда Вален выстроил всех её обитателей на дворе, чтобы объявить о дальнем перелёте, по секте уже начали расползаться слухи. Вероятно, Сурэноха проболталась. Или Энэби что-то нечаянно услышала. Дополнительная причина потопиться.

К счастью, в секте сейчас собрались в основном люди и гуаи, лишившиеся родни. Или бросившие её ради смертельной битвы. Или те, чьи семьи тоже жили здесь. Или вчерашние пленные. В общем, неожиданный приказ старейшины вызвал изумление, но не возмущение. Все споро занялись погрузкой летающих барж.

Люме и Хунбиш сумели полностью починить две захваченные баржи. Так что теперь их имелось три. Вроде бы более чем достаточно для перевозки менее пары сотен людей и гуаев. Но надо вычисть место под алхимические печи и прочее ценное имущество. И под еду с водой. Полёт предстоит длинный. Не меньше месяца. В общем, грузить придётся под завязку. По счастью, запасы набраны заранее.

— А как же крестьяне с прочими пастухами? Ну, они ж вроде ожидают от нас защиту, старейшина, — поинтересовался Чулмуут.

«Никак», хотелось ответить Валену. В конце концов, сект тёмного пути в этих местах больше нет. Да и вообще значимых практиков сейчас не останется. Пусть вертятся, как хотят. Он явно оставляет их в лучшем положении, чем принял. Но раз уж гуай-жук вспомнил о людях, даже не принадлежа-

щих к его народу, то это для него должно быть важно.

— Год как-нибудь протянут. Потом можно будет основать здесь ответвление или дочернюю секту, — заметил он с глубокомысленным видом.

Сборы заняли почти целые сутки. Первые лучи рассвета как раз засияли над горными вершинами, когда три летающих баржи отделились от земли и взяли курс на запад.

Стоя на кормовой надстройке одной из них, Вален поглядел на удаляющуюся твердыню Секты Добродетельного Демона. Центральная башня, в окнах которой сейчас не горело ни единого огонька, смотрелась сиротливо. Вален окинул взором скат крыши, где сражался в ночь штурма, верхние этажи, выстроенные заново — это было заметно и по цвету стен, и по более грубым оконным рамам. Посмотрел на плотно затворённое окно собственной спальни.

Надо и вправду будет потом основать здесь что-нибудь. Обидно выйдет, если это место станет пристанищем разбойников или диких зверей.

В любой приличной секте или клане халаты практиков служили формой. Валену было негде заказывать одежду с особым сочетанием цветов и узоров. Но ему не хотелось, чтобы ученики Секты Добродетельного Демона ходили в чём придётся. Решением стали простые белые халаты, без вышивки и украшений, которых в Секте Белого Пламени нашлось много — такие носили её внешние ученики. Да и делать их могли почти что любые крестьяне. А чтобы совер-

шенно заурядная одежда стала отличительным признаком практика его секты, Вален добавил к ней красный пояс. Просто потому, что в трофеях оказалось достаточно алого шёлка, чтобы накроить узких поясов для всех. Пояс теперь выдавался тем, кого принимали в ученики. Ну а халаты — всем как-то причастным к секте. Им положено выделяться на фоне простых крестьян в куртках-безрукавках и Недостойных в одних юбках.

Так что белые халаты носили даже пленные из Секты Лазурного Дерева, Секты Красного Золота и Секты Чёрной Воды. Те, кто выжил, потому что ещё не успел стать практиком. Набралось таких почти четыре десятка. Сейчас они сидели рядами в главном зале Секты Добродетельного Демона — сидели на пятках, склонив головы. А Вален ходил вдоль рядов, всматриваясь и вслушиваясь, прежде чем огласить свой вердикт. Его взгляд мог уловить малейшие движения их мышц, его слух мог различить сердцебиение каждого конкретного юнца. Но полезность острых чувств была ограничена. Понятное дело, что все пленники боятся того, в чьей власти находятся. Понятное дело, что многие здесь ненавидят убийцу родных и друзей, защитника поганых Недостойных...

Хммм... кстати сказать, ненависти от них чувствуется не так много. Вален расспросил нескольких из них лицом к лицу. И убедился, что жизнь учеников, ещё не успевших стать практиками, в родных сектах была совсем не сахар. Он стро-

го приказал кормить пленников досыта, не бить просто так и не насиловать. И смотреть, чтобы друг с другом они ничего такого не делали. Многим это уже могло показаться улучшением. В конце концов, секта тёмного пути на то и секта тёмного пути, чтобы быть жестокой к тем, кто не родился с исключительным талантом. Или в семье старейшины — если у старейшины вообще есть семья. На простых учениках могут даже ставить эксперименты. Если повезёт — способные поднять культивацию за счёт боли и риска. Если не повезёт — эксперименты типа того, от которого едва не отправилась в Реку Душ семья Наттара.

Вален поглядел на самого Наттара, стоявшего у входа, привалившись спиной к стене. Вид у молодого гуая был скучающе-безразличный. Но Вален знал, что происходящее ему совсем не безразлично. Вспомнился разговор несколько дней назад, по поводу того, что делать с пленниками:

«— Я бы не стала доверять никому, кто воспитан в секте тёмного пути, — сказала тогда Люме. — Как говорится: заложенный фундамент не переделать, тут только сносить весь дом.

— Хм, — заметил Наттар. — Мне вот тоже вспомнилась хоооорошая поговорка: храбр как крестьянин и милосерден как женщина.

— Меня поучает младший, убивающий за то, что ему на ногу наступили!

— Да не хотел я тогда никого убивать! Иииии, и вообще,

тут большая разница, старшая. Убить за дурное дело — совсем не то, что убить просто из опаски.

Люме покачала головой. Наттар картинно закатил глаза:

— Я посмотрю на этих учеников вместе с братом Валеном. А то ты, кажется, думаешь, что он слишком мягкосердечен.

— Не думаю, а знаю!»

Вален ещё раз оглядел ряды склонённых голов. Самым старшим из пленников он дал бы лет шестнадцать, а то и семнадцать. Сам он в таком возрасте уже всюду убивал... Да, у него остались твёрдость и решительность из прошлой жизни. Но, судя по одному из обрывков воспоминаний, и в прошлой жизни он начал валить людей в куда более нежные годы. А эти юнцы успели свыкнуться с такими делами, от которых даже у его-нынешнего вскипала кровь. Всерьёз поучаствовать не успели, нет. Тех, кто успел поучаствовать, тех, на кого показали рабы и служанки, разлучили с головами на месте. Но всё же, всё же... Основы личности здесь давно заложены. Можно ли отмыть полосы с тигра?

...Но самые младшие — совсем дети. Кое-кому и восьми нет. Да, он может избавиться от тех, кто слишком опасен — прогнать каждого через личный допрос, разделаться с теми, кто покажется конченным. Но тогда страх вряд ли когда-нибудь отпустит оставшихся. В особенности младших. Вален сам слишком долго был полон страха и недоверия, опасения, что если взрослые проникнут в его суть, в мысли у него на

сердце — то ему крышка. Он не сломался, потому что его душа была душой матёрого бойца. Но настоящие дети и подростки так не смогут. Какие практики вырастут из тех, кто живёт в вечном страхе? Да понятно, что ничего хорошего не вырастет.

В иной ситуации Вален взялся бы рассуждать о том, что у большинства этих детей потенциал меридианов явно выше среднего, многие уже обладают приличным уровнем закалки тела, так что ими не стоит разбрасываться. Однако, Вален слишком хорошо помнил собственную реакцию на то, что Секты Перерождённых Элементов делали с детьми. Помнил и фрагменты прошлой жизни, объяснявшие, до некоторой степени, почему именно это заставило его однажды потерять осторожность. Самообман здесь бы вышел совсем жалким.

Он громко, демонстративно вздохнул, хлопнул ладонями, привлекая внимание:

— Вы знаете, кто я такой. Я — старейшина Добродетельный Демон, который сокрушил ложные учения ваших сект. Ухищрения тёмного пути оказались бесполезны перед силой и ясностью ума, которые мне дал праведный путь истинного самосовершенствования. Один из принципов праведного пути — доброжелательность к людям и гуаям. А один из моих собственных принципов — карать тех, кто действительно виновен. Убивать за дурные дела, а не из опаски. Поэтому я предоставляю вам шанс.

Вален сделал многозначительную паузу:

— Вы можете стать учениками Секты Добродетельного Демона. Начать жизнь и культивацию с чистого листа. Я обещаю, что буду справедливо оценивать вас. И ваше стремление к праведности. Но я не обещаю, что вам придётся легко. Вам придётся подниматься с самого низа. Самый лучший из вас будет обязан кланяться самому бесталанному из моих прежних учеников, пока вы делом не докажете, что достойны стоять в их рядах. А всякий, кто не отречётся от порочных учений ваших сект и поддастся соблазну тёмного пути, всякий, кто хоть пальцем тронет одного из смертных или совершит какое-то ещё преступление, будет казнён. Я мгновенно распознаю любую ложь, провести меня не получится. Впрочем, у тех, кто вас слишком сильно ненавидит, тоже не получится вас оклеветать.

Вален снова помолчал пару секунд, давая время осознать свои слова. А потом продолжил:

— Если кому-то мои условия не нравятся, он может встать и убраться на все четыре стороны. Таких я сам не стану преследовать и моим ученикам прикажу не трогать. Выживайте как хотите. Сделаться практиками без наставлений и ресурсов у вас всё равно не получится.

При этих словах Наттар глянул на Валена с сомнением. А по рядам сидящих пронёсся шёпоток. Многие из них хоть на миг дёрнулись — но встать не решились. Наконец, поднялся юноша постарше, со строгим лицом. Вален помнил его имя — Таер. За ним поднялись ещё трое.

— Я хочу воспользоваться щедрым предложением почтенного старейшины и уйти.

— Конечно. Где ворота помните ещё, надеюсь?

Вален заметил, что Наттар меряет четвёрку решивших не оставаться в секте взглядом. Но внимания не обратил. В конце концов, чего странного в такой реакции? Когда несостоявшиеся ученики вышли, оглядел оставшихся:

— Больше желающих идти своим путём нет? Сейчас получите свои красные пояса — и выбирать станет поздно.

Его взгляд обратился на красивую девушку, невысокую, строгую, казавшуюся старше неполных четырнадцати, с бледным даже без косметики лицом и прямыми волосами. Она уже дважды порывалась встать, но что-то, надо думать, страх, удерживало её. Вален знал по имени и её. Аноланта, родная дочь покойной старейшины Аланарии.

В конце концов, девушка осталась сидеть, глядя в пол перед собой. Это хорошо. Потому что как раз её Вален так или иначе не оставил бы на свободе. Дело было не в её серьёзном таланте — на глазок, восемь-девять звёзд. А в том, что теперь он чётко видел мелкие особенности её меридианов, которые раньше видел и у Аланарии. Тогда он не обратил на них внимания. Ну, подумаешь, небольшие, тусклые, странные, не повторяющие нормального рисунка нервов, сплетения в районе шеи и верхней части позвоночника. У практика внутреннего единства, пользующегося загадочными и запретными методами культивации, может быть много стран-

ностей. Среди тех же гуаев-насекомых меридианы в нечеловеческих формах часто выглядят куда необычнее.

Однако, Аноланта была простым человеком на закалке. А главное, Вален уже имел счастье наблюдать, во что потенциально могут превратиться такие сплетения. Не приходилось сомневаться — внутри девушки сейчас растёт ещё один экземпляр Фальзеры. Не реинкарнация, если Вален всё правильно понял, а копия. Без воспоминаний прежних экземпляров, но с теми же установками, с той же изначальной информацией. Интересно, пробудилось ли уже в ней сознание?

И можно ли её извлечь, не убивая носителя? Дело тут не только в устранении опасности. Фальзера, похоже, знала многое о древних временах, о начале эпохи. И кое-что об архидемоне, техника которого была использована для её создания. Вален не собирался упускать никаких подсказок, касающихся архидемонов и их волшебства. Даже самых незначительных.

Аноланта не могла не заметить, что старейшина уставился прямо на неё. Её сердце забилось чаще, на коже выступили крохотные капельки пота. По мелким движениям мускулов Вален мог уверенно прочесть, что вот как раз эта ученица его смертельно ненавидит. Странно было бы иное. Однако, она по-прежнему сидела на пятках, глядя в пол.

— На всякий случай предупреждаю, — заметил Вален. — Всякий, кто наденет красный пояс — этим обещает мне, что готов начать жизнь заново. Если кто станет сводить старые

счёты друг с другом — тот нарушит своё обещание.

И само предупреждение полезно, и девушке заодно объяснил, с чего такое внимание к её персоне. Незачем ей дёргаться раньше времени.

*****

Таер и трое других учеников, решивших покинуть Секту Добродетельного Демона, отправились в путь вместе. Им даже не потребовалось сговариваться. Во-первых, они прекрасно знали, что окрестности всех пяти Сект Перерождённых Элементов труднопроходимы и опасны — если для пешеходов с серыми ядрами, а не практиков на летающих мечах. А что старейшина Добродетельный Демон очистил горы от бессмертных зверей и сделал дорогу вполне безопасной для смертных — не знали. Во-вторых, путь до тех мест, куда власть старейшины не достаёт вообще предстоит долгий и сложный. Если оставаться вместе, меньше шансов, что тебя доконают голод и непогода, либо убьют крестьяне. А в-третьих...

— До прорыва нам остаётся немного, — заметил Таер вечером, когда они развели костёр и уселись вокруг него. — Найти бы подходящую пещеру... А на первом цвете уж легко будет кормиться с меча. Если не наглеть. Там, глядишь, найдём алхимика, хотя бы и смертного. А не найдём — так добудем хоть утварь алхимическую, а умения я сам отполирую со временем. Рецепт кровавых пилюль у меня в голове. Главное, убраться подальше, найти местечко потише. Как

вам план?

Лица глядевших на него товарищей вдруг странно изменились. Но прежде чем Таер успел задуматься, с чего бы это, и лица, и пламя костра, и скалы вдруг завертелись у него перед глазами. Он ещё успел увидеть, что тела трёх других учеников взорвались кровавыми брызгами — а затем его голову сотряс сильный удар и всё поглотил мрак.

— План таааак себе, — сообщил Наттар, стряхивая кровь с Меча Красной Кисти. Получилось плохо. В раздражении взмахнул клинком снова, с такой силой, что воздушная волна оставила разрез в низкой траве. Ему сильно хотелось сказать эти слова до нападения, но он помнил уроки Кантоса — уважай своего противника. Кантос ещё говорил, что, однажды начав издеваться над заведомо слабейшими, остановиться куда сложнее, чем кажется.

— Брат Вален вправду вас не преследовал и ученикам приказал не трогать, — обратился он к трупам. — Нооооо... я не его ученик. И мне он вообще ничего не приказывал. Так что вот. Никто своего слова перед вами не нарушал. А если хотите держать на кого-то зло даже за гробом, то держите на меня одного.

Глупая и бессмысленная речь, с определённой точки зрения. Если бы жестокая смерть была достаточным условием, чтобы выплыть из Реки Душ призраком или демоном, так на белом свете стало бы тесно от нечисти. И за ним лично уже гонялась бы целая её стая. Пусть Наттар и слабо знал тео-

рию, но такие вещи помнил. А тут, к тому же, смерть была не жестокой, а вполне милосердной. И заслуженной. Но... в его родных горах духи предков и злобные неупокоенные души столько раз являлись перед живыми! Не могли же все рассказы об этом быть выдуманы. Наверное, познания практиков ещё неполны. Вон и Вален это доказал. Лучше перестраховаться хоть так. Если уж лень хоронить покойников должным образом.

*****

Вален уже не помнил, в какой жизни он слышал поговорку: «О чём знают трое, о том знает и свинья». О предстоящей смене местоположения секты знали пятеро, если Досточтимую, в лице Хунбиш, считать за одного гуая. И к тому утру, когда Вален выстроил всех её обитателей на дворе, чтобы объявить о дальнем перелёте, по секте уже начали расползаться слухи. Вероятно, Сурэноха проболталась. Или Энэби что-то нечаянно услышала. Дополнительная причина поторопиться.

К счастью, в секте сейчас собрались в основном люди и гуаи, лишившиеся родни. Или бросившие её ради смертельной битвы. Или те, чьи семьи тоже жили здесь. Или вчерашние пленные. В общем, неожиданный приказ старейшины вызвал изумление, но не возмущение. Все споро занялись погрузкой летающих барж.

Люме и Хунбиш сумели полностью починить две захваченные баржи. Так что теперь их имелось три. Вроде бы бо-

лее чем достаточно для перевозки менее пары сотен людей и гуаев. Но надо вычесть место под алхимические печи и прочее ценное имущество. И под еду с водой. Полёт предстоит длинный. Не меньше месяца. В общем, грузить придётся под завязку. По счастью, запасы набраны заранее.

— А как же крестьяне с прочими пастухами? Ну, они ж вроде ожидают от нас защиту, старейшина, — поинтересовался Чулмуут.

«Никак», хотелось ответить Валену. В конце концов, сект тёмного пути в этих местах больше нет. Да и вообще значимых практиков сейчас не останется. Пусть вертятся, как хотят. Он явно оставляет их в лучшем положении, чем принял. Но раз уж гуай-жук вспомнил о людях, даже не принадлежащих к его народу, то это для него должно быть важно.

— Год как-нибудь протянут. Потом можно будет основать здесь ответвление или дочернюю секту, — заметил он с глубокомысленным видом.

Сборы заняли почти целые сутки. Первые лучи рассвета как раз засияли над горными вершинами, когда три летающих баржи отделились от земли и взяли курс на запад.

Стоя на кормовой надстройке одной из них, Вален поглядел на удаляющуюся твердыню Секты Добродетельного Демона. Центральная башня, в окнах которой сейчас не горело ни единого огонька, смотрелась сиротливо. Вален окинул взором скат крыши, где сражался в ночь штурма, верхние этажи, выстроенные заново — это было заметно и по цвету

стен, и по более грубым оконным рамам. Посмотрел на плотно затворённое окно собственной спальни.

Надо и вправду будет потом основать здесь что-нибудь. Обидно выйдет, если это место станет пристанищем разбойников или диких зверей.

Глава 15. Туман и страх.

— Что тебе там не нравится? — поинтересовалась Люме.

Вален стоял на носу баржи, глядя на тёмные воды океана, в полусотне метров внизу. Наступала ночь, сильный, порывистый ветер нёс мелкие капли дождя, небо затянуло свинцовыми облаками от горизонта до горизонта. Скоро ветер сменится настоящим штормом. Как они уже успели проверить, его скорость росла с высотой — потому неповоротливые летающие суда и держались ближе к поверхности.

Увы, летающие баржи, которыми пользовались Секты Перерождённых Элементов были не только неповоротливыми, но и вообще примитивными по начертаниям своего волшебства. С одной стороны, это означало, что их легко чинить. С другой стороны — они не могли взлететь достаточно высоко, чтобы оставить шторм внизу. И даже не обладали незримым барьером, раздвигавшим ветер перед ними и создававшим островок спокойного воздуха для пассажиров. А ведь в центре Перерождающегося Континента это считалось неотъемлемой принадлежностью летающих судов!

Потому Валену сейчас приходилось окружать себя незримой оболочкой воли. А Люме, которая не умела подолгу держать слабый барьер, рисковала промокнуть.

— Не знаю, — честно ответил Вален. — Вышел просто проветриться, а потом показалось — вижу чью-то сильную

ауру в глубине.

Ауры, окружавшие почти всех живых существ, были не такими уж заметными. Сильные отличались от слабых яркостью цветов, а не мощностью сияния. Завеса листьев или несколько метров тёмной воды успешно скрывали их.

Так что под водой вполне мог таиться сильный бессмертный зверь. В океане их, в целом, куда меньше, чем на суше. Зато встречи с ними куда менее предсказуемы. Это на Перерождающемся Континенте опасен может быть не столько сам зверь, сколько секта, которая ждёт, пока он вырастет до нужного цвета ядра. А в море возможно наткнуться на вольно плавающего хищника. Причём с самыми странными способностями.

— Не думаю, что даже зверь четырёх или пяти цветов осмелится напасть на три летающие баржи. С его точки зрения они, наверное — огромные киты, летящие по воздуху. С такими лучше не связываться, — поделилась мыслями Люме.

— Кто знает, как работает голова у старого бессмертного зверя... Постой-ка, а это что такое?

Люме проследила его взгляд. И внутренне напряглась. Поверхность воды по курсу движения барж покрылась белёсой дымкой. И эта дымка неестественно быстро превращалась в густой туман. Вот-вот он поднимется стеной.

— На километры вокруг... — неверящим тоном промолвила Люме. — Кому под силу такое волшебство?

— Без паники, — резко сказал Вален. — Бессмертному зверю такое под силу.

Поднять туман на подобной площади — волшебство, требующее воистину могущественного практика. Практика, которого вряд ли одолеет даже Хунбиш, с её телом пяти цветов. Но вот бессмертному зверю такое вполне под силу и на средних цветах — четырёх-пяти. Во-первых, силы бессмертных зверей были не техниками, в понимании практиков, не тем, что ты учишь, прилагая усилия воли, а частью их природы, словно зубы и когти. Для зверей пользоваться ими — так же естественно, как двигаться. И это увеличивало эффективность.

А во-вторых, одна из составляющих всякой техники — ограничение. С определённой точки зрения, любое волшебство практиков, любое применение духовной энергии нарушает обычные законы мироздания. Возможно, потому и говорят, что культивация бросает вызов природе, судьбе и небесам. Но даже сильнейший из практиков чувствует неумолимую тяжесть этих законов, когда пытается идти против них. Ограничение — это попытка сделки с законом. Попытка показать, что ты не собираешься подменить его своим произволом, а лишь выпрашиваешь у вселенной небольшое исключение.

Но практикам случается попадать в самые разнообразные переделки. Перегрузив технику ограничениями, они рискуют тем, что в критической ситуации она окажется бесполез-

ной. А вот бессмертный зверь вполне может неосознанно сформулировать ограничение типа «применима только ночью над океаном, когда я голоден и вышел на охоту».

Так или иначе, сравнительно медленные баржи не смогут избежать области поднимающегося тумана. И вряд ли её создаёт кто-то дружелюбный. Если, конечно, это вообще работа некоего существа, а не природное чудо. Такое тоже возможно, но Валена жизнь приучила готовиться к худшему. Точнее, к худшему из реалистичных вариантов.

— Зови Наттара и Сурэноху. Похоже, нам придётся отдуваться за всех.

Ученики Валена, те, кого он успел обучить, ещё могут держать летающие баржи на курсе. Но биться со бессмертным зверем, способным вызвать туман? Даже зверь трёх цветов, скорее всего, будет им не по зубам. А тут цветов должно быть больше.

Тридцать секунд спустя он уже раздавал указания:

— Люме, оставайся пока на барже, поддерживай Наттара духовной энергией. Твои техники не годятся для воздушного боя. Тем более, над водой. Сурэноха, держись позади. И если пойдёт потеха, без нужды под удары не суйся. Высматривай момент для внезапной атаки. Наттар, как тебе идея побыть наживкой?

— Брат Вален, я вообще-то аспид, а не червяк! — всплеснул руками Наттар. — Нооооо... идея верная. Я быстрее, мне Люме даст сил — смогу увернуться там, где тебе голову

откусят. Ладно, только смотри не зевай, если меня вправду попытаются сожрать.

— Буду держать оружие наготове.

Туман поднимался на глазах, стеной уходил в обе стороны. Скоро его верхняя кромка достигнет барж. Те сейчас набирали высоту — но слишком медленно.

— Не пытайся увидеть глазами, — сказал Вален, когда они с Наттаром скользнули вниз на летающих мечях. — Если в этом тумане прячется враг — он не пользуется зрением. У него должна быть техника вроде Поиска. Пытайся её почувствовать.

Наттар кивнул и вылетел вперёд. Зажмурился, следуя совету Валена со всей буквальностью. Даже если уловить незримые волны не удастся, возможно, что зрение сейчас всё равно лишь помешает. Если сосредоточиться на других чувствах, предвидение опасности может сработать лучше.

А вот сам Вален делать этого не стал. Он ведь держался на расстоянии. Если кто-то высунется из тумана, он успеет увидеть его. И всё же, он постарался расслабиться. По стандартам трёх цветов острота чувств Валена в целом уже не была феноменальной, но он оставался более восприимчивым к определённым вещам, чем средний практик. В том числе к незримым и почти неосязаемым волнам духовной энергии, которыми можно найти врага без помощи глаз... Валену показалось, что он ощущает лёгкое прикосновение чего-то подобного к своей коже.

Но прежде, чем ощущение стало чётким, прежде, чем у него появился хоть какой-то шанс нащупать источник этих волн, обитатель тумана атаковал.

И вправду бессмертный зверь... точнее, бессмертная рыба. Она выскользнула из белой дымки зловещим призраком — словно сам туман сгустился, образовав длинное, гибкое тело, покрытое бледной, переливающейся перламутром чешуёй. Грудные плавники развернулись на пару метров, загребая воздух подобно крыльям. По воздуху развевались два уса. Разинутая пасть была полна острых, крючковатых зубов. Летучая рыба оказалась небольшой для бессмертной твари, не крупнее среднего человека. Но скорость и плавность её движений легко компенсировали недостаток размера.

Наттар, чьи ноги уже исчезли в тумане, успел извернуться невероятным образом — и тут же взмыл выше, чтобы избежать новой атаки. Полдюжины летающих мечей, запущенных Валеном, ушли в молоко — летучая рыба была слишком быстра! Сурэноха ахнула — халат на бедре Наттара был разодран в клочья, волшебная чешуя растекалась струйками воды, смешивающейся с кровью. Будь он самую малость медлительнее — и в лучшем случае лишился бы всей ноги

— Зеффар поberi! — выругался молодой гуай, отлетая к летающей барже. Поспешно проглотил пару таблеток. — Быстрая гадина! Ей что, в океане добычи мало?

— Сожрала когда-нибудь практика, а то и нескольких, теперь почуяла схожую духовную энергию, — пожал плечами

Вален. — Читал, что порой бессмертные звери приучаются охотиться на нас. Если их не удаётся убить вскоре после того, как они впервые попробовали крови. Крови, богатой духовной энергией. Эта рыба, похоже, охотилась на практиков много раз.

Он на секунду задумался. Туман продолжал подниматься. Морская тварь, способная нанести такое ранение, зацепив Наттара по касательной, раздерёт борта барж как бумагу. И скорее всего, она вполне способна ощутить добычу внутри. Разглядеть летающую рыбу Вален толком не успел, но, похоже, что она давно живёт на четырех цветах. Или недавно достигла пяти. Создание тумана должно отбирать много сил, потому её атака оказалась не так уж и быстра для её цветов.

Опасность значительна. Но чтобы все они не могли справиться с какой-то бессмертной рыбой? После такого стыдно будет даже называться практиком. Ведь она превосходит их, считай, на полтора цвета. Считается, что средний практик заметно сильнее бессмертного зверя тех же цветов... да, во многом потому, что практик может заранее изучить своего противника и подготовиться к бою.

Но ещё и потому, что у практика есть разум.

— Тряхнём стариной, Наттар, — заметил Вален, доставая новый летающий меч, чтобы встать на него. — Теперь я побуду приманкой. А ты давай, становись на носу.

— С ума сошёл??! — воскликнула Люме. — Я же сейчас даже передать тебе энергию не смогу.

— И не надо. Передавай всё, что можешь Наттару. Ему понадобится как можно больше. Я открою окно возможности, но проскочить туда — его задача. Сурэноха — будь наготове. Твоя стремительная атака сможет очень пригодиться.

Девушка поспешно кивнула. Вален заметил, что зрачки её слишком расширены. Испуг? Но она ведь уже побывала в настоящем сражении. И показала себя неплохо. Нет времени об этом сейчас думать. Туман уже почти касается самой медленной летающей баржи. Скрывающаяся в нём рыба вот-вот атакует.

Вален, по примеру Наттара, закрыл глаза, слетая вниз. Сам он даже до стадии внутреннего единства редко испытывал страх, как физиологическую реакцию. А с точки зрения холодного расчёта, риск был не так уж велик. Если только не поддастся этому самому страху. Если не утратить концентрацию и не упустить момент приближения летающей рыбы.

Он вовремя ощутил касание незримой волны, прощупывающей пространство. Точно оценить расстояние до её источника не получалось — но уже близко. И всё ближе. Вален коснулся пространственных колец на обеих руках. Главное теперь — не спугнуть. Не обратиться в бегство слишком рано. Всё ближе, ближе...

Резкая вспышка предвидения опасности словно опалила кожу. И тут же Вален перенёсся Лёгким Шагом высоко вверх, оставив летающий меч под собой. В следующий миг случилось сразу несколько вещей. Белёсая бессмертная ры-

ба вынырнула из тумана. Её челюсти щёлкнули, схватив воздух. Плавники-крылья в своём стремительном движении зацепили некоторые из бомб, что Вален оставил падать в момент активации Лёгкого Шага. И те взорвались. Вслед за ними взорвался даже меч, на котором он только что стоял. За спиной Валена, оказавшегося в двадцати метрах выше, начали разворачиваться бумажные крылья. А Наттар взмахнул рукой — и Укротительница Чудовищ устремилась к рыбе золотой вспышкой.

Атака цепью была бы, конечно, слишком медленной, чтобы её поймать. Но сейчас взрывы бомб на миг оглушили тварь. Вален надеялся, что они сами по себе смогут нанести ей серьёзное ранение — но надеялся зря. Тела бессмертных зверей прочны. Элемент Воды, родной для рыбы, ослабил огонь взрывов. Но и краткого оглушения оказалось достаточно. Укротительница Чудовищ обвилась вокруг чешуйчатого тела, подавляя духовную энергию.

Из зубастой пасти вырвался неслышный вопль — нет, не вопль, а незримая волна, отдающаяся прямо в нервах. В панике она попыталась спикировать вниз. Золотая цепь натянулась как струна. Палуба баржи, в которую упёрся ногами Наттар, угрожающе затрещала. Всё судно клюнуло носом. Будь у летучей рыбы её полная сила, она бы мгновенно съёрнула наглого практика вниз за собой и утащила в воду. Но сейчас она, по сути, лишилась полного цвета.

Вален взмахнул руками, призывая новый рой летающих

мечей. Что там делает Сурэноха? Рыба, можно сказать, замерла на месте, идеальная ситуация для молниеносной, во всех отношениях, атаки!

В следующий миг, когда летучая рыба резко развернулась, бросаясь прямо к источнику удерживающей её цепи, Вален понял, что Сурэноха не делает ничего — замерла в воздухе как парализованная. Летящие мечи рассекли воздух потоком серебряных вспышек — но даже сейчас рыба летела слишком быстро, а её чешуя была прочной и скользкой. Несколько клинков лишь полоснули по извивающемуся хвосту, не причинив серьёзных ранений. Укротительница Чудовищ начала втягиваться обратно в руку Наттара. Он подался было назад, оставляя борт корабля между собой и рыбой.

Треск! Во все стороны полетели щепки и обломки дерева покрупнее. Наттар успел рубануть Мечом Красной Кисти — прямо по макушке, пытаясь вколотить тварь в палубу. И даже в его руках меч не пробил прочного черепа. Укусить рыба не смогла, челюсти захлопнулись — но ударила в грудь как таран, так что захрустели кости, подбросила высоко в небо. И в небе, вероятно, схватила бы. Если бы Люме не шагнула вперёд в тот самый момент, когда рыба ударила Наттара и не направила в чешуйчатый бок разрушительную волну духовной силы. Полёт рыбы сбился, её понесло в сторону. Она изогнулась в воздухе, крылья-плавники забились — один из ударов отшвырнул Люме прочь как куклу, другой заставил колебаться всю летающую баржу.

И тут же бессмертную рыбу настиг новый рой мечей Валена. На этот раз полдюжины клинков глубоко вонзились в относительно мягкое брюхо. И половина из них были отравлены. В следующую пару секунд полдюжины клинков превратились бы в десятки, пронзающие рыбу со всех сторон. Но этого не понадобилось. Наттар, даже будучи подброшенным в воздух как мячик, не растерялся. Он воспользовался Укротительницей Чудовищ, чтобы притянуть уже не рыбу к себе, а себя к рыбе, втягивая цепь в татуировку на руке, так быстро, как это было возможно. В полёте рубанул мечом. Теперь удар пришёлся в более слабое место, позади головы. И рассёк хребет.

Летающую баржу мотало. В скуле её носа теперь красовалась изрядная дыра. Наттар свалился на доски палубы. С трудом сел. Сплюнул кровь. Люме встала. Пострадал больше её халат, чем сама она. Сражение было закончено.

Вален поглядел на Сурэноху, так и не успевшую ничего сделать за те несколько секунд, что длился весь этот бой. Он хотел просто убедиться, что летучая рыба не зацепила её. Но она восприняла его взгляд иначе.

Глава 16. Страх и красивые слова.

Сурэноха в один миг слетела на палубу, соскочила с меча, рухнула на колени, согнулась в поклоне, едва не ударившись лбом о доски:

— Я была бесполезна! Ничего сделать не смогла! Прошу... прошу...

Валену не понравилась ни сама реакция, ни то, как оценивающе Люме поглядела на младшую. Он спустился и завис в метре над палубой на бумажных крыльях.

— Я тебе говорил без нужды под удары не соваться, вот ты и не сунулась. Бесчестно обвинять ученицу в том, что она поступает согласно указаниям учителя. Так что встань. Если стыдно, потому что не смогла ничем помочь — помоги в разделке летающей рыбы. Посмотрим, можно ли из неё приготовить что-нибудь вкусное.

Плоть бессмертных зверей, особенно более высоких цветов, чем сам практик, была очень полезна. И часто очень вкусна. Если, конечно, не являлась смертельно ядовитой — но такие вещи обычно сразу заметны, а если даже летающая рыба здесь исключение, то Вален, с его способностью видеть эссенции ингредиентов, обнаружит яд. Но испортить бессмертного зверя при готовке — проще простого. Да и разделять непросто. Пусть духовная энергия и не циркулирует больше, чешуя с костями остаются куда прочнее стали. Да

и мясо, пока не приготовлено, может быть таким, что не всякий смертный сумеет разрезать.

— Конечно! — испуг и уныние мгновенно сменились радостью. — Уж в разделке-то рыбы я разбираюсь!

— Наттар, как пилюли залечат раны, помоги ей в этом. Люме, мы с тобой займёмся ремонтом баржи, пока она не грохнулась в океан. Сумеешь заставить старые доски расцвести и прорасти?

— Конечно.

У людей и гуаев, занятых делом, нет времени на обвинения. Включая самообвинения. Однако чуть позже, когда Наттар и Сурэноха ненадолго ушли с палубы, унося нарезанное мясо, а младших учеников поблизости не было, Люме заметила:

— Но она вправду струсила.

Не слишком сложное наблюдение для женщины трёх цветов, глядящей на девушку, почти не умеющую скрывать свои эмоции.

— Неужто жалеешь о том, что решила Сурэноху пригреть? А ведь поздно, — заметил Вален. — К тому же, я в любом случае её учитель. Которому положено разбираться с любыми трещинами в сердце ученицы.

«Тем более, если заметил их вовремя, но решил сделать вид, что ты — обычный человек. А не практик, способный обдумать такую нехитрую вещь в мгновение ока. Что, сложно было найти правильные слова?»

Вообще, надо бы получше разобраться с трещинами в своём собственном сердце. С тем, что ему сложно, а что нет. Но это уже не сегодня...

...Да, кстати, как говорят мудрые, один из признаков такой трещины — склонность откладывать нужные дела на потом.

*****

На летающей барже имелся маленький камбуз, но приготовить там из рыбы что-то, сложнее похлёбки, было проблематично. Пришлось применить немного смекалки. Среди прихваченной на новое место утвари имелись сковороды и большие блюда. А Преобразующее Пламя было способно подогреть не только алхимическую печь. Правда, при неосторожности, оно и на сковороде могло произвести с ингредиентами... преобразования. Совершенно неконтролируемые. Но уж если чем Вален и обладал, так это концентрацией, достаточной, чтобы избежать подобных ляпов.

Будь они вчетвером, он бы поэкспериментировал, попытался приготовить нечто хотя бы немного изысканное. Но, поглядев на размеры летающей рыбы, вспомнил, что учеников у него, вообще-то, уже целая толпа. И с мрачным видом принялся просто жарить ломти, которые нарезали Наттар и Сурэноха. Даже посыпать их было нечем. Сухарей нет, мука — дорогой продукт для особых случаев. Приготовить с рисом? Оставшийся в запасах рис казался оскорблением для белой рыбы, отливавшей перламутром. Остаётся просто жа-

ритель, чтобы она стала мягче, и чтобы прожевать её мог практик ниже двух цветов.

Даже то, что в пространственном кольце Валена теперь лежало ядро, подобное большой жемчужине, переливавшейся мягкими оттенками розового, зелёного, голубого, синего и бледно-жёлтого, не вполне утешало. Поздравления с победой над зверем пяти цветов он принимал без радости. Летучая рыба явно получила пятый цвет недавно, иначе победа не была бы такой лёгкой. А ещё им повезло. У них, по чистой случайности, оказались все необходимые средства. Наттар пережил внезапную атаку потому, что Люме подпитывала его духовной энергией, а сам Вален — благодаря врождённой чувствительности, позволившей ощутить её технику поиска добычи без глаз. Поиск без глаз... На ум вдруг пришло слово «эхолокация». Неужто обрывки прежних воспоминаний ещё сохранялись в памяти? Неважно пока. В общем, если бы он не почувствовал испускаемые рыбой незримые волны заранее, то предвидение атаки сработало бы слишком поздно и его перекусили бы пополам. Ведь «предвидение» практика не заглядывает в будущее, оно считывает намерения противника. И чем полнее ты этого противника воспринимаешь своими чувствами, тем оно эффективнее.

Вален слишком привык думать о себе как о человеке, обделённом талантом. Хоть и зарёкся больше этого не делать, но победа за счёт врождённого преимущества всё равно казалась ему неполноценной, не приносящей удовлетворения.

Или его настроение просто испортилось от работы машинной по жарке рыбы.

Он всерьёз задумался над тем, почему он угрюм и недоволен, пока очередная порция, достаточная для великана, шкворчала на сковороде. Да, практику не следует убивать в себе чувства. Это слишком опасно. Особенно потому что, с некоторого момента, слишком легко. Но вот разобраться в своих чувствах ему совершенно необходимо. Уже прорыв со стадии внутреннего единства нельзя завершить как следует, если нет глубокого понимания того, как твоё тело влияет на твой разум.

И неплохо было бы, конечно, разобраться в своих чувствах, прежде чем переходить к пониманию чужих. Но увы, такой роскоши у него нет.

*****

К тому времени, когда от рыбы остались только шкура да кости — драгоценные ингредиенты для алхимии и зачарования, между прочим — Вален был усталым, но чистым. На его халат не попало ни капельки масла или жира. Всё же, до чего полезная способность — подолгу держать барьер воли. А вот от Наттара с Сурэной воняло рыбой за километр. К счастью, для практика трёх цветов слететь вниз к морской поверхности, притащить бочку воды, поставить на корме баржи, да ещё подогреть воду внутри — дело несложное. Наттар помылся первым — по старшинству. Вален тем временем сидел на фальшборте и поглядывал на тёмный океан внизу. По-

хоже, кому-то из них троих придётся постоянно стоять на часах. На учеников надеяться нельзя, раз тут водятся такие твари.

Не только ему одному пришла в голову эта мысль. Наттар, позёвывая, вышел на палубу:

— Я покараулю пока, старший брат. Иди, поговори с Сурэнохой. Ставлю своё ядро, что она тебя ждёт.

На лучшей из трёх летающих барж имелась большая каюта старейшины, где обосновались Вален с Люме, и две каюты поменьше, для доверенных учеников. Сурэнохе, понятное дело, досталась одна из них.

Когда Вален зашёл внутрь, девушка сидела на койке и расчёсывала свои длинные волосы — перед мытьём косицы пришлось расплести.

— Учитель? — она даже не потрудилась запахнуть наброшенный на голое тело халат. Впрочем, можно подумать, он её раньше не видел с разных углов. — Учитель, я...

Она запнулась, и Вален закончил за неё:

— Ты снова хочешь повиниться, что оказалась бесполезной в бою. А что, ученица двух цветов должна быть полезной в битве со зверем зеффаровых пяти? Радуйся уже тому, что летучая рыба не разорвала тебя пополам случайным касанием.

Он выдержал паузу, поглядел, как она опустила глаза и продолжил:

— Так бы я сказал обычно. Но ведь у тебя вправду бы-

ла возможность помочь. И ты её выкинула на ветер. Из-за низменного страха. Почему? Признаться, не такого я ожидал после твоей доблести в сражении за Секту Добродетельного Демона. Можешь объяснить учителю, что с тобой стряслось.

Сурэноха чуть вздрогнула. Нервно сложила руки, сжала расчёску так, что ещё немного — и та сломается:

— Ах, учитель, почтенный старейшина Добродетельный Демон. Легко быть доблестной, когда потрошишь практиков слабее, словно рыбу, когда тебя товарищи прикрывают. Но... но я на своей шкуре почувствовала... Я сделала всё верно против белого лиса, выбрала момент, выполнила приём без ошибки... и он убил бы меня на месте, если б не старший Наттар. Да ладно бы убил. В бою убивают, дело обычное. Но я же его едва ранила, считай, только поцарапала. Понимаете, учитель?

— Понимаю, — кивнул Вален. — И должен был понять это раньше.

Конечно, он не видел Сурэноху в бою. И её состояние после боя. Но он должен был сразу же по возвращении в секту расспросить её как можно подробнее. Это было его прямой обязанностью как учителя. Однако не сделал этого. Потому что его разум слишком отвлёкся на любимую и друга.

Он шагнул вперёд, так что они оказались совсем рядом, присел на корточки, чтобы их глаза оказались на одном уровне. Обхватил её сжатые пальцы своими.

— Сурэноха, ученица моя. Погляди на учителя. Вот так,

хорошо. Теперь слушай. Сражение с противниками более высоких цветов — вправду пугающе. Само их присутствие может сковать тело и разум. Это уж не говоря о духовном подавлении тех, чьи ауры слишком слабы, и о прочих волшебных трюках. Если бы я был плохим учителем, то сказал бы тебе, что настоящий храбрец — не тот, кто не боится, а тот, кто преодолевает свой страх. Загвоздка в том, что это неправда. Красивые слова для практиков, у которых вся задача в бою — не сбежать из своего места в формации. Тот, кто вылетает вперёд, чтобы сразиться в яростной битве — проиграет, если позволит страху хотя бы ненадолго ослабить волю и смутить ум.

Её тёмные глаза заблестели в тусклом свете лампы, освещавшей каюту. Неужели слёзы? Но взгляда она не отвела. Вален вздохнул:

— Я допустил ошибку как учитель. Я глядел лишь на стремительное развитие твоих умений. А про твоё сердце забывал. Не учёл, что ты ещё молода и неопытна. Что твой боевой дух ещё не укрепился до конца. И что сейчас тебе нужно ободрение. А не демонстрация того, насколько ты пока неподготовлена, в тренировочных поединках с моим младшим братом. Кстати, он вправду считает тебя очень талантливой мечницей.

— В самом деле?

— В самом деле. В общем, не волнуйся сверх меры. И куда более робким практикам удавалось закалить свою смелость,

если они получали правильные наставления вовремя.

— Учитель... Вален, — Сурэноха теперь знала его истинное имя. — Ох, я уже когда-то говорила вам, что вы такой добрый, что даже глупый.

— И что же такого доброго во мне ты увидела на этот раз? Вон, плачущую девушку не желаю обнять и погладить по головке.

По щеке девушки и вправду скатилась слеза:

— Разве злой учитель сказал бы: «я допустил ошибку»? Он сказал бы: «это ты виновата, что скрывала свою трусость»!

Вален фыркнул:

— Ты слишком хорошо обо мне думаешь. Впрочем, думай, как хочешь. Возможно, это поможет твоей культивации. Если ты всё ещё культивируешь, чтобы стать достойной меня.

— Ради чего же мне ещё культивировать? У меня нет ни палатки, ни родни, ни племени, ничего, кроме тебя.

Лицо Валена не изменилось, но Сурэноха почувствовала неладное. Поспешно добавила:

— А если б было, так я бы всё равно поступила так же!

Вален не ответил. Молчание затянулось на несколько секунд.

— Вален, разве я тебе не нравлюсь?

Вален демонстративно закатил глаза:

— Если б ты мне не нравилась, стал бы я терпеть все эти

женские глупости? — он сжал её ладони чуть крепче. — Но уговор есть уговор, его никакие слёзы не изменят. Ты станешь моей женой, младшей женой, не раньше, чем догонишь меня по цветам. А для этого тебе надо успешно завершить формирование воли. А для этого тебе надо побороть страх.

Глава 17. Искусства обмана.

— Вот так она значит и сказала? — заметил Наттар утром, когда Вален пришёл сменить его на часах. Валену хотелось с кем-нибудь поделиться произошедшим. Вдруг он совершил ошибку, которую легко будет заметить, поглядев со стороны. Но мысль о том, чтобы обсудить этот разговор с Люме его смущала. Наттар успел снова промокнуть насквозь, стоя под дождём и ветром – но тут же заверил Валена, что на его-то трёх цветах это сущие пустяки, которые могут повредить лишь его запасному халату.

— Вот так и сказала.

— Нууууу, тогда всё в порядке. Чего ты такой хмурый? Просто не забрасывай её больше. И придумай ей какую-нибудь тренировку на храбрость. Неважно какую. Просто чтоб выглядела красиво. А там она сама всё сделает, сама страх одолеет.

Вален хмуро посмотрел на друга:

— И откуда тебе это знать?

Наттар ухмыльнулся, указал пальцами себе на золотые глаза, потом подёргал уши:

— Через вот это. Ты, видно вправду жил прежнюю жизнь в кошмаре наяву, если хитрости и уловки практиков видишь насквозь, а в простых гуайских чувствах не разбираешься.

— А ты у нас уже знаток женщин? — криво усмехнулся

Вален.

— Стааааарший. С моим знанием женщин всё в порядке. Но если б у младшей Сурэ было между ног то, что есть у нас, так поменялось бы немного. Ну, посуди сам. Сирота, затюканная властной бабкой, ты для неё – как солнце на горизонте. И тут вдруг оказывается, что солнце водит компанию с луной и звёздами, а на неё смотрит постольку-поскольку.

— Но причём здесь страх в бою?

— Да притом, что не все сделаны из адаманта. Это ты можешь выйти на врага сильнее тебя самого, даже глазом не моргнув. А обычная девушка-практик? Нееееет, ей нужен кто-то, ради кого она может быть храбрым. Особенно по молодости нужен. Понимаешь?

Вален посмотрел на Наттара так, словно увидел его в новом свете:

— Как тебе – твоя семья?

— Моя семья теперь – это ты и Люме, — совершенно серьёзно ответил Наттар. — И старший Кантос ещё, может быть. А что до моей семьи по крови – я перед ними в долгу до гроба. Только боюсь, мы друг друга не узнаем, когда встретимся снова. Я практик, я оглянуться не успею, как мои братья заведут свои семьи, сёстры повыскакивают замуж, а батюшка с матерью постареют.

Потом вдруг усмехнулся:

— Вален, ты теперь, когда думаешь о чём-то важном, становишься вдруг таким спокойным и невозмутимым, что да-

же мне сразу-сразу всё заметно. Если хочешь обманывать хитрых старейшин – учись быть веселее.

Вален фыркнул:

— Мой собственный младший брат теперь учит меня жить. Дожили.

— Никак нет! Младший не смеет. Просто, ты ведь ко мне сейчас пришёл за советом? Пришёооол. Ведь пришёл же, так? Ну, так вот он, совет. Уж какой есть. В культивации или хитрых замыслах старейшин, я не понимаю ничего. Про такие вещи даже не спрашивай! Но о том, как думает простой гуай, глядишь, могу кое-чего сказать.

Вален вдруг засмеялся. А отсмеявшись сказал:

— Знаешь, странно. Я раскрыл вам несколько страшных тайн, от которых может содрогнуться весь мир. Но один секрет так никому и не сказал. Хочешь знать, какой?

— Конечно, хочу! Зачем такое спрашивать? Но тебе виднее, говорить или нет, ты же старший.

Вален обежал глазами море, на серые тучи, за которыми было не видно солнца, прежде чем снова глянуть Наттару в лицо:

— Знаешь, я давно подозревал, что ты гораздо умнее, чем хочешь казаться и только прикидываешься честным простачком, потому что так легче добиться покровительства. Проскочить в личные ученики к Наставнице Секты Шести Печатей и так далее. Но вот сейчас ты говоришь, наконец, мудрые вещи – и почему-то от моих подозрений вдруг ниче-

го не осталось.

Наттар пожал плечами улыбнулся с невинным видом:

— Нуууу, мне восемнадцать уже, восемнадцать лет и три цвета. А каждый цвет, как говорят, стоит пяти лет опыта. Пора и поумнеть, верно?

Слова о подозрениях словно полностью пролетели мимо его ушей. Ну и ладно. Валена уже начал тяготить этот разговор.

*****

Буря, разбушевавшаяся после полудня, мотала летающие баржи, словно бурный поток мотает упавшую в него ветку. Они могли бы даже потерять управление и упасть в море, если бы не Люме с Хунбиш, быстро латавшие слабые места в их бортах и узорах, по которым циркулировала духовная энергия. После этого серьёзных опасностей в пути не встретилось. Он просто оказался утомительным. Не сказать — «скучным», Вален и тут пользовался всякой свободной минутой для культивации. Но полным раздражающих неудобств и хлопот.

А ещё ему уже начала надоедать рыба. И похоже, что она ещё успеет надоесть ему всерьёз. Остров, на котором стояла древняя Секта Преобразования Пяти Элементов, был невелик. Что фруктов, что дичи там много не добудешь. Значит, первое время придётся питаться в основном дарами моря.

Это навело Валена на новую мысль. Которую он и высказал однажды вечером, сидя у себя в каюте:

— Люме, когда мы доберёмся до острова, то сперва вместе проверим все углы на предмет опасностей. Потом тебе лучше заняться анализом формаций и заклинаний. И подумай заодно, как можно превратить тамошние джунгли в поля и сады. Любая зелень там сейчас станет расти бурно. Лучше, чтобы росла зелень полезная и питательная.

— Хорошо, — кивнула Люме.

— Хожин должен справиться с рутинной обустройством учеников на новом месте, — задумчиво продолжил Вален. — Я попрошу Наттара перепроверить программу, что я им придумал, по части боевой подготовки. А тебя — по части владения техниками. Потом начнём постепенно вводить техники, основанные на моём понимании меридианов. Думаю повседневное наблюдение за учениками поручить вам.

— О? А сам ты чем будешь заниматься? — с некоторым ехидством поинтересовалась Люме.

— Культивацией. Сама понимаешь, мне нужно сформулировать новое видение завершенности внутреннего единства прежде, чем вы заново пройдёте средний этап. Или смириться с тем, что такое мне не под силу. Это не считая всего прочего.

*****

Хунбиш и Хорл разместились в капитанской каюте на другой барже. И успели превратить её в довольно уютное семейное гнёздышко, сплошные ковры и подушки. Сейчас Хунбиш сидела здесь наедине с Валеном. Звукоизолирующих за-

клинаний на двери не имелось, а то вдруг капитан не услышит, что с кораблём происходит несчастье. Так что на некоторые темы здесь говорить было нельзя. Тема, к которой обратился Вален, была довольно рискованной. Но простые ученики из глуши пока не могли понять всю её странность.

— Старейшина, вы хотите знать, как языком тела обманывать практиков высоких цветов, несмотря на то, что любое проявление эмоций они заранее будут считать фальшью, продуманным обманом или способом надавить на собеседника? Признаться, вопрос немного странный.

Вален пожал плечами:

— Я знаю, что такое вполне возможно. Но как именно? Показывать те эмоции, которые от тебя ожидают, чтобы спрятать ложь за истиной? Но разве опытные практики трёх цветов и выше не ожидают друг от друга полного бесстрастия? Потому я и прошу совета у той, кто прожила на свете подольше моего.

Хунбиш — Вален сам не знал — кивнула трижды:

— Верно, старейшина, правила вежливости требуют не оскорблять собеседника показом ложных эмоций. Но с каких это пор правила вежливости соблюдаются в разговоре с врагами? Практик, желающий превратить свои эмоции в оружие сперва должен научиться безупречно и гладко изображать любую желаемую эмоцию, любое движение души. Как бы он в этот момент не чувствовал себя на самом деле. Это полезно и на высоких цветах. Даже если собеседник зна-

ет, что твои чувства поддельны, он задумается о том, ради чего ты их подделываешь, какое впечатление хочешь произвести. При должной ловкости, можно заставить врага обмануть самого себя.

— Звучит разумно.

— Но это ещё не всё. Ты знаешь, что этикет требует от практика, ведущего серьёзный разговор, бесстрастия. Воздержания от поддельных эмоций. Но почему это так?

Хунбиш подняла палец в учительском жесте – как это иногда делал сам Вален:

— Потому, что легко сказать себе, что любые чувства на лице собеседника и в его голосе – это лишь оружие против тебя. Но в глубине сердца многие практики всё равно будут им верить. При том же условии, что и смертные – когда хотят поверить. Другое дело, что желания простого смертного или ученика первых двух цветов обычно несложно прочесть по его лицу...

— Наставница Арама и старший Кантос говорили, что не стоит полагаться на чтение эмоций. Легко видны лишь самые сильные, примитивные страсти – страх, ярость, желание, — перебил Вален.

— А разве кто-то из них был мастером тонкой интриги? — улыбнулась Хунбиш. — Экспертом по переговорам? Да, чтение по лицам — это не чтение мыслей. Это особое умение, которое надо усердно культивировать и правильно применять. Правильно заданными вопросами подводить собе-

седника к ситуациям, где он будет вынужден раскрыть больше о том, что у него на сердце. Я могу тебя кое-чему научить по этой части.

Развела руками, по прежнему улыбаясь:

— Кстати, об Араме с Кантосом ты вспомнил к месту. Арама не смогла понять твоего секрета до самого прорыва с постижения пределов, хотя видела тебя насквозь, мгновенно замечала такие движения твоего лица, каких ты сам не замечал. А вот Кантос догадался скоро, хотя знал Валена Вена куда хуже. Почему? Что это нам говорит?

— Что даже практик высоких цветов может быть избирательно слеп?

— Совершенно верно, старейшина! — Хунбиш свела ладони вместе с тихим хлопком. — А ещё даже практик высоких цветов может быть не осознавать...

— Что выдаёт свои чувства в те моменты, когда скрывает их напрочь?

— Тоже верно. Есть и много других тонкостей. Например, практик внутреннего единства и выше может подавать внешние сигналы — частоту пульса, температуру кожи, оттенки выражения — которые противоречат друг другу и не соответствуют тону его речи, чтобы смутить собеседника. Все их нужно изучить, если вы, старейшина, желаете искусно плести козни и расставлять врагам ловушки коварными речами.

Вален фыркнул:

— Хмф. Мне уже кажется, что проще будет потратить это

время на культивацию духовной энергии и прорывы. Чтобы вместо речей пользоваться мечами. Ладно, шучу. Моя драгоценная ученица, конечно, поможет мне советом? Советом о том, как обманывать речью и молчанием?

— Конечно, помогу.

*****

В каюте Валена сильно пахло рыбой. Люме, пока не навалились хлопоты, связанные с устройством на новом месте, работала над волшебным предметом, обещанным Наттару. Сперва она думала создать браслет, делающий кожу ещё прочнее. Несколько дней сидела над нефритовой табличкой, создающей иллюзорные проекции, обдумывала узор, по которому будет циркулировать духовная энергия. Но после победы над бессмертной летающей рыбой, её планы изменились.

— Пояс. Лучше всего будет пояс из рыбьей кожи, — заявила она Валену несколько дней назад.

— Лучше в качестве чего?

— В качестве сокровища, способного полностью скрыть ауру. Вряд ли я создам его с первой попытки. Но шкуры от зверя, чьим козырем была скрытность, у нас теперь много.

Вален ненадолго задумался: почему Люме отказалась от мысли сделать Наттару сокровище, увеличивающее скорость, или физическую силу? А затем его глаза блеснули.

— Понял? — Люме улыбнулась краешками губ.

— Понял.

Полное сокрытие ауры давало некоторые преимущества даже в прямом бою. Чем меньше ты видишь о противнике, чем поверхностнее твоя информация, тем поверхностнее твоё предвидение. Но в большинстве случаев эффект слишком незначителен, чтобы ради него тратить время с ингредиентами.

А вот в случае Наттара, чьё очищение разума уже делает его сложной целью для предвидения... в его случае отсутствие ауры станет серьёзным преимуществом. Эффект от двух способов борьбы с вражеским предвидением сложится, возможно, даже перемножится. И сделает его чрезвычайно непредсказуемым бойцом. Особенно для тех практиков, которые слишком привыкли полагаться на предвидение. Неплохо бы к этому в будущем добавить технику или сокровище, размывающее очертания тела...

Но это в будущем.

А в настоящем Валена постоянно раздражал рыбный запах от кусков кожи, на которых Люме уже который день пыталась начертить нужный узор. Пусть он и не показывал своего раздражения.

Спустя некоторое время оно даже стало казаться ему полезным. Будучи в медитации он бы даже и не заметил никакого неприятного запаха, но сейчас его интересовала не медитация. Сейчас он хотел не отрешиться от внешнего раздражителя. Он даже не хотел отрешиться от своего раздражения. Не в полной мере. Он просто хотел вынести раздра-

жение и связанные с ним назойливые мысли в отдельную часть ума. Не заставляя их исчезнуть, а сделать их... параллельными той части себя, которая сейчас читает книгу по теории духовной энергии.

И если это получится, то первый шаг в переосмыслении завершенности внутреннего единства будет сделан.

Глава 18. Шаги вперёд и планы на будущее.

— Сегодняшний день будет днём рождения истинной Секты Добродетельного Демона! Секты, которую однажды назовут великой!

Вален взмахнул рукой, подчёркивая свои слова. И в ушах у него едва не зазвенело от одобрительных воплей людей и гуаев, выстроившихся сейчас перед ним. Процесс снятия печати с древней секты оказался таким разрушительным, что с одной из сторон от ведущей в низ шахты образовалось ровное пространство, с которого сдуло все деревья и верхний слой почвы. Там приземлились все три летающих баржи. Ученики, стражи и простые смертные теперь стояли перед ними рядами, слушая речь своего старейшины.

Непонятно почему, их бурный энтузиазм вызывал у Валена раздражение. Нет, понятно почему. Он бы предпочёл последователей, которым можно было бы спокойно пересказать факты, не чувствуя себя так, словно он их обманывает. Но увы. Простое изложение трудностей и опасностей, хотя бы тех, что не были тайной, и реалистичное описание предстоящих выгод, воодушевили бы немногих.

— После того, как мы с остальными старшими убедимся в отсутствии опасности, вы займётесь обустройством нашего

нового дома. А пока приступайте к разгрузке!

*****

Чтобы ускорить осмотр обширных подземелий древней секты, Вален и компания решили разбиться на пары. Наттар и Люме составили одну из них, а Вален с Сурэнохой — вторую. Они не ожидали столкнуться с чем-то действительно опасным в каменном лабиринте, запечатанном на две с лишним тысячи лет, после того, как хозяева отправились на битву. Вален, однако, надеялся, что они всё же наткнутся на какого-нибудь древнего стража. Который послужит удобной куклой для битвы. Если не ему, то Сурэнохе.

«Сбылась мечта идиота», подумал он несколько часов спустя.

Пара летающих мечей сверкнула во мраке почти пустого подземного зала. Похоже, что раньше здесь был арсенал. Но сейчас оружие в нём осталось лишь одно.

Правая половина боевой куклы была сделана из матовой бронзы и с правой стороны её голова напоминала голову быка. Левая половина — из тёмного гранита, и с левой стороны её голова скорее походила на голову медведя. Кукла подняла бронзовую руку с раскрытой ладонью — и оба летающих меча сбились с курса, вырвались из-под контроля Валена, полетели к ладони, не коснувшись её. В мгновение ока металл с треском смялся и разорвался, обращаясь в острые осколки. Одновременно кукла топнула каменной ногой, и ступни Валена тут же приросли к полу, словно на них давили огром-

ные валуны.

— Учитель! — выкрикнула Сурэноха.

— Не суйся пока!

Осколки металла со свистом рассекли воздух. Клинок в руках Валена завертелся стальной завесой — лишь два осколка миновали её, чтобы безвредно соскользнуть с барьера воли. Пока он отбивал атаку, кукла устремилась к нему в тяжеловесном прыжке, замахиваясь топором в левой руке, способным разрубить надвое небольшой корабль. Но при этом ей, конечно, пришлось снять технику Земли, которая только что сковала движения Валена. И топор рассёк лишь воздух да Остаточный Образ, прежде чем оставить трещину полуметровой глубины в камнях пола. Сам Вален успел переместиться Лёгким Шагом.

Узор, по которому циркулировала духовная энергия боевой куклы, оказался немного странным. Куда сложнее, чем у бумажных тренировочных кукол и, тем более, чем у бумажных солдат. Но каким-то... незаконченным. С явными для глаз Валена прорезами. Не могло ли быть так, что эту боевую куклу вправду не успели доделать? Либо то, что он видит сейчас — лишь малая часть её полных способностей. Либо, наоборот, за тысячелетия она медленно, постепенно зарядилась духовной энергией и приобрела силу, которой не обладала в тот момент, когда её оставили здесь. Силу, соответствующую не очень талантливому практику трёх цветов.

Кукла стремительно повернулась к Валену, подняла то-

пор. Но не спешила с новой атакой. Ожидала его собственно-го нападения. Неудобный противник лично для него. Техника её металлической половины делала летающие клинки бесполезными и даже опасными для собственного хозяина. Техника каменной половины сковывала движения. Яд, огонь, светозвуковые бомбы здесь бесполезны. Даже взрывы и кислота вряд ли причинят кукле существенный вред. Но, обменявшись с куклой атаками пару раз, Вален уже понял что ему под силу победить. Её удары были довольно медленными, для трёх цветов. Главное же, в них чувствовался примитивный шаблон. Нацеливаться на самого сильного противника, игнорируя более слабых, выполнять стандартные приёмы. Похоже, что куклу и вправду не успели доделать. Или в прошлую эпоху искусство создания боевых кукол не успело продвинуться так далеко, как нынче. Но всё же, бой один на один будет рискованным. А кроме того — вредным.

— Сурэноха. Враг сосредоточен на мне, — как бы в подтверждение его слов, кукла гулко шагнула вперёд. — Сейчас я притяну внимание. А ты атакуй.

— Но учитель, я...

— Ты справишься. Пять вдохов на подготовку, — Вален отступил на шаг назад, держа дистанцию с куклой. В воздухе рядом с его руками начали появляться летающие мечи.

Сурэноха шумно выдохнула, скинула с плеч халат, обнажившись до пояса — и за секунду обернулась гибридом человека и стрекозы, с дрожащими прозрачными крыльями. В

этой форме скорость её атаки была намного выше.

По правде говоря, в этой форме её скорость может оказаться достаточной, чтобы справиться с куклой без помощи Валена. А может и нет. Если Сурэноха не сможет разрубить шею из камня и бронзы одним ударом или окажется пойман на приковывающей к земле техникой, не успев нанести удар, то рискует попасть под смертельную контратаку. Учитывая её неуверенность в себе — лучше не рисковать. Лучше воспользоваться действием, которое вызовет уже известную реакцию.

Кроме того, Валену хотелось как следует разглядеть необычную технику куклы. Вполне возможно, что найти её описания не удастся. А она успела его сильно заинтересовать.

— Ну же, покажи, на что способно твоё волшебство! — Вален шагнул вперёд, поднимая руки. И тут же в куклу устремились сразу две дюжины мечей.

Как он и предполагал, та отреагировала автоматически. Поднятая бронзовая ладонь. Гранитная ступня, с гулом впечатывающаяся в пол. Ступни Валена тут же приросли к камню. А летающие мечи, все до единого, понеслись к ладони куклы.

«Чёрт и Зеффар! Такая эффективная техника?» — промелькнуло в голове Валена. Благодаря усердной учёбе и богатому боевому опыту, благодаря способности видеть циркуляцию противника, он неплохо умел оценивать возможный

масштаб эффектов от незнакомых ему техник того или иного цвета. Но сейчас допустил грубый просчёт. Ускорение внутреннего времени позволило тут же обдумать, в чём просчитался. Вряд ли древняя техника использует духовную энергию эффективнее современных. Видимо, дело в каком-то хитром ограничении.

Молодец, Вален, очень умно. Теперь придумай, как остаться в живых, когда в тебя через полсекунды полетит такое количество острого, искорёженного металла. Сурэноха уже сместилась за спину куклы. Её когтистая нога уже сгибается, чтобы оттолкнуться для атаки. Сзади, в шею. Кукла уже начала реагировать на атаку со спины, её торс поворачивается невозможным для человека образом. Поздно, она не успеет нанести встречный удар топором. Если только Сурэноха сейчас не дрогнет, не упустит момент.

Но кукла определённо успеет завершить нацеленную в Валена технику.

Грохот! В замкнутом подземном пространстве Громовой Клинок Сурэнохи прозвучал просто оглушительно. Мрак, который до этого едва нарушал несколько слабо мерцающих световых кристаллов, на миг сменился режущим глаза бело-голубым сиянием. Но в тот же момент, как окутанный молниями меч разрубил шею куклы, смертоносный поток искорёженных металлических лезвий устремился к Валену. Слишком густой, чтобы отбить их все.

Вален не был уверен, что сковывающая техника развеет-

ся вовремя. Он взмахнул левой рукой — и перед ним появилось сразу несколько бумажных талисманов-щитов. Мелкие осколки застряли в них. Несколько крупных пролетело насквозь. Бумажные щиты появлялись слишком близко от хозяина. У Валена не было места махать мечом. Полдюжины самых опасных осколков он отбил руками, окружив их самым сильным барьером воли, который мог создать. И всё равно боль обожгла пальцы, тыльную сторону левой ладони, правое предплечье. Надо было, в конце концов, учить Тепло-Клинок! Один из крупных осколков полоснул по рёбрам, другой разорвал щёку. С десятков мелких кусков металла застрял в халате и коже. Валена отбросило на шаг назад — и лишь тогда он понял, что снова может двигать ногами.

— Учитель!

Кукла с грохотом рухнула на камень. Её голова гулко ударилась об пол отдельно от тела. А Сурэноха подлетела к Валену. Так торопилась, что даже не стала возвращаться в человеческую форму.

— Я в порядке.

Лёгкое преувеличение. Будь он смертным, то заорал бы от боли при попытке сказать эти слова. Рот был полон крови. Конечно ученица в панике — любимому учителю так располосовали лицо.

Вален поспешно проглотил исцеляющую пилюлю.

— Хороший вышел удар. Знал, что ты не подведёшь.

Пугающая двуногая стрекоза вновь обернулась испуган-

ной девушкой.

— Если б я была малость быстрее...

— Если б у меня было семь цветов, то я был бы Достопочтимым, — Вален скривился от боли. Сел в позу лотоса. — Помедитируй, пока я лечусь.

Через пару минут Вален более-менее восстановился, а Сурэноха более-менее успокоилась. Если не считать его собственных ранений, всё обернулось наилучшим образом. Ради этого Вален и надеялся найти на острове, в подземельях древней секты или джунглях, какого-нибудь противника.

— Ты боялась испугаться в бою, — заметил он назидательно, убедившись, что рана на щеке заросла. — Но справилась со своим страхом.

По движениям мускулов лица Сурэнохи было видно, что она хотела ответить, но сдержала себя в последний момент.

— Ты хочешь сказать — противник в этот раз был слаб? Нет, эта кукла могла бы убить нас обоих. Сама видишь, как меня отделало, Люме будет ругаться, что я опять зря рисковал шкурой, вместо того, чтобы отступить и явиться сюда вчетвером. Да, мы легко могли бы погибнуть... если бы ты не сражалась, как подобает настоящему практику. Хорошо обдумай сегодняшний бой и выучи уроки на будущее.

*****

Они сумели исследовать почти всю древнюю Секту Преобразования Пяти Элементов за день. Недоступными остались те места, где можно было надеяться найти что-то дей-

ствительно ценное — сокровищница и запечатанное хранилище, покои старейшин. Их окружали особые защитные заклинания и формации. Люме утверждала, что на их расшифровку, даже с помощью Хунбиш, уйдёт не меньше лунного месяца.

Вален сильно надеялся, что покои старейшин окажутся менее угрюмыми, чем остальная часть подземелий. Волшебство создателей секты делало их вполне пригодными для жилья. Предоставляло свежий воздух и свет — хотя освещение местами уже не работало. Но «пригодными» — не значит «приятными».

По крайней мере, они были на твёрдой земле. Люме показала Валену свой новый способ использования техники Лесного Повелителя, вырастив для них небольшой домик из ветвей и листьев древних деревьев. Внутри царил приятный, растительный запах, отгоняющий назойливую местную мошкарку, которая не могла прокусить кожу практика трёх цветов, но усердно пыталась. Так что теперь можно было хотя бы отдохнуть с комфортом, не опасаясь свалиться с узкой койки. На которой нельзя устроиться вдвоём.

Понятное дело, в эту ночь Люме и Вален не думали о культивации и планах на будущее. Но только в эту ночь.

— О чём задумался, глядя куда-то ввысь? — спросила Люме наутро. Ей очень хотелось сформулировать вопрос как упрёк, ведь ей очень хотелось, чтобы Вален сейчас думал о ней. Однако, она понимала, что как раз этого делать и нельзя.

— О тебе, — ответил Вален. — Смотри, у меня есть подробный план культивации. У Наттара есть. То, как совершенствоваться Сурэнохе, мы уже обсуждали.

Тогда все согласились, что ей лучше теперь не торопиться к трём цветам. Лучше уделить особое внимание формированию воли и усиленно заняться искусством владения мечом. Кроме того, нужно более вдумчиво исследовать возможности, предоставляемые её гуайской сущью.

— Но я вот понял, что когда речь заходит о тебе, мы говорим только о волшебных предметах, которые ты должна сделать, о твоём развитии как зачаровательницы и мастерицы формаций. Но разве культивация сводится к этому? Не могут же твои мечты быть так ограничены?

На словах «о тебе» Люме захотелось подскочить от радости. Когда Вален продолжил — выругаться. А под конец — обнять его и расцеловать. Но само собой, что на её лице или пульсе вся эта быстрая смена эмоций не отразилась.

— Да, дорогой, у меня мысль о том, как совершенствоваться дальше. Но я не хотела тебе её говорить. Из-за твоего чрезмерного мягкосердечия.

— Да что это такое, сколько народу мне надо перебить, чтобы меня перестали обвинять то в доброте, то в мягко... погоди, не говори мне, что ты задумала развивать техники самоисцеления! — Вален резко сел.

Он, конечно, уже знал, что Люме, сочетая свой гуайский дар с искусством зачарования, приобрела способность «об-

менивать» ранения между теми, кто носит деревянные кольца с её волосом. Как и то, что элемент Дерева вообще, и техники, которые уже известны Люме, в частности, наиболее сильны, когда практик поддерживает товарищей. Или когда товарищи прикрывают практика, давая ему возможность атаковать, не двигаясь с места. Дар Красной Нити Жизни ещё более склонял Люме в сторону поддержки с безопасного расстояния. Сложив эти факты, Вален догадался: она задумала обеспечить ему и остальным исцеление в бою. Тем же способом, который уже применила в схватке с Харайном из Секты Нефритового Меча: переводя ранения на себя. А затем быстро заращивая их техниками, которые в бою крайне сложно применить на других. Тем же Золотым Корнем, что требует концентрации и неподвижности.

— Ну вот, началось. Я что, по-твоему, хрупкий цветочек? Боюсь физической боли, потому что родилась женщиной? — Люме потянулась, демонстрируя в движении, что она и вправду родилась женщиной. — Что думаешь, я и рожать не собираюсь никогда? Да и в любом случае, ты сам прекрасно знаешь, что почти все исцеляющие техники в первую очередь снимают боль. Иначе их применение считалось бы за пытку.

— Ну что ты, — Вален непритворно смутился. — Но всё же, такой способ сражаться...

— Самый естественный на свете, — категорично заявила Люме. — Мужчины разбивают друг другу лбы на поле битвы,

женщины страдают в тылу. Духовная энергия, конечно, позволяет нарушать естественные законы и делать невозможное возможным. Но сам знаешь, почему одна из трёх составляющих любой техники — ограничение. Чем меньше законов ты нарушаешь, тем эффективнее ты достигаешь того, что тебе вправду нужно. А нам нужно стать сильной командой. Потому что Нотере грозит повторение Второго и Третьего Опустошений разом. Это не говоря уже о твоей, мой дорогой, конечной цели, требующей взобраться на вершину повыше Грозового Пика. Я читала, что ещё ни одному Досточтимому, даже Досточтимому Цветущий Лес, не удалось прийти к своему титулу без сражений и кровопролития.

Вален покачал головой:

— Я не могу тебе запретить расти так, как ты пожелаешь. Но всё равно эта идея мне не нравится.

Люме только фыркнула. Потом спросила:

— Скажи лучше, ты ведь уже продумал наши следующие шаги? После того как мы твёрдо обоснуемся на этом острове, изучим то, что хотим изучить, все прорвёмся к четвёртому цветущему?

Плохое настроение Валена как рукой сняло. Он поглядел на Люме, и в его глазах заблестели озорные искры:

— А ты как думаешь?

Глава 19. «Твои открытия потрясут весь мир культивации».

Если бы расщепление сознания на параллельные процессы было легко достижимым на стадии внутреннего единства, то кто-нибудь из практиков давно бы уже достиг его. Конечно, в мире культивации сам факт постановки задачи часто скрывает зародыш решения. То, что кажется возможным, может действительно стать возможным. А то, что кажется невозможным, так и останется невозможным. Но практиков на свете великое множество. Пусть лишь крохотная их доля ищет новых путей, не удовлетворяясь древними учениями — это всё равно десятки, сотни тысяч людей и гуаев. Там, где мост от невозможного к возможному проложить легко — он уже проложен. Вален быстро понял, что желанное понимание ускользает из его рук как дым. Вместо истинного расщепления сознания выходит неглубокая медитация. Или просто способность держать в уме сразу множество фактов.

Но он не сдавался.

— Прорыв, — Вален пальцем сдвинул фишку, прежде чем перейти к следующей игровой доске, за которой сидел Чиудай, бывший разбойник.

Именно он занёс в секту игру в «пять основ». На удивление интеллектуальную для бродившего по лесам голово-

реза. Хотя, если подумать, ничего особенно удивительного. Пять основ на юге Перерождающегося континента считались единственной игрой, достойной практика. Когда Вален выучил правила, то осознал причины этого. Ведь правила менялись после выполнения определённых ходов. В зависимости от текущих правил, безнадёжная позиция могла сделаться выигрышной, и наоборот. В этой игре было почти невозможно выиграть, если противник не совершал серьёзной ошибки — или ты не провоцировал его на ошибку. Чтобы стать хорошим игроком в пять основ, требовались интуиция и способность проникать в намерения других куда глубже, чем позволяло духовное чувство. Как раз забава для атамана, желающего казаться искушённым практиком.

Вален поглядел на доску. Кости, отображавшие текущие правила, были скрыты от него ширмой. Как и за каждым из семнадцати игровых «столиков», сделанных из деревянных чурбаков и расставленных в тени у борта летающей баржи. Сейчас он держал все семнадцать игр в голове. И ему это удавалось.

А вот с придумыванием семнадцати путей к победе имелись проблемы. Даже несмотря на то, что почти все его противники играли откровенно плохо. Вален нахмурился и сделал осторожный ход, пытаясь лишь не проиграть.

*****

Лязг мечей на миг заглушил монотонную декламацию.
— Говорят: культивация духовной энергии бросает вызов

природе, судьбе и самому Небу. Что это значит?

Звон, разлетающиеся веером искры. Вален отбил коварную атаку в спину от ученика Чулмуута, не прекращая свою речь. Лёгким Шагом ушёл от взмаха двух мечей в руках Сурэнохи. И чуть не лишился уха, когда Чиудай метнул меч в то место, куда он переместился. Что и говорить, сражаться против троих, одновременно пересказывая «Начальное наставление» — задача непростая. Халат Валена уже потемнел от крови в полудюжине мест.

*****

— Твоё молчание красноречиво сообщает об отсутствии реальных успехов, дорогой.

— Тебе впору читать мысли каменных статуй, Люме. Когда-нибудь научишь меня.

*****

Вален сидел на камне у береговой линии острова. А над ним и вокруг него висела в воздухе примерно сотня летающих мечей, поблёскивавших красным в свете заходящего солнца. Не просто висела, а двигалась, медленно вращаясь стальным хороводом. Он поднял руку — и к ним присоединились ещё три, появившихся из пространственного кольца. По лбу Валена сбежала уже не первая капля пота. Концентрация над длительным постоянным контролем сотни мечей, пусть даже контролем неточным, поглощала всё его внимание, все внутренние силы, до такой степени, что он уже не мог отвлекаться на физиологические реакции собственного

тела. Более того, пусть требования к духовной энергии каждого меча по отдельности были ничтожны после нескольких часов тренировки, Вален чувствовал, что находится на грани духовного истощения. Лоб и щёки горели, в висках пульсировала боль. Он не удивился бы, если б увидел, что на его лице вместо пота теперь выступила кровь.

Три, нет, четыре меча задрожали, остановились, начали падать. Вален стиснул зубы до хруста, повёл по воздуху рукой — и они замерли в пальце над песком.

И в этот момент он почувствовал совсем рядом чужое присутствие. То есть не чужое, а вполне знакомое — но в нынешнем состоянии Валена ему было сложно узнать своих. Он вскочил, стремительно развернулся. Мечи звенящим дождём осыпались вниз. Наттар, чьё присутствие и заметил Вален, без труда уклонился от тех, что, могли попасть на него. Поглядел на глядящее ему в лицо остриё клинка, который прыгнул в руку Валену.

— Старший брат, бросай уж эти тренировки. Больше месяца прошло, а ты только дуреешь зря. Вон, меня с врагом спутал.

Вален опустил оружие. Вытер пот со лба. На миг уже почти согласился со словами Наттара...

Постойте-ка. Пусть он не узнал лучшего друга, пусть перепутал намерение заговорить с агрессией, но как ему вообще удалось что-то почувствовать? Его разум и духовная энергия были на пределе, он не менее полчаса не обращал

внимания ни на что, кроме движения летающих мечей — не воспринимая ни прибой, ни дуновение ветра, ни пение птиц, ни камень под ним. Но некая часть его разума ещё сохраняла бдительность, следила за угрозами! Пользуясь Расцветом Разума, он вызвал в памяти собственные ощущения несколько секунд назад. Проанализировать, понять... Не может ли быть так, что он копал недостаточно глубоко, пытался перестроить дом своего разума, почти не касаясь фундамента? Не может ли быть так, что истинное разделение сознания возможно лишь если его начать на уровне глубже сознательной мысли? Описания его культивации в трактатах были двусмысленными, но в любом случае эти описания касались практиков семи цветов, с завершённым постижением пределов. А не практиков на внутреннем единстве.

Вален покачал головой:

— Ну уж нет. Завтра я повторю всё снова. А ты снова попытайся потихоньку ко мне подойти.

*****

Три великих континента Нотеры — это восточный Перерождающийся Континент, на месте прежнего Рассветного Континента, северный Сверкающий Континент и юго-западный Цветущий Континент. Между ними лежат Срединные Острова, на западе постепенно переходя в бескрайний океан.

Именно Срединные Острова — колыбель и сердце всей цивилизации практиков. До Первой Эпохи Духовного Расцвета, когда были изобретены телепортационные формации,

а летающие суда стали обыденностью, кое-где доступной не только практикам, но и богатым смертным, цивилизация жалаась к воде, закреплялась лишь на побережьях. Чудовищная огромность расстояний сделала бы даже водный путь ненадёжным, если б ещё в давние эпохи, чуть ли не до Первого Опустошения, не появились волшебные морские корабли. А уж обеспечить какое-то регулярное сообщение через десятки и сотни тысяч километров континентальных просторов, с их высокими горами и внутренними водами, и вовсе не представлялось возможным. Расстояния когда-то спасли Нотеру от вечного пребывания под каблуком архидемонов — в начале своего правления Тринадцать оставались непобедимы, но они не могли быть повсюду, не могли эффективно вытаптывать искры мятежа, если путь от одной границы их владений до другой занимал несколько лет. Расстояния даже сейчас не допускали мировой гегемонии какой-то одной силы, позволяя множеству сект, кланов и царств идти разнообразными путями. Но из-за расстояний все три континента долгое время оставались за бортом цивилизации. Глушь, по которой бродили только звери, сменялась лоскутным одеялом не связанных друг с другом владений. Цветущий Континент, самый большой из трёх, пребывал таким и по сей день. На двух других цивилизация была сравнительно молода. Их города не могли сравниться размером с древними городами Срединных Островов, такими как Раушрам и сверкающий Альзервен. Их объединения практиков не могли померяться

древностью с Храмом Восточного Неба, Серебряной Горой или Сектой Пяти Скрытых Путей.

Да, былая слава уже не сияла так ярко на фоне таких Досточтимых, как Грозовой Пик или Стальной Молот с его Стальной Империей. Да, уже давно не появлялось новых учений. Да, старейшины древних сект уделяли больше внимания спискам почитаемых предков, чем воспитанию потомства...

Но Срединные Острова всё ещё оставались обетованной землёй культивации. В одном из географических описаний Вален прочёл: «На Срединных Островах было утрачено и заново найдено больше волшебных сокровищ, чем их было создано на любом из континентов». Ни в одном другом регионе не найти такого количества сект и кланов, такой замысловатой сети союзов, такой активной торговли.

Потому-то Вален, с того самого момента, как в его голове появилась мысль перенести секту на безымянный остров, думал о том, что связь надо установить со Срединными Островами, а не с Перерождающимся Континентом. Конечно, искать его будут и на островах. Ведь Храм Восточного Неба находился в числе сект, объявивших за него награду. Но там куда легче скрыть истинную личность старейшины Добродетельного Демона. Кстати сказать, ученики Вале-на теперь пользовались этим прозвищем, а не его именем в повседневном обращении. Своё настоящее имя он раскрыл только Сурэнохе. Но дальше слышать как его называют «Ло-

треком» не хотелось. Так вот, скрыть личность на островах будет куда легче именно потому, что организации практиков многочисленнее, а их отношения запутаннее.

«Установить связь», кстати говоря — это в самом прямом смысле. От древней Секты Преобразования Пяти Элементов они унаследовали телепортационную формацию. Вполне рабочую. Проблема в том, что сейчас она никуда не вела. Телепортационные круги и другие формации, с которыми она была когда-то связана, перестали существовать. Или их отрезало геомантическими изменениями во время гибели Рассветного Континента.

Так что едва лишь они с Наттаром и Люме поднимутся на четвёртый цвет, он займётся поиском секты на Срединных Островах, согласной связать формации. Секты, через формацию которой можно будет перемещаться в наиболее оживлённые места региона. Секты, достаточно слабой, чтобы смириться с подчинённым положением.

Иной мог бы спросить: не стоит ли подождать подольше? Ответ — нет.

Во-первых, благословенная земля древней секты стабилизировалась на уровне, куда более низком, чем земля Секты Шести Печатей. Что и неудивительно — земля Секты Шести Печатей была в первой двадцатке на всей Нотере. Про её эквивалент не могли бы просто забыть. Поток энергии на безымянном острове достаточно силён, чтобы надёжно обеспечить конденсацию для прорыва на четвёртый цвет. Пятый

теоретически возможен... Но чем глубже Вален изучал благословенную землю, тем яснее понимал: пятый цвет требует сочетания из высокого потенциала меридианов, особых методов культивации и большого времени. Шестой, видимо, окажется недостижим. А до ритуала в Алой Бездне остаётся всего пятнадцать лет. За этот ничтожный срок Валену необходимо достигнуть высот культивации души, которых ещё не достигал никто. Он сомневался, что культивация души действительно требует семи цветов — но не мог исключить, что это именно так. Потому его заведомо не устраивали методы культивации, занимающие много времени. Потому он заранее думал о том, как обеспечить себе ресурсы для подъёма выше.

А во-вторых, ставшую активной благословенную землю рано или поздно найдут. Пусть Досточтимая Тысяча Уловов надёжно прикроет Секту Добродетельного Демона от архидемонов и прочих старых монстров. Он сам просил с ним не нянчиться и не вмешиваться в обычные конфликты. Им следует взять инициативу на себя. Чтобы избежать будущего визита со стороны секты, полагающей страшной несправедливостью пребывание благословенной земли в руках какого-то сброда, лишённого связей и союзников...

—...Вален? Так что ты думаешь о начертании в северном углу формации?

Вален потёр лоб:

— Я опять отвлёкся на мой внутренний поток мыслей?

— Опять, — кивнула Люме. — Но теперь ты вёл разговор без запинок три с половиной минуты.

Вален криво усмехнулся:

— Считай, полчаса моего собственного времени. Ну что ж, неплохо.

— Неплохо? Восхитительно, мой дорогой! — Люме наклонилась вперёд и поцеловала его в лоб. — Восхитительно! Одни лишь твои открытия о природе стадии внутреннего единства потрясут весь мир культивации! Ну, если твой разум не рассыплется в ближайшие дни.

Глава 20. Потенциал Громового Клинка.

Полмесяца назад

— Брат Вален неплохо обучил тебя.

Вален с головой ушёл в свои попытки достигнуть нового понимания. К счастью, теперь часть дел можно было скинуть на товарищей. Наттару он поручил заняться тренировками Сурэнохи. Её боевую подготовку в любом случае следовало проверить. Конечно, Вален и сам оставался хорошим бойцом. Намного выше среднего. Но всё же, рукопашный бой и фехтование не были его коньками. И ему не хватало опыта, чтобы учить других.

Так считал сам Вален. Так он сказал Наттару. Наттар, однако, не собирался болтать о сомнениях брата. Особенно перед его будущей младшей женой.

— И указал тебе верный путь, младшая Сурэ. Тааак что... просто усерднее упражняйся. Отрабатывай Громовой Клинок, нуууу... отрабатывай, пока искры из ушей не посыплются. Вот и всё.

Сурэноха в ответ поклонилась ему в пояс:

— Поняла, старший Наттар.

— Я буду проверять твои успехи каждый день.

— Поняла, старший Наттар.

*****

— Хм... всем бы твоё усердие. Продолжай так же.

— Поняла, старший Наттар.

Молодой гуай уже повернулся было к выходу из тренировочного зала, как Сурэноха заговорила снова:

— Старший Наттар, могу ли... может ли младшая попросить об одолжении?

— Нууууу... попросить всегда можешь.

Сурэноха почтительно поклонилась:

— Старший Наттар, я бы хотела сразиться с вами на равных цветах, но в полную силу. Со всеми техниками.

Наттар почти уже начал отвечать, но вдруг осёкся. Посмотрел на младшую строгим взглядом:

— Можешь, конечно.

*****

В древней секте имелся обширный зал для жёстких тренировок и поединков. В нём не было особой формации, как на арене Секты Шести Печатей. Но стены и пол были сделаны из камня, похожего на тёмный мрамор с серебристыми прожилками. Настолько прочного, что практик трёх цветов, даже Наттар, с его необычайной физической силой, едва ли смог бы оставить на нём царапину. А уж при ограничении до двух цветов...

Сурэноха снова почтительно поклонилась:

— Начинать, старший?

— Нет, погоди, — Наттар покачал головой. — А чего это

ты до сих пор в человеческой форме, Сурэ?

Сурэноха ответила, не поднимая глаз:

— Разве это нужно?

Наттар как-то не привык пользоваться способностями внутреннего единства, чтобы скрывать свои настоящие чувства. А вот сейчас пришлось. Да и то слова прозвучали зло:

— Дуууумаешь, что справишься и так, младшая? А про мою необычайную закалку тела уже забыла? Живо превращайся. Это приказ старшего.

Сурэноха фыркнула, отвернулась, сбросила халат — и тут же линия хитиновых пластинок вдоль позвоночника, её гуайская метка, разрослась, обращаясь в покрывающий всё тело панцирь. Волосы втянулись внутрь, от спины раскрылись четыре полупрозрачных, дрожащих крыла.

— Ах, ну как пожелаешь, старший, — голос у Сурэнохи в получеловеческой форме сделался тише, с присвистом.

На этот раз она не спрашивала позволения начать. Разворот обратно лицом к Наттару перешёл во внезапную атаку. Вспышка молний резанула глаза, по залу эхом раскатился гром.

Наттар, однако, успел уйти в сторону быстрым и плавным движением. Между ними было десять шагов, он уже много раз видел её удары Громовым Клинком. Такая атака по прямой линии могла достать его лишь в случае подавляющего превосходства в скорости. Когда Сурэноха пролетела мимо него, он подсёк её ногу, заставив споткнуться и упасть на од-

но колено. Не успела она вскочить, не успели рассеяться потрескивающие остаточные разряды, как в затылок ей упёрлось остриё меча.

— Быстро, но недостаточно быстро!

Сурэноха резко взмахнула крыльями, заставив Наттара отшатнуться, чтобы не получить краем крыла в лицо. И тут же по его глазам и ушам ударила новая вспышка молнии! Громовой Клинок снизу вверх, на минимальном расстоянии!

Наттар получил бы тяжёлую рану, если б не освоил автоматическое очищение разума в подобных ситуациях. Удар отбросил его на несколько шагов, крохотные молнии перекинулись с клинка, которым он блокировал, на руку — но он блокировал.

Сурэноха вскочила на ноги тем же движением, которым нанесла удар, замахнулась для следующей атаки техникой. Слишком медленно. Громовой Клинок снова расколол воздух, когда Наттар ушёл в сторону Текучим Шагом. Одновременно заняв позицию для контратаки. Сурэноха почувствовала опасность, поняла, что не успевает защититься, попыталась взлететь в воздух. Снова слишком медленно. Правая рука Наттара ещё чуть дрожала, так что он не стал пользоваться мечом — инстинктивно понял, что может случайно зарубить противницу. Просто опрокинул её на камень пола ударом ноги. Миг спустя она обнаружила, что Наттар бросил свой меч и сидит на ней верхом, ухватив за крылья — пусть и сильные, но хрупкие.

Пару секунд оба молчали, тяжело дыша. Совсем короткий обмен ударами отнял много сил.

— Ииии что это было? — поинтересовался Наттар. — Попытка меня убить?

— Отпусти!

— Как бы не так! Если взялась драться всерьёз, то ты больше не девчонка, и не женщина, и даже не невеста моего названного брата, а практик. Давай уже, говори старшему, что на тебя нашло!

— Ты сказал, что у меня всё верно, надо усерднее упражняться! Я упражнялась усердно. Так почему я сейчас на полу?

— Тебе не хватает опыта, я на цвет выше, пусть и ограничил духовную энергию, у меня лучше закалка! Что ты ещё хочешь слышать, а? А? Будь довольна тем, что ты гуайша с полузвериной формой и сильным даром! — неожиданно для самого себя распалился Наттар.

— Я буду довольна, если стану бойцом не хуже твоего!

— Не выйдет!

— Это почему ещё? Ты что, такой уж гений?

— Нееет. Потому что даже скинуть меня со спины не можешь!

Сурэноха неожиданно оттолкнулась всеми четырьмя руками, подбросив себя на десяток метров в воздух. Наттар не решился настолько усилить хватку, чтобы искалечить девушку — и отлетел прочь. Сделал сальто и элегантно при-

землился на пол. Сурэноха зависла в воздухе. Переливающиеся крылья издавали низкое гудение.

— Это не считается! От настоящего врага ты бы так не избавилась!

— Не считается? Тогда сражайся так, чтобы считалось! Хватит меня жалеть!

*****

— Нуууу, вот я и перестал жалеть, — смущённо сообщил Наттар Люме чуть позже.

Люме фыркнула. От её пальцев сейчас расходились благоухающие золотые корни, оплетающие лежащую на постели Сурэноху и заново прикрепляющие к её телу отрубленную руку. Исцеляющие пилюли были не вполне надёжны при таких повреждениях. Существовал крохотный шанс неправильного восстановления меридианов.

— Прошу прощения у старших, — в который раз пробормотала Сурэноха. — Я взялась ловить кита на удочку. Не рассчитала сил. Это всё моя...

— Нет, вина моя, — решительно перебил её Наттар. — Я старший, я приставлен тебя учить. Так что всё на мне.

Люме фыркнула снова:

— Помнится, когда мы с сестрой были совсем маленькими, то сваливали друг на друга вину за проказы. А когда чуть подросли, то начали вину перетягивать на себя. Так глядишь, решат, что ты действительно всё прочувствовала и накажут легче.

Пристыженное молчание продолжалось некоторое время, пока работала техника.

— Но я и вправду виноват больше, — сказал, наконец, Наттар.

— Спорить не буду, — отозвалась Люме.

— Я уже взрослый, у меня три цвета, я должен был знать лучше.

— А я что, до сих пор девочка, что ли, а? — возмутилась Сурэноха.

— Лежи спокойно, — напомнила ей Люме. Покачала головой, вздохнула, изображая вселенское разочарование.

Точнее говоря, изображать тут не приходилось. Впрочем, чего ещё ожидать от этих детей.

— Лучше бы нам всем молчать об этом случае. У Валена и так хватает хлопот. Он на критическом этапе культивации. Если узнает, что вы сегодня натворили, это может создать внутренний разлад как раз тогда, когда его нужно избегать.

— Неудобно обманывать старшего брата, — заметил Наттар.

— Если уж так хочется сказать ему всю правду, скажете потом. Только сейчас не беспокойте.

— Хорошо, — ответила Сурэноха.

Наттар же спросил:

— Можешь тогда исполнить одну просьбу, не обращаясь к брату?

Люме глянула на него с подозрением:

— Что за просьба?

— Эээээ, боюсь, нам сегодня ещё потребуется твоё лечение. Много лечения.

— Вот только не говори, что отрубить одну конечность тебе мало!

— Может и так, — серьёзно ответил Наттар. Потом обернулся к Сурэнохе. — Младшая Сурэ, я не уверен, нооооо... возможно я подвёл тебя. Не выполнил задание брата. Не разглядел твои боевые искусства как следует. Но чтобы разобраться что к чему, нам придётся сразиться ещё, и не раз. В полную силу. С тобой в твоей полуживотной форме.

Сурэноха сперва засветилась счастьем, но при последних словах чуть сникла:

— Как скажете, старший.

Люме фыркнула снова. Жаль, руки в бока не упереть, пока выполняешь технику:

— Младшие, вы говорите так, словно я уже согласилась на это безумие!

— Безумие? — переспросили оба в один голос. Сурэноха смутилась и покраснела. А Наттар усмехнулся.

— Люуууме, мы же с тобой пуд соли вместе съели, а теперь ты мне не доверяешь.

— Не доверяю? Пф. И с чего бы мне это не доверять твоей способности никого не убить и не покалечить? Хмммм, даже и не знаю...

— Старшая Люме, — вмешалась Сурэноха. — Старший

Наттар — великий воин. Если он говорит, что так нужно, то я готова.

Люме фыркнула в третий раз. Ей сильно хотелось отправить их к Валену за разрешением. Но ведь сама заявила, что его лучше не беспокоить...

— Ладно. Но я просто буду вас лечить, я буду следить за вашим боем. И у меня будут незапечатанные три цвета — если что, остановлю вас силой.

*****

— Довольно, — сказал Наттар час спустя.

Его белый халат потемнел от пота, покрылся пятнами гари от электрических разрядов. Но лишь в двух местах на нём виднелась кровь.

— Я... прошу прощения старший. Но я ещё могу сражаться, — Сурэноха поднялась на ноги. Слишком медленно поднялась. Её конечности и крылья слегка дрожали. Если бы не пилюли и не регулярные перерывы, она давно свалилась бы. Ну а от её халата остались лишь окровавленные тряпки.

— Сказано довольно, значит довольно, — вмешалась Люме. — Ты и так на грани отравления пилюлями!

— Эм, я не про это, — заметил Наттар. — Я, эээ, просто уже увидел всё, что хотел увидеть. Сурэ, сегодня отдохни. Потом тренируйся как обычно, но всегда в полужверинной форме. Да, я заметил, что ты её не любишь, не знаю уж, с чего. Вален ведь говорил тебе, что форма стрекозы и дар Ненасытной Охотницы — это основа твоей боевой силы? Гово-

рил же, да?

Сурэноха кивнула:

— Да, старший.

— Но тренироваться в человеческом теле позволял. Зряяя. Ну, я так думаю. Мне ещё надо всё хорошенько в голове повертеть.

*****

— Посмотри внимательнее, Сурэ.

Спустя два дня они встретились в зале из чёрного мрамора. Сурэноха стояла, сложив руки на животе, словно послушная девочка и наблюдала за движениями старшего. Наттар снова начал взмахивать мечом, последовательно повторяя весь набор возможных движений, с которых мог начаться Громовой Клинок. Только нарочито медленно.

— Твои собственные приёмы. Видишь? Понимаешь, что я тут показываю?

Девушка задумалась, потом кивнула с серьёзным видом:

— У моего Громового Клинка слишком широкий замах. Верно старший? Ведь от того вы и сбиваете мне технику через раз?

— Нууууу, вообще-то я просто слишком быстрый и слишком хорошо предсказываю твои приёмы. Но мысль правильная. Ты ведь понимаешь слабость Громового Клинка? Движения ускоряются лишь когда техника уже пошла. Если замах не дошёл до конца, если враг его сбил, так она и не начнётся. А лишний замах как у тебя делает слабость техники

ещё слабее. То есть нет, наоборот, ещё хуже. Понятно?

— Понятно, старший.

— Хорошо. Только... только это не главное.

— А что же главное?

Наттар некоторое время глядел на неё, прежде чем ответить:

— Ну, описания техник говорят, что Громовой Клинок — техника для быстрого первого удара. Обычно — с расстояния. Сама понимаешь, почему. Ноооо... это вправду так? Или практикам прошлого просто духовной энергии не хватало? В смысле, чтобы использовать его правильно? А когда начинало хватать, они уже оставляли Громовой Клинок позади, брались за другие техники.

— И как же будет правильно? — поинтересовалась Сурэноха.

Наттар улыбнулся:

— Громовой Клинок сложно полностью заблокировать. Если враг не поставил вовремя барьер воли — получит разрядами по руке. А если поставил неверно — барьер расколется в момент столкновения клинков и он всё равно получает.

— Но старший, ведь от крохотных молний только одежда обгорает. Даже у практика равного цвета. А тот Иншань вообще Громовой Клинок рукой схватил.

— Иншань-Иншань... Иншань был сильным четырёхцветным. Хочешь так просто врезать на два цвета вверх? Но

ты права, убойной силы в громовых разрядах немного. Зато от них рука может дрожать не одну секунду. Понимаешь??! Громовой Клинок — лучше, чем я думал. Ооооочень правильная техника — и сама опасна, и открывает врага для следующего удара.

— Но старший, мой простой удар мечом не такой, как у вас. Силы во мне куда меньше. А если я возьмусь учить новую технику...

— А зачем тебе? Может, лучше научиться выполнять несколько Громовых Клинков подряд? Быстрой цепочкой? Духовной энергии тебе хватит. Бить ими в упор ты уже умеешь. Только если пользоваться одним клинком, то разрывы между атаками слишком большие.

— Ах, вот оно как. Значит, двумя клинками с обеих рук можно быстрее выполнить два Громовых Клинка подряд?

— Четыре подряд, — улыбнулся Наттар. — Ведь в полужвериной форме рук у тебя четыре, тааак?

*****

— Хорошо, что вы сработались, — заметила Люме вечером, когда Наттар зашёл попить чаю, поболтать и обнаружил, что Вален всё ещё на берегу, продолжает свои упражнения. — Я, признаться, боялась, что вы поцапаетесь за место лучшего рукопашного бойца в нашей... теперь уже четвёрке.

— Чего тут цапаться? Сестра Люме, ты прям как не своя порой. И так понятно, что лучший — это я. Просто, нууу, я вот подумал в конце концов — хорошо же, когда рядом

есть кто-то, чтобы наступать тебе на пятки, не давать расслабляться! И в мудрых книгах именно так древние Наставники пишут!

Глава 21. Четвёртый цвет духовного ядра.

Люме казалось, что она довольно хорошо может читать Валена. Конечно, его лицо было полностью невозмутимо, а пульс бился ровно, вне зависимости от реальных эмоций. Но у каждого человека или гуая есть свои манеры. Мелкие реакции, жесты, особенности поведения, которые он не всегда осознаёт сам. Если жить вместе достаточно долго, они перестают быть секретом для наблюдательной женщины.

Этим вечером Вален представлялся ей подавленным и задумчивым. Это было видно по тому, как медленно он пил чай, по тому, что он поинтересовался её сегодняшними успехами без искреннего интереса, по времени, на которое его взгляд задерживался в одной точке.

— Опять тупик? — спросила она.

Вален неожиданно расплылся в улыбке:

— Ну, если считать завершённость внутреннего единства тупиком.

Люме секунду смотрела на него, потом всплеснула руками:

— Вот же хитрец! И когда это ты научился так хорошо обманывать?

Вален стал ещё веселее:

— А-ха! Двойной успех! Ну же, поздравь меня!

— Нашёл чем гордиться — умением посмеяться над собственной невестой! — Люме, однако, злилась только для вида. И понимала, что он это понимает.

— Зато ты можешь гордиться тем, что твой жених — практик, переосмысливший две трети стадии внутреннего единства.

Вален допил свою чашку и добавил:

— Кстати, как насчёт того, чтобы из невесты с женихом стать, наконец, женой и мужем? Я ведь теперь настоящий старейшина настоящей секты. Имею полное право совершать свадебные обряды. Да и разрешение от главы рода у меня есть. Даже самый строгий блюститель нравственности не придерётся.

Люме наклонилась через стол и поцеловала его, прежде чем сказать:

— Мне нравится ход твоих мыслей, дорогой. Но уж если устраивать свадьбу — так лучше не торопиться. Придумать что-нибудь такое, что запомнится нам на всю нашу долгую жизнь. Не спеша придумать. А мне почему-то кажется, что сейчас твоя голова занята не свадьбой. А лишь предстоящим прорывом на четвёртый цвет. Или ты теперь стал настолько хитроумным, что я уже совсем не понимаю, что ты думаешь?

— Я думаю, тебе лучше перейти на мою сторону стола, а то сейчас макнёшь кое-что в рыбный суп.

Люме не разозлилась, а просто последовала совету — села

рядом с Валеном.

— Вот видишь, я права. Ты, всё же, сухарь. От свадьбы безо всяких усилий переходишь к рыбному супу, — она прильнула к нему, обвила его длинным лисьим хвостом вокруг пояса. — Но ты мне нравишься и таким. Так что не торопись пока.

«К тому же, — добавила она про себя, — ты, Вален, совсем ничего не понимаешь в строгих блюстителях нравственности. Тех, что построже почтенной Арамы. С их точки зрения я уже давно ничем не отличаюсь от шлюхи. Уж после годичного путешествия в компании двух мужчин — точно. Так что кому какое дело до их придирок?»

— И то правда. Как-то нехорошо выйдет, если окажется, что в моём понимании есть критические недочёты и ты вдруг останешься вдовой.

Люме отстранилась, сурово поглядела на него:

— Если б я всерьёз думала, что такое возможно, то вот тогда бы точно потребовала свадьбы прямо завтра. Но я перепроверяла твои выводы раз за разом. Можешь не волноваться зазря.

Вален засмеялся и обнял её:

— И вправду.

*****

«Вот и сама я волнуюсь зазря», — подумала Люме на следующее утро. Но собственному разуму не прикажешь, даже если ты практик. Точнее говоря, на трёх цветах может и при-

кажешь, но результаты тебе вряд ли понравятся.

Они по-прежнему жили в древесном доме, теперь обставленном кое-какой мебелью, так как она ещё не завершила анализ формаций, защищавших древнюю Секту Преобразования Пяти Элементов. Тем более что анализ лишь для виду был их с Хунбиш совместной работой. А на самом деле всё больше превращался в уроки, которые давала ей Досто-чтимая Тысяча Уловов. Люме принимала их без малейших выражений недоверия. Но оказавшись одна, тщательно обдумывала всё, преподанное ей. Если с виду в учении Досто-чтимой нет никаких ловушек — это ещё не значит, что их там нет на самом деле. Люме успела навидаться достаточно коварства и предательства, чтобы дуть на воду, обжѣвшись на молоке. Почти как Вален.

Вален, Вален, Вален. Как ни говори себе, что нисколько не сомневаешься в нём...

Кстати, этим утром он опять проснулся первым и ушѣл тренироваться не позавтракав. Люме не могла сравняться с ним в усердии и аскетизме. Если была возможность, она начинала день с неторопливого поедания чего-нибудь сладкого. Хотя бы сушѣных фруктов и ягод.

А пока она ела, ей в голову пришла ещё одна мысль. Она достала из пространственного кольца любимую колоду карт, которую таскала с собой уже несколько лет. Вынула карту Старейшины — младшую фигуру людской масти. Поглядела на изображение, тщательно выписанное на глянцевой по-

верхности — длинноволосый практик средних лет в развевающемся по ветру халате. Искусство художника придало его безбородому лицу суровость и воинственность. Люме задумалась над тем, что машинально выбрала картой, представляющей Валена, именно Старейшину, а не три цвета людей. Это уже о чём-то говорило.

Гадание на картах — это ведь и есть разговор с самим собой. Через карты практик не допрашивает судьбу и не просит о подсказках вечное Небо — понятно, что в их тайны таким дешёвым способом не проникнуть. Если они вообще существуют, эти тайны. Он пытается нащупать представление о вещах, которое уже существует в его разуме, но пока не оформилось в чётко выраженную мысль.

Люме выложила карту на столик, за которым они с Валеном ели, перетасовала колоду, сняла с верха две карты, положила поверх Старейшины, перевернула одну за другой. И посмотрела на них с некоторым раздражением. Пять цветов демонов. Четыре цвета зверей. Смутный до бессмысленности символизм. Да, звери и демоны — тёмные масти, они обозначают угрозу. Да, цвета стоят ниже фигур, значит угроза не прямая, бояться надо не удара в лицо, а коварства. Спасибо, а то мы не догадывались. Пятёрка и четвёрка... Зверь в подчинении у демона? Ну, в строгом и буквальном смысле такое возможно. А если взглянуть на вещи метафорически? Самый опасный враг — демонически коварен, а тот, кто ведом лишь примитивными животными страстями, не пред-

ставляет настолько большой опасности? Глубокая мысль, да. Жаль, ничего применимого к реальной ситуации из неё не вывести.

Люме вздохнула и убрала карты. Раз подсказок и озарений сегодня не предвидится, будем двигаться вперёд усердным умственным трудом.

*****

Летающие мечи водоворотом вращались вокруг сидящего на всё том же прибрежном камне Валена. Их по-прежнему было около сотни. Вален быстро понял, что разделение сознания на потоки не прибавляет ему вычислительной мощности... Опять странное словечко из прошлой жизни. А если говорить языком практика, река его разума не стала шире. Но стала глубже. При попытке одновременно исполнять несколько задач, он теперь несравнимо чётче и твёрже концентрировался на каждой из них. Когда он сможет окончательно отшлифовать эту способность, наберётся необходимого опыта, разница в контроле — контроле над летающим оружием, контроле над техниками — станет огромной. Постоянно возникавшая в предыдущих боях проблема — управление запускаемыми во врага мечами оставалось точным лишь до начального промаха или попадания — наконец будет устранена. Сотня мечей будет повиноваться ему столь же легко и быстро, как раньше повиновались десять.

Теперь остаётся главное. Подтвердить правоту своего видения, выполнив прорыв на следующую стадию. В конеч-

ном счёте, каждая из стадий культивации — это подготовка к прорыву. Что если изменения, внесённые им в понимание и учение древних Наставников — ошибка, ядовитый плод самоуверенности? Что если из-за них прорыв окончится неудачей? Да, вероятность этого ничтожна. Но не равна нулю. Что бы там ни говорила Люме. Что бы там ни говорила Досточтимая.

*****

«Путь культивации кажется ученику, едва вступившему на него, прямым, требующим лишь силы воли и усердия. Но чем дальше ты идёшь, тем яснее понимаешь, что он усеян ловушками для тела, разума и духа».

Вален по-настоящему понял смысл этого высказывания Досточтимого Золотые Одежды, когда начал готовиться к прорыву на четвёртый цвет. Это будет его первый самостоятельный прорыв. Без матери и Кантоса, наблюдающих за каждым шагом, готовых помочь советом. Да ещё после внесения стольких изменений в культивацию внутреннего единства. Неудивительно, что Вален готовился крайне тщательно.

Тем более что на прорыве со стадии, которую сейчас называли стадией внутреннего единства, практика ждала особенно коварная и устрашающая ловушка.

Медитации, изнурительные тренировки, упорная аскеза, вплоть до ухода в затвор на многие месяцы — всё это увеличивало власть разума практика над его телом. Позволя-

ло взять в узду собственные страсти, животные порывы. На внутреннем единстве эта власть возрастала до такой степени, что практик мог уже не брать их в узду, а отсекал напроочь. В ходе самой культивации стадии большинство практиков сохраняли достаточно здравого смысла, чтобы осознавать — они вмешиваются в процессы, которые понимают лишь поверхностно. Лучше не заходить слишком далеко. Даже самые низменные чувства, вроде страха, похоти и лени, следует ослаблять, а не истреблять — а то потом рискуешь не узнать себя. Наставления рассказывали о пугающих случаях, когда практик хотел сделать нечто, на первый взгляд, безобидное. Например, полностью избавиться от всякого подобия вялости и нерадивости. А в итоге превращался в тупую почти-что-куклу, способную с бесконечным усердием выполнять очевидные действия, но не способную подумать о действиях чуть менее очевидных, но могущих привести к тому же результату гораздо быстрее.

Но избежать подобных опасностей — дело не слишком хитрое. Для этого и вправду хватает простого здравого смысла.

А вот в момент прорыва опасность куда выше. В момент прорыва практик должен пройти по той струнке, по которой сейчас шёл Вален.

Или, если придирается к словам, той, на которой он стоял. Потому что он именно стоял на облюбованном им камне, глядя на море, на окрашенный огнём заката горизонт непо-

движными глазами. Он не шевелился уже четвёртый день.

Сама по себе неподвижность в течение каких-то четырёх дней давным-давно не была для Валена испытанием. Пекущее солнце сменялось тучами и проливным дождём, по нему ползали насекомые, пару раз на него садились птицы, решившие, что перед ними неподвижная статуя. Всё это не могло побеспокоить практика трёх цветов.

Не было проблемой и очистить разум на какой угодно срок. Несколькими способами. Уйти в медитацию, сосредоточиться на определённом действии, а если действие выполнять нельзя — на бесконечном повторении определённой мантры. Он не прорвался бы с формирования воли — или прошёл бы прорыв очень плохо — если б не был на такое способен.

Но суть прорыва со стадии внутреннего единства в обратном! В том, чтобы слушать себя. На этом этапе практик уже достаточно подготовлен. Он может встретить свои низменные человеческие желания лицом к лицу, осознать всю их глубину, оценить, насколько они запустили когти в его разум. Не подчиняясь им, но и не выбрасывая их за пределы сознания. Это лишь начало истинной работы над собой, которая завершается на прорыве со стадии постижения пределов. Но даже начало таит в себе грозную опасность, способную привести к безумию.

С одной стороны, практик может устраситься того, что услышит внутри себя, звериного воя собственных страстей,

инстинктов, желаний. Который сейчас звучал в голове Валена куда громче, чем свист ветра и шум прибоя. Устрашить-ся и воспользоваться привычными средствами, чтобы привести его к молчанию. Вместо внутреннего единства прийти к внутреннему разделению. При неудачном прорыве практик мог вообще лишиться всех желаний. Сделаться пустой оболочкой, не помнящей даже о необходимости есть и спать. Но это были очень редкие, крайние случаи. Куда чаще практик впадал в особо коварное безумие, ведущее прямо на тёмный путь. Начинал полагать себя существом чистого разума, победившим все страсти. На деле же такие практики лишь изгоняли страсти менее существенные, замещая всё самосохранением, примитивным, довлеющим над разумом стремлением к личной безопасности и независимости от чужих прихотей. Безопасность и независимость, однако, невозможны, если ты не контролируешь окружающий тебя мир. Когда они оказываются единственной страстью, вытеснившей все остальные, практик почти неминуемо начинает стремиться к безраздельному господству.

Бывали и случаи, пусть и ещё более редкие, когда практик склонялся в противоположную сторону. Прислушавшись к своим страстям, давал им полную власть. Это заканчивалось почти немедленной одержимостью — такой практик становился лакомым кусочком для демонов.

И такие опасности подстерегали обычных практиков. Которые культивировали внутреннее единство по наставлени-

ям, без необычных экспериментов, постигая свою плоть, меридианы и разум, чтобы подготовиться к прорыву. Что уж говорить о Валене, который не просто экспериментировал — чья душа была чужой для его тела?

Закат сменился тёмной ночью, освещённой лишь серебристым светом Небесной Реки, ночь — золотым рассветом, рассвет — солнечным днём, день — новым закатом. Вален по-прежнему стоял без движения. Дыхание замедлилось до одного удара сердца в минуту. Мошки какое-то время ползали прямо по глазам — но он остался неподвижен как статуя, даже не моргнул. словно внешний мир, с его красотой и уродством, больше не существовал для него.

Только сейчас Вален понял, насколько же он боялся этого прорыва. Страх... да, как ни странно, именно страх был страстью, владевшей им в наибольшей степени. Не страх смерти или физической боли, даже не страх неизвестности. Страх перед другими людьми, страх предательства. Навязчивые шепотки, панические вопли страха затопляли его ум. Вален всегда считал свою подозрительность унаследованной от прежней жизни. Функцией души, ума, но никак не тела. Лишь теперь он понял что первоначальный Вален обладал ею не в меньшей степени. Возможно, даже в большей. Лишь теперь он понял, насколько глубоко она сидела в нём, насколько коренилась в самой примитивной из эмоций.

Из страха росла ещё и зависть, нелюбовь к тем, кто был наделён большим природным талантом. Страх звучал гром-

че всего в его голове, но и кроме него в ней хватало пугающих голосов. Там был гнев, там была похоть. Вален считал себя почти свободным от страсти к женщинам... и лишь сейчас понял, насколько она окрашивала его решения на уровне, о котором он даже не подозревал. Теперь он понимал — вправду понимал — ещё и то, почему практики на этом прорыве порой отрекались от собственных чувств, пытались отсечь их от своего «я».

Вечер сменился ночью, ночь — днём. Снова и снова. Вален потерял счёт времени.

Но когда его веки, наконец, дрогнули, когда его тело затопил поток духовной энергии, от которого пошёл трещинами камень под ногами, его губы растянулись в счастливой улыбке.

Глава 22. Пути культивации и наследие древних.

Вал

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.